

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*гл. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. Б.В. Яценко

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2022

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (*editor-in-chief*);
Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Dr. of Sciences N.A. Antonova;
Dr. of Sciences M.V. Baranova;
Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov;
Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov;
Dr. of Sciences B.A. Dzhandarbek;
Dr. of Sciences I.G. Dudko;
Dr. of Sciences A.I. Korobeev;
Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss;
Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov;
Dr. of Sciences A. N. Levushkin;
Dr. of Sciences T.N. Mikheeva;
Dr. of Sciences Yu.A. Popova;
Dr. of Sciences B.V. Yatselenko

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Жуков Ф.Ф.

Юридическая судьба членства юридического лица-правопреемника в саморегулируемой организации в области строительства при реорганизации юридического лица в форме присоединения9

Крусс И.А.

Правовые аспекты организации предпринимательской деятельности без образования юридического лица18

Козырева Е.В.

О понятии произведения в авторском праве в условиях цифровой экономики23

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Новый законопроект о местном самоуправлении: перспективы реформирования28

Афтахова А.В.

Некоторые аспекты подготовки к судебному разбирательству дел по искам о защите прав и законных интересов группы лиц35

Бауэр В.П., Бурак П.И., Сухарев А.Н.

Государственный Совет Российской Федерации в системе органов государственной власти: концептуальные аспекты42

Гайдашов А.В.

Таможенные преступления как особый вид общественно опасных деяний по уголовному законодательству Российской Федерации53

Жукова О.В.

Полномочия суда апелляционной инстанции при рассмотрении частной жалобы60

Захаров Г.Н., Туманова Л.В.

Правосудие с доставкой на дом?65

Савченко М.М.

Объективная сторона преступного посягательства на собственность и законные интересы субъектов кредитования, бюджетную систему Российской Федерации70

Сапронова Т.П.

О дополнительном законодательном регулировании антикоррупционной политики в России79

Устьянцева О.В.

Экологические ориентиры Конституции России83

Харитошкин В.В.

Особенности проведения некоторых процессуальных действий при осуществлении предварительного следствия в исправительных учреждениях90

Чернядьева Н.А.

К вопросу о защите гражданских прав в условиях односторонних ограничительных мер зарубежных государств98

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Безверхов А.Г., Кривокапич Б.Д.

О комплексном понимании убежища по праву106

Вобликов А.Б.

Правовое регулирование трансграничного перемещения культурных ценностей114

Гребеньков А.А.

Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике121

Дронова Ю.А., Туманова Л.В.

Размышления о принципе гуманизма129

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В.

Нанотехнологии: новая промышленная революция и настороженность мирового сообщества143

Либозаев Д.П.

Стилистические приемы составления обвинительного заключения152

Секераж Т.Н.

Некоторые особенности организационно-правового регулирования и информационного обеспечения судебных психологических экспертиз информационных материалов в уголовном процессе159

Субботин Ю.Б.

Интерпретация товара в незавершенном, разобранном виде для таможенных целей167

Щербаков А.В.

Правовая характеристика реализации патентных прав осужденными к лишению свободы171

Юстус О.И.

К вопросу о стратегии регулирования обращения криптовалют на территории Российской Федерации177

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

Вопросы правовой преемственности организаций-предшественников Тверского государственного университета (1917 – 1991 гг.)185

Хотькина О.К.

Коррупция в пенитенциарной системе СССР послевоенного времени	192
---	-----

Проблемы организации учебного процесса

Алешукина С.А.

К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками (на примере юридической клиники юридического факультета Тверского государственного университета)	200
---	-----

Карпенюк О.С.

Интерактивные методы обучения правоведению студентов непрофильных факультетов	209
---	-----

Рязанова Е.А.

Воспитательный потенциал дисциплины «Конституционное право»	214
---	-----

Трибуна молодого ученого

Баранова Е.В.

Алиментные обязательства между супругами (бывшими супругами)	219
--	-----

Баранова Е.И.

Законный режим имущества супругов	225
---	-----

Бозова Э.Ю.

Семейно-правовая ответственность родителей	229
--	-----

Гришианов Д.А.

Некоторые проблемы участия прокурора в судопроизводстве по делам о лишении и ограничении родительских прав	234
--	-----

Тарасов Н.И.

Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей: некоторые теоретические и практические проблемы	238
---	-----

CONTENT

Topical issues of private law

Zhukov F.

Legal fate of membership in a self-regulating organization in the field of construction during the reorganization of a legal entity in the form of accession.....9

Kruss I.

Legal aspects of the organization of entrepreneurial activity without the formation of a legal entity18

Kozyreva E.

On the concept of a work in copyright in the digital economy.....23

Topical issues of public law

Antonova N.

New draft law on local self-government: prospects for reform28

Aftakhova A.

Some aspects of preparation for litigation of cases on the protection of the rights and legal interests of a group of persons35

Bauer V., Burak P., Sukharev A.

The State Council of the Russian Federation in the system of state authorities: conceptual aspects42

Gaidashov A.

Customs crimes as a special type of socially dangerous acts under the criminal legislation of the Russian Federation53

Zhukova O.

Powers of the court of appeals when considering a private complaint60

Zakharov G., Tumanova L.

Justice with home delivery?65

Savchenko M.

Objective side of criminal encroachment on property and legitimate interests of lending entities, budget system of the Russian Federation70

Sapronova T.

Additional legislative regulation anti-corruption policy in Russia79

Ustyantseva O.

Environmental guidelines of the Constitution of Russia83

Kharitoshkin V.

Peculiarities of carrying out some procedural actions during preliminary investigation in correctional institutions90

Cherniadeva N.

To the question of the protection of civil rights under conditions of one-sided restrictive measures of foreign states98

Topical issues of science and law enforcement practice

<i>Bezverkhov A., Krivokapich B.</i>	
On a comprehensive understanding of asylum by law	106
<i>Voblikov A.</i>	
Legal regulation of cross-border movement of cultural property	114
<i>Grebenkov A.</i>	
Webcast of a crime in russian criminal legislation and judicial practice.....	121
<i>Dronova Yu., Tumanova L.</i>	
Reflections on the principle of humanism	129
<i>Kuvyrchenkova T., Cherevko V.</i>	
Nanotechnology: the new industrial revolution and the wariness of the world community	143
<i>Libozhaev D.</i>	
Stylistic techniques for drafting an indictment	152
<i>Sekerazh T.</i>	
Some features of organizational and legal regulation and information support of forensic psychological examination of information materials in criminal proceedings	159
<i>Subbotin Y.</i>	
Interpretation of goods in unachieved, parsed type for customs integer	167
<i>Shcherbakov A.</i>	
Legal characteristics of the implementation of patent rights by persons sentenced to imprisonment	171
<i>Yustus O.</i>	
On the issue of the strategy for regulating the circulation of cryptocurrencies in the territory of the Russian Federation	177

Issues of state history and law

<i>Smirnov S.</i>	
Issues of legal succession of Tver state university`s predecessor organizations (1917 - 1991)	185
<i>Khotkina O.</i>	
Corruption in the penitentiary system of the USSR in the postwar period.....	192

Problems of organization of the educational process

<i>Aleshukina S.</i>	
On the provision of free legal assistance by legal clinics (on the example of the legal clinic of the law faculty of Tver state university)	200
<i>Karpenyuk O.</i>	
Interactive methods of teaching law to non-core faculty students	209

<i>Ryazanova E.</i> Educational potential of the discipline «Constitutional law»	214
---	-----

Tribune of young scientist

<i>Baranova E.V.</i> Alimony obligations between spouses (former spouses)	219
<i>Baranova E.I.</i> Legal regime of marital property	225
<i>Bozova E.</i> Family and legal responsibility of parents	229
<i>Grishanov D.</i> Some problems of the prosecutor's participation in court proceedings in cases of deprivation or restriction of parental rights	234
<i>Tarasov N.</i> Agreement on the payment of alimony for minor children: some theoretical and practical problems	238

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.191.6

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.009

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЧЛЕНСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА – ПРАВОПРЕЕМНИКА В САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ФОРМЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассказывается о проблемах правопреемства, возникающего у юридических лиц в ситуациях, когда юридическое лицо – строительная организация состоит в саморегулируемой организации, взнос в компенсационный фонд уплатило полностью, присоединилось к правопреемнику; анализируются судебная практика и юридическая сущность членства в саморегулируемой реорганизации и вопрос объема перехода прав к правопреемнику.

Ключевые слова: *саморегулируемая организация, строительство, членские взносы, реорганизация, присоединение, правопреемство, корпоративные отношения.*

С момента вступления в силу Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [7] (далее – Закон № 315-ФЗ) прошло более 14 лет и можно с уверенностью сказать, что концепция саморегулирования не только прижилась и успешно развивается как альтернатива лицензированию отдельных видов деятельности, осуществление саморегулируемыми организациями (далее – СРО) делегированных им публичных полномочий, но и явилась ярким примером гармоничного сочетания публично-правового и частноправового механизмов регулирования различных видов деятельности [21].

Наличие таких механизмов, по мнению профессора В.И. Крусса, создает синтетическое напряжение, дезавуирует значение отраслевых и институциональных демаркаций и даже типологическое обособление массивов права публичного и частного [22, с. 86 – 87]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ходе деятельности, вытекающей из саморегулирования, возникают правовые проблемы, с которыми не сталкиваются субъекты в других правоотношениях. Одну из проблем хотелось бы обсудить в рамках настоящей статьи.

Постановка проблемы такова: юридическое лицо – строительная организация состоит в СРО, взнос в компенсационный фонд уплатило полностью, затем оно присоединилось к другому юридическому лицу –

состоящему или не состоящему в СРО (в данном случае это не имеет правового значения). Возникает вопрос: будет ли юридическое лицо являться правопреемником присоединенного юридического лица в части прав и обязанностей в отношениях с СРО?

Коротко напомним, что существует утвержденный перечень работ, для осуществления которых необходимо получать разрешение [8]. До 1 января 2010 г. такие разрешения выдавались в форме лицензий, а после 1 января 2010 г. – в форме допусков к определенным видам работ, предоставляемых СРО (ст. 3.2 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации») [6]. СРО предоставляет такие допуски, устанавливает стандарты и правила поведения своих членов, осуществляет контроль за их деятельностью, правила уплаты взносов (ст. 55.1, 55.5, 55.13-55.15 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [2]. Одними из ключевых институтов саморегулирования в строительстве являются формируемые из членских взносов компенсационные фонды СРО. Фонды существуют двух видов: для возмещения СРО вреда, причиненного ее членами, и для обеспечения их имущественной ответственности по договорным обязательствам (ст. 55.16 ГрК РФ).

По нашему опыту, для строительной отрасли характерна непродолжительная (5-7 лет) деятельность юридических лиц (большинство из них – хозяйственные общества), после чего они прекращают свое существование в связи с ликвидацией или реорганизацией.

Опять же, основываясь на эмпиризме, необходимо отметить, что если строительная организация прекращается в связи с реорганизацией, то чаще всего выбирается реорганизация в форме присоединения согласно ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], ст. 53 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [4] или ст. 17 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3].

Преимущества присоединения юридического лица – строительной организации к другому юридическому лицу по сравнению с другими способами реорганизации видятся следующие:

- этот способ наиболее прост с точки зрения процедуры, оформления документов и бухгалтерского учёта (см, например, ст. 5, 14, 16, 17 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») [5];

- при присоединении не создается нового юридического лица – в отличие от слияния, но при этом к правопреемнику переходят все права и обязанности присоединяемого юридического лица (п. 2 ст. 58 ГК РФ).

Иными словами, если у заинтересованных (и уполномоченных на то законом) лиц возникает потребность ликвидировать юридическое лицо – члена СРО, то можно решить сразу две проблемы: и прекратить юридическое лицо, и передать права и обязанности члена СРО юридическому лицу, к которому было осуществлено присоединение, с такими благами, как допуски к определенным видам работ и уплаченные взносы.

Но на практике все складывается значительно сложнее.

Мы не ставили задачу собрать весь массив арбитражной практики по этому вопросу, но провели работу по максимальному ее охвату, в связи с чем с полным правом можем делать обобщения.

Возвращаясь к постановке вопроса статьи: юридическое лицо, к которому только что присоединилась строительная организация, обращается к СРО с требованием считать его членом, зачесть взносы, выдать свидетельство о допусках к определенным видам работ. Прав ли заявитель? Как СРО должна поступить в этой ситуации?

Суды занимают кардинально противоположные позиции, приведем и кратко проанализируем их.

Заявитель прав, а СРО должна удовлетворить требование (позиция «за»).

Арбитражный суд Тамбовской области, удовлетворяя иск о признании фактов членства в СРО реорганизованного юридического лица с сохранением (зачетом) компенсационного взноса присоединенного юридического лица, пришёл к следующим выводам:

- прекращение деятельности юридического лица – члена СРО в связи с присоединением к другому юридическому лицу не влечёт за собой прекращение членства в СРО;

- права и обязанности члена СРО – присоединяемого юридического лица, в т. ч. в части уплаченных взносов, переходят в порядке универсального правопреемства к другому (реорганизуемому) юридическому лицу с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица [18].

К аналогичным выводам пришел Арбитражный суд города Москвы, рассматривая тождественный спор, но уже относительно корпоративных отношений в СРО проектировщиков [15].

Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, удовлетворяя аналогичный иск лица, которое также состояло в СРО строителей, отметил следующее:

- так как оба юридических лица состояли в одной СРО, денежные средства в компенсационный фонд были внесены каждым членом в необходимом размере, факт реорганизации двух членов в форме присоединения одного к другому влечет универсальное правопреемство, в том числе и в части размера компенсационного фонда;

– нарушения прав ни одного из субъектов гражданских правоотношений в случае объединения средств компенсационного фонда реорганизованных юридических лиц не произойдет, поскольку общий компенсационный фонд не изменится, а универсальный правопреемник прекратившего деятельность члена этой же СРО будет иметь возможность оформить допуск на дополнительные виды работ, требующих внесения дополнительных средств в компенсационный фонд, без их внесения [13].

Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в развитие указанных тезисов конкретизирует, что правопреемник как бы замещает правопреемника в соответствующем правоотношении, что не требует дополнительного исключения из членов и приема в члены СРО [14].

Арбитражный суд Свердловской области, поддерживая мысль об универсальном правопреемстве в описываемых правоотношениях, в подтверждение указанных доводов противопоставляет подход о недопустимости суммирования взносов при реорганизации юридического лица в форме присоединения, тем самым создает не основанные на законе ограничения для правопреемника, дисбаланс в объеме его прав и обязанностей, что, по существу, будет свидетельствовать о том, что универсальное правопреемство не состоялось. По мнению суда, такой подход напрямую противоречит нормам ст. 58 ГК РФ и ст. 13 Закона об ООО [17].

Данные выводы судов вызывают множество вопросов, но мы рассмотрим их в связке с высказанными судами противоположными правовыми позициями.

Далее рассмотрим судебные акты, в которых высказано иное мнение (позиция «против»).

Судья Верховного Суда определением № 308-КГ16-11749 от 08.09.2016 отказал в передаче кассационной жалобы на рассмотрение по основаниям:

- лицо, присоединившееся к другому юридическому лицу, ликвидируется, его членство в СРО прекращается;
- никакого универсального правопреемства не возникает;
- лицу, прекратившему членство в СРО, не возвращаются уплаченные взносы [10].

Девятый арбитражный апелляционный суд, признавая законным отказ СРО в переоформлении свидетельства на допуск к определенным видам работ реорганизованному юридическому лицу, пришел к аналогичным выводам, добавив также, что взнос в компенсационный фонд – это особого рода расход, который несет член СРО, а не обязательство [12].

С этим мнением согласился Арбитражный суд Московского округа, отметив также, что порядок перераспределения средств, внесенных

таким ликвидированным юридическим лицом в компенсационный фонд СРО, законодательством не предусмотрен [11].

В развитие высказанных выше идей судов Седьмой арбитражный апелляционный суд отметил, что членство в СРО обладает особой правовой природой, не тождественной обязательственной, поскольку в результате реорганизации юридического лица права, вытекающие исключительно из обязательств, по общему правилу переходят в порядке универсального правопреемства. Корпоративные права, в т. ч. относительно уплаты взносов, передаются в особом установленном законом порядке [13].

Очевидно, насколько современная правоприменительная практика по этому вопросу противоречивая и вызывающая вопросы:

Какую правовую природу имеет членство в СРО – корпоративно-правовую или иную?

Возникает ли правопреемство в отношениях с СРО у юридического лица – правопреемника при присоединении к нему другого юридического лица – члена СРО?

Какую правовую природу имеет взнос в компенсационный фонд?

Какова судьба внесенного взноса в случае реорганизации члена СРО в форме присоединения?

О каком особом установленном законом порядке передачи корпоративных прав идёт речь?

Ростехнадзор в своем мнении категоричен: лицо, которое присоединилось к другому юридическому лицу, прекращает членство в СРО и ему не возвращаются уплаченные вступительный взнос, членские взносы и взнос (взносы) в компенсационные фонды [19].

Изучив указанные судебные акты за правопреемство и против него и позицию Ростехнадзора, можно синтезировать «зерна», которыми руководствовались субъекты правоприменения.

В тех актах, где субъекты правоприменительной практики высказались «за», последние говорят о том, что не надо придавать отношениям членства в СРО какой-то особой правовой природы, «уникального» регулирования – всё уже урегулировано в ГК РФ, Законе об ООО и иных источниках гражданского законодательства. Если правопреемство наступает, то наступает универсально, т. е. без изъятий.

В пользу такого подхода говорят положения ст. 1-5 Закона № 315-ФЗ, из которых явствует, что отношения членства в СРО имеют гражданско-правовую природу.

Что касается второй позиции – о том, что лицо, присоединившееся к другому юридическому лицу, ликвидируется, его членство в СРО прекращается, никакого универсального правопреемства не возникает, лицу, прекратившему членство в СРО, не возвращаются уплаченные взносы, а корпоративные отношения носят особый (т. е. публичный) характер.

Действительно, отношения саморегулирования имеют двойственную – частноправовую и публично-правовую – природу [20]. Но не следует применять эту матрицу к любому правоотношению между СРО и его членами. Например, публичный характер имеют отношения контроля и отчетности, дисциплинарной ответственности членов СРО, вопросы вступления и выхода из нее – частноправовые и т.д.

Пусть даже гражданско-правовому отношению будет предшествовать некая процедура, имеющая административные черты (например, созыв и проведение в установленном порядке заседания коллегии СРО, на котором решается вопрос о приеме в ее члены), это не меняет частноправовой природы членства.

То же самое касается отношений членства, в том числе юридической судьбы уплаченных взносов – они должны быть в полной мере квалифицированы как взносы, которые уплатил правопреемник.

Вопреки выводам судов об «особости» корпоративных отношений в СРО, полагаем, что это «обычные» корпоративные отношения, предусмотренные ст. 2 ГК РФ и неурегулированные никакими другими законами. И к этим отношениям могут быть применены общие положения ГК РФ о сделках [9].

В противном случае здесь усматривается экспансия публичного права в частноправовые отношения, что представляется неверным.

При этом вполне понятен публичный интерес: СРО выдает допуски к осуществлению работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства, а реорганизация в форме присоединения может вызвать обоснованные сомнения о том, что юридическое лицо – правопреемник будет соответствовать требованиям, которые предъявляются к соискателям допуска к этим видам работ (требования к количеству специалистов, их квалификации, ресурсам и прочее). Само же волеизъявление выступить правопреемником в связи с присоединением члена СРО в ряде случаев имеет признаки попытки обхода установленной законом процедуры вступления в члены СРО с прохождением соответствующих проверок.

Однако, мы полагаем, порочная практика не должна быть основанием для выставления ограничений организациям – правопреемникам к членству в СРО.

Если действительно имеются основания для того, чтобы ограничить практику корпоративного правопреемства в СРО, для законодателя было бы более последовательно обязать СРО проводить внеплановые проверки правопреемника после оформления корпоративного правопреемства или установить обязанность уплатить дополнительный взнос в компенсационные фонды.

В любом случае ГрК РФ предоставляет СРО достаточно полномочий для того, чтобы пресечь неправомерные действия организации –

правопреемника (контрольные мероприятия, дисциплинарное воздействие, obligation внести дополнительные взносы в компенсационные фонды и т.д.). Более того, Закон № 315-ФЗ позволяет СРО самим устанавливать более жесткие меры контроля, например, дополнительные основания для внеплановых проверок (ч. 5 ст. 9 Закона 315-ФЗ).

Подытоживая изложенное выше, считаем, что рассмотренная проблема является следствием разночтений в толковании правоприменителями доктрины и положений гражданского законодательства, осложненного наличием публично-правового интереса. Анализируемый частный случай является не единственным. Надеемся, наше небольшое исследование явится началом дискуссии по обозначенным проблемам.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СПС «Консультант Плюс».
8. Приказ Минрегиона России от 30.12.2009 г. № 624 «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства» // СПС «Консультант Плюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу А65-3053/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).
10. Определение судьи Верховного Суда от 08.09.2016 г. № 308-КГ16-11749 по делу № А32-32523/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2018 г. № Ф05-9927/2018 по делу № А40-173377/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2016 г. № 09АП-46024/2016 по делу А40-68637/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

13. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2020 г. № 07АП-4993/2020 по делу № А45-4533/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

14. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2019 г. № 13АП-4859/2019 по делу № А56-133984/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

15. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.04.2016 г. по делу № А64-2771/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

16. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2018 г. по делу № А56-99900/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

17. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 03.12.2020 г. по делу № А60-12856/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

18. Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 22.05.2012 г. по делу № А64-2771/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 13.01.2022).

19. Письмо Ростехнадзора от 27.05.2021 г. № 09-01-05/3841 «О реорганизации юридических лиц - членов саморегулируемой организации» // СПС «Консультант Плюс».

20. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. 384 с. // СПС «Консультант Плюс».

21. Фархутдинов Р.Д. Эффективность саморегулирования в строительстве: монография. М.: Юстицинформ, 2016. 128 с. // СПС «Консультант Плюс».

22. Крусс В.И. «Синтетическое напряжение» публичного и частного права в контексте конституционализации: уголовно-процессуальный аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 86–97.

Об авторе:

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6959-2925, e-mail: fzhukov@yandex.ru

**LEGAL FATE OF MEMBERSHIP IN A SELF-REGULATING
ORGANIZATION IN THE FIELD OF CONSTRUCTION DURING
THE REORGANIZATION OF A LEGAL ENTITY IN THE FORM OF
ACCESSION**

F.F. Zhukov

Tver State University, Tver

The article describes the problems of legal succession arising from legal entities in situations where a legal entity-construction organization is a member of a self-regulatory organization, paid the contribution to the compensation fund in full, joined the assignee, there are analyzed the judicial practice and the legal essence of membership in a self-regulatory reorganization and the issue on the scope of transfer of these rights to the assignee.

Keywords: *self-regulatory organization, construction, membership fees, reorganization, affiliation, succession, corporate relations.*

About author:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 6959-2925, e-mail: fzhukov@yandex.ru

Жуков Ф.Ф. Юридическая судьба членства юридического лица–правопреемника в саморегулируемой организации в области строительства при реорганизации юридического лица в форме присоединения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 9–17.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

И.А. Крyss

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуются вопросы организации деятельности индивидуального предпринимателя, анализируются плюсы и минусы выбора такой формы ведения бизнеса, особенности налоговых режимов, применяемых к индивидуальным предпринимателям, и отчетности, обосновывается необходимость заведения расчетного счета в банке.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность без образования юридического лица, государственная регистрация индивидуального предпринимателя, упрощенная система налогообложения, идентификация кодами по общероссийским классификаторам.*

Создание индивидуального предпринимателя характеризуется рядом существенных особенностей, которые имеют свои положительные и отрицательные черты. Выбор именно такой формы предпринимательской деятельности, как правило, обуславливается простотой и низкой стоимостью организации деятельности индивидуального предпринимателя. Среди плюсов выделяются упрощенный документооборот, а также простота внесения изменений и прекращения деятельности. Вместе с тем, индивидуальное предпринимательство основано на полной личной ответственности предпринимателя перед контрагентами и бюджетными организациями. Поскольку физическое лицо осуществляет деятельность без образования юридического лица, для него исключена возможность ввода в бизнес партнеров. Существуют законодательные ограничения по видам деятельности, и отсутствует возможность участвовать в значимых финансовых проектах и государственных контрактах. Открытость личной информации, в частности сведений о месте жительства, является также минусом индивидуального предпринимательства.

Правила государственной регистрации устанавливает Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1]. На регистрацию подаются заявление о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, копия российского паспорта, квитанция об уплате государственной пошлины. С 1 января 2019 г. при направлении документов на государственную регистрацию в форме электронных документов не требуется уплачивать государственную пошлину. Если физическое лицо желает перейти на

упрощенную систему налогообложения (далее – УСН), то вместе с заявлением о регистрации в налоговый орган подается заявление о переходе на «упрощенку». Лист записи Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей можно получить в налоговой инспекции через 3 рабочих дня, если вся документация в порядке. При этом документы забирает лично предприниматель или его представитель, а также по запросу лица их могут направить по электронным средствам связи и по почте.

В соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [2] и Положением о Федеральной службе государственной статистики, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 02.06.2008 г. № 420 [3], органы государственной статистики осуществляют формирование официальной статистической информации о социальном, экономическом, демографическом и экологическом положении России на основании статистических данных, представляемых хозяйствующими субъектами в формах федерального статистического наблюдения. При заполнении форм федерального статистического наблюдения следует указывать в кодовой части код по Общероссийскому классификатору предприятий и организаций (ОКПО). Для обработки представленной статистической отчетности и формирования официальной сводной статистической информации используется следующая идентификация кодами по общероссийским классификаторам: по Общероссийскому классификатору объектов административно-территориального деления (ОКАТО); по Общероссийскому классификатору территорий муниципальных образований (ОКТМО); по Общероссийскому классификатору органов государственной власти и управления (ОКОГУ); по Общероссийскому классификатору форм собственности (ОКФС); по Общероссийскому классификатору организационно-правовых форм (ОКОПФ).

После регистрации и получения расшифровки кодов ОК ТЭИ индивидуальный предприниматель изготавливает печать, открывает счет в банке, заключает договоры с контрагентами и приступает к своей непосредственной работе. Он осуществляет деятельность в соответствии с основными и дополнительными видами деятельности на основании листа записи из ЕГРИП. Как правило, ИП занимаются купли-продажей, консалтингом или другими услугами.

Расчеты между юридическими лицами, а также ИП проводятся в безналичном порядке. Однако можно рассчитываться и наличными деньгами, но с учетом ограничений, установленных законом и банковскими правилами. Согласно п. 6 Указания ЦБР от 07.10.2013 г. № 3073-У наличные расчеты в валюте РФ и иностранной валюте между участниками наличных расчетов в рамках одного договора,

заключенного между юридическими лицами и с участием ИП, могут производиться в размере, не превышающем 100 тысяч рублей [4]. Если указанный лимит предпринимателем соблюден, то можно работать без расчетного счета в банке. Использование личного счета в бизнесе в принципе допустимо, но может повлечь неблагоприятные последствия для ИП. Так, контрагенты ИП могут не согласиться перечислять деньги на банковскую карту физического лица по причине того, что они становятся налоговыми агентами и обязаны удерживать подоходный налог. Перевод денег на личный счет ИП может затруднить осуществление банковских операций по причине их подозрительности. Сложности могут возникнуть и в отношениях с налоговыми органами по налоговой отчетности. Налоговая инспекция будет применять дополнительное налогообложение доходов, не связанных с предпринимательством и т.д.

Для оптимизации налоговой нагрузки законодательством введены специальные налоговые режимы: упрощенная система налогообложения, патентная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог. Индивидуальный предприниматель может применять одновременно несколько спецрежимов по различным видам деятельности.

Популярностью пользуется УСН. Для УСН налоговые ставки зависят от выбранного предпринимателем объекта налогообложения. При объекте налогообложения «доходы» ставка составляет 6%. Если объект налогообложения «доходы минус расходы», то ставка составляет 15 %. ИП подает декларацию по УСН и платит налог не позднее 30 апреля года, следующего за истекшим налоговым периодом.

Начиная с налогового периода за 2021 г. налоговая декларация представляется по форме, утвержденной Приказом ФНС России от 25.12.2020 г. № ЕД-7-3/958@ «Об утверждении формы, порядка заполнения и формата представления налоговой декларации по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, в электронной форме и о признании утратившим силу приказа ФНС России от 26.02.2016 г. № ММВ-7-3/99@» (Зарегистрирован 20.01.2021 г. № 62152) [5].

Таким образом, индивидуальная форма ведения бизнеса может быть интересна и выгодна гражданам с учетом преимуществ такого предпринимательства, в том числе за счет упрощенного документооборота, простоты отчетности, возможности применения специального налогового режима и т.п. Вместе с тем индивидуальный предприниматель несет высокую финансовую ответственность и рискует всем своим имуществом.

С другой стороны, каждая форма регистрации бизнеса имеет свои недостатки, и начинающему предпринимателю сложно выбрать организационно-правовую форму бизнеса. Следует руководствоваться

положениями гражданского законодательства при открытии ИП или юридического лица, а также учитывать финансовые возможности и риски, связанные с ведением бизнеса. Так, например, в случае убыточности бизнеса ИП не освобождается от страховых взносов. В силу этого финансовая дисциплина является неотъемлемой составляющей грамотного построения бизнеса.

Стоит учитывать и то обстоятельство, что за ведение незарегистрированной деятельности наступает ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. К тому же ИП ограничиваются в выборе видов деятельности. Это и многое другое могут стать решающими факторами в определении организационных основ ведения предпринимательства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть 1). Ст. 3431.
2. Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6043.
3. Положение о Федеральной службе государственной статистики, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 02.06.2008 г. № 420 // СЗ РФ. 2008. № 23. Ст. 2710.
4. При расчете банковской картой за товары нужно ли ИП в ООО соблюдать лимит расчетов 100 тыс. руб.? В данном случае карта приравнивается к наличным или безналичным расчетам? <https://www.garant.ru/consult/business/1231254/>. Дата обращения 03.02.2022 г.
5. Федеральная налоговая служба // Официальный сайт. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn69/> (дата обращения: 02.02.2022).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582; SPIN-код: 1394-2400; e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

**LEGAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY WITHOUT THE FORMATION
OF A LEGAL ENTITY**

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article examines the issues of organizing the activities of an individual entrepreneur, analyzes the pros and cons of choosing such a form of doing business, the features of tax regimes applied to sole proprietors, and reporting, justifies the need to establish a current account in a bank.

Keywords: *entrepreneurial activity without the formation of a legal entity, state registration of an individual entrepreneur, simplified taxation system, identification by codes according to all-Russian classifiers.*

About author:

KRUSS Irina – PhD in Law, associate Professor of the Department of judicial power and law enforcement of the Tver State University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), ORCID: 0000-0002-0261-9582; SPIN-code: 1394-2400; e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Правовые аспекты организации предпринимательской деятельности без образования юридического лица // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 18–22.

О ПОНЯТИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.В. Козырева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена понятию произведения в авторском праве, где автор приводит различные точки зрения ученых в отношении данного понятия, определяет его признаки и раскрывает творческий характер как критерий охраноспособности объекта авторских прав.

Ключевые слова: понятие произведения, цифровая экономика, объект авторских прав, творческий характер, творческая деятельность, нематериальное благо, объективная форма выражения, искусственный интеллект.

Цифровая эпоха ознаменовала новый этап в развитии экономики России, что, несомненно, отразилось на действующем законодательстве. Не осталось в стороне и авторское право. Сегодняшние понятия и категории наполняются новым смыслом, что вполне объяснимо и продиктовано необходимостью урегулирования авторских правоотношений в цифровой среде. И такое наполнение, главным образом, обусловлено необходимостью создания эффективного механизма защиты авторских прав, принадлежащих человеку.

Понятие произведения как объекта авторских прав не сформулировано законодателем в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), что порождает споры в науке и создает трудности на практике при разрешении данной категории дел. Актуальность данного вопроса, конечно, обусловлена значимостью авторских прав для человека. Ведь человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Кроме того, следует сослаться и на ст. 44 Конституции РФ, где провозглашается свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Представляется, что в условиях пандемии, как никогда творческая деятельность набирает обороты, что отрадно.

В четвертой части ГК РФ, вступившей в силу с 1 января 2008 г., объектам авторских прав посвящена ст. 1259 ГК РФ, в которую до настоящего времени не вносились существенные изменения и дополнения, кроме некоторых уточнений, касающихся видов произведений. Так, законодатель в п. 1 ст. 1259 ГК РФ из видов объектов авторских прав исключил «геологические», включив «геологическую информацию о недрах», что вполне справедливо. Такая незыблемая позиция законодателя в отношении объектов авторских прав,

безусловно, приветствуется, но не снимает остроты вопроса в отношении понятия произведения.

В п. 1 ст. 1259 ГК РФ «Объекты авторских прав» предусмотрено, что объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также способа выражения. Авторские права распространяются как на обнародованные произведения, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Таким образом, российским законодателем не сформулировано понятие произведения как объекта авторских прав по аналогии с зарубежным законодательством, что вполне оправданно и соответствует мировому стандарту [8, с. 446–447].

Обратимся к доктринальному определению понятия произведения. Так, одни ученые отмечают, что произведение - это результат творческой деятельности автора, выраженный в объективной форме [6, с. 40]. Другие определяют произведение через «совокупность идей и образов, получивший свое объективное выражение в готовом труде» [7, с. 60]. Третьи, говорят о произведении как «совокупности идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [11, с. 32]. Имеется в литературе и другая палитра мнений в отношении понятия произведения, но думается, что определение, сформулированное В.И. Серебровским еще в советский период развития общества, раскрывает по истине, всю его суть, является наиболее правильным, доктринальным [12, с. 43], востребованным в наши дни, и вряд ли нуждается в трансформации в условиях цифровых технологий.

Произведение как объект авторских прав является нематериальным благом независимо от формы, в которой оно воплощено. И здесь вполне уместно будет обратиться к поэзии А.С. Пушкина. Когда почти 200 лет назад А.С. Пушкин писал: «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать» [10, с. 401], он тем самым высказывался по сложнейшему теоретическому вопросу, касающемуся стоимости объекта интеллектуальной собственности и вознаграждения за творческий труд. По сути, поэт утверждал: нетелесный результат творчества можно продать только вместе с телесным носителем, и следует заметить, что такая связь произведения с материальным носителем является неделимым целым.

В науке принято выделять постоянные признаки произведения, как объекта авторских прав, такие как творческий характер, объективную форму выражения, способность к воспроизведению, так и

дополнительные признаки, которые применяют «в случае конфликта интересов» [12, с. 47].

Решающим признаком в определении понятия авторского произведения, конечно, является творческий характер. В п. 7 ст. 1259 ГК РФ «Объекты авторских прав» законодатель определил, что авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным пунктом 3 ст. 1259 ГК РФ. Составляющими творческого труда являются уникальность, новизна и оригинальность [4]. Кроме того, и в ст. 1257 ГК РФ также имеется указание на творческий труд. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что «в случае конфликта интересов» признак творческой деятельности при создании соответствующего вида произведения, предусмотренного в ст. 1259 ГК РФ, будет раскрываться по-своему.

Хотелось бы отметить, что редакция ст. 6 Федерального закона «Об авторском праве и смежных правах» была более удачной, поскольку в ней сразу же в начале статьи акцентировалось внимание на таком признаке, как творческая деятельность [5]. Согласно ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре творческая деятельность сформулирована как создание культурных ценностей и их интерпретация [3], а творчество – это создание чего-либо нового, ранее не существовавшего, либо новая комбинация уже известных элементов [9, с. 302].

В условиях цифровой экономики особое внимание уделяется искусственному интеллекту. Так, 10 октября 2019 г. Президентом РФ В.В. Путиным был принят Указ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» № 490, которым была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [2]. В данном Указе Президента РФ представлены две формы искусственного интеллекта: слабый и сильный. В этой связи целесообразно обратиться к вопросу: способен ли искусственный интеллект заменить человека при создании авторского произведения? Изучив представленную стратегию, полагаю, что вряд ли искусственный интеллект способен это сделать в сегодняшнее время, за исключением программ ЭВМ. Человек является по истине творцом, создателем авторского произведения, а искусственный интеллект пока независимо от его формы не способен его подменить.

Представляется, что с развитием цифровых технологий понятие авторского произведения не претерпит существенных изменений и оно останется неизменным и не потребует его определение в гражданском законодательстве. А применительно к объективным формам выражения авторского произведения следует отметить, что они будут сочетаться

между собой, и самое широкое применение, несомненно, получают аудиовизуальные произведения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть четвертая от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I) ст. 5496.
2. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 01.04.20 г.)) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019 г. «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 г. № 5351-1 (ред. от 20.07.2004 г.) // РГ. 1993. № 147. 3 августа (утратил силу).
6. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах». М.: Экзамен, 2003. 352 с.
7. Гордон М.В. Советское авторское право. М., Госюриздат, 1955. 232 с.
8. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник в 2 т. / под ред. Е.В. Васильева, А.С. Комарова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2008. Т.1. 560 с.
9. Гражданское право: учебник в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгалов. М.: Статут, 2018. Т. 1. 326 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. Ли. (Пушкинский Дом); Т. 2. Стихотворения. 1820-1826 / текст проверен и примечания составлены проф. Б.В. Томашевским. Л.: Наука Ленинградское отд., 1977.
11. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: изд-во Академии наук СССР, 1956. 283 с.
12. Хохлов В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика. М.: издат. дом. «Городец», 2008. 286 с.

Об авторе:

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

ON THE CONCEPT OF A WORK IN COPYRIGHT IN THE DIGITAL ECONOMY

E.V. Kozyreva

Tver State University, Tver

The article is devoted to the concept of a work in copyright, where the author cites various points of view of scientists in relation to this concept, defines its features and reveals its creative nature as a criterion for the protection of the object of copyright.

Keywords: *the concept of a work, digital economy, copyright object, creative character, creative activity, intangible good, objective form of expression, artificial intelligence.*

About author:

KOZYREVA Elena – PhD in Law, assistant professor of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., d.33), SPIN-code: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

Козырева Е.В. О понятии произведения в авторском праве в условиях цифровой экономики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 23–27.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.537.3 : 352.075

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.028

НОВЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается новый законопроект о местном самоуправлении, анализируются предстоящие изменения основ организации и осуществления местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: *местное самоуправление, основы местного самоуправления.*

16 декабря 2021 г. в Государственную Думу внесен проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который явился вторым документом, направленным на реформирование власти в субъекте Федерации. Первым был подписанный Президентом РФ в конце декабря 2021 г. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [4].

Оба эти документа стали логическим продолжением конституционной реформы 2020 г. Включение в Конституцию РФ положения, согласно которому органы государственной власти и органы местного самоуправления образуют единую систему публичной власти, вызвало необходимость обновления правового регулирования элементов этой единой системы. Авторы законопроекта в п. 3 Пояснительной записки к нему указали, что законопроектом, в соответствии с конституционными основами единства публичной власти, выстраивается обновленная модель организации и деятельности органов местного самоуправления. При этом законопроект предусматривает уточнение компетенции органов местного самоуправления в целях приведения ее в соответствие с правовой природой местного самоуправления.

Местное самоуправление как институт, сформированный в современной России, переживает уже не одну серьезную реформу. Рассматриваемый законопроект станет четвертым законом, который за 30 последних лет существования местного самоуправления в Российской Федерации вносит серьезные изменения в его организацию. Как не вспомнить в этой связи высказывание профессора Г.В. Барабашева – основателя современной теории местного самоуправления – о том, что местное самоуправление – трудное дитя России [1].

Формат статьи не позволяет провести анализ всех новелл законопроекта, но остановимся на основных. Задача федерального

правового регулирования организации местного самоуправления состоит в установлении, прежде всего, основ данного института, под которыми понимаются одинаковые и обязательные для всех субъектов Федерации начала организации и деятельности местного самоуправления. Следует отметить, что в законопроекте расширен перечень таких основ. Если по действующему Закону предусмотрены правовая, территориальная, организационная и экономическая основы местного самоуправления, то законопроект добавляет к перечисленным еще и функциональную основу организации местного самоуправления. Ориентируясь на названные основы организации и деятельности местного самоуправления, попробуем выделить основные изменения, которые повлечет принятие данного акта.

С первой же статьи законопроекта сталкиваемся с новым определением местного самоуправления. Если в действующем законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление определяется как форма осуществления народом своей власти, то новый документ предлагает рассматривать местное самоуправление как форму *самоорганизации граждан*. На наш взгляд, термин, выбранный для определения сущности местного самоуправления, не является удачным.

Самоорганизация населения рассматривается в юридической литературе как одна из демократических форм объединения индивидов или их общностей для рационального достижения тех или иных целей с помощью наиболее демократических методов по решению того же коллектива (сообщества) людей [2]. В действующем Законе о местном самоуправлении термин «самоорганизация» используется для определения понятия территориального общественного самоуправления как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Закрепление понятия местного самоуправления как самоорганизации граждан, а не формы осуществления власти, умаляет роль населения – главного субъекта местного самоуправления. Хотя законопроект подразумевает правовое регулирование местного самоуправления в единой публичной власти, создается впечатление, что авторы этого документа подразумевают под элементами системы только органы местного самоуправления, но не население как субъект власти. Подтверждением этому служит и п. 3 ст. 2 законопроекта, согласно которому органы публичной власти в соответствии с Конституцией и законодательством обеспечивают права граждан на осуществление местного самоуправления. То есть на первое место в системе организации местного самоуправления выходят органы местного самоуправления. Их роль в решении вопросов местного значения теперь первична по сравнению с участием населения в решении этих вопросов. В этой связи и расположение частей законопроекта, посвященных вопросам организации и деятельности органов местного самоуправления

и самоорганизации граждан, совершенно иное, нежели в действующем Законе. Если в Федеральном законе о местном самоуправлении № 131-ФЗ сначала законодатель определяет формы непосредственного решения вопросов местного значения населением и участия населения в решении таких вопросов, а затем закрепляет статус органов местного самоуправления и определяет основы их деятельности, то в новом документе сначала речь идет об органах, а потом уже о населении. И это свидетельствует о совершенно новом подходе к характеристике местного самоуправления в целом.

Закрепляя правовую основу местного самоуправления, новый законопроект кроме перечисления видов правовых актов разных уровней, которые осуществляют правовое регулирование соответствующих отношений, дополняет эту основу принципами правового регулирования. И это сделано впервые. Речь идет не о принципах организации и осуществления местного самоуправления (которые были закреплены и прежде в Конституции РФ и Федеральном законе № 131-ФЗ), а о принципах правового регулирования муниципальных отношений. Они заслуживают особого внимания, и анализ этих принципов может стать и, несомненно, станет предметом иных исследовательских работ.

Особые изменения претерпела территориальная основа местного самоуправления. В который уж раз! В соответствии с предлагаемым в законопроекте вариантом организации территориальной основы местного самоуправления, оно будет осуществляться в трех видах муниципальных образований: городской округ; муниципальный округ и внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения. Происходит принципиальное изменение территориальной основы местного самоуправления. Не просто сокращается число видов муниципальных образований, а меняется принцип определения такой основы местного самоуправления. По словам авторов законопроекта, в основу территориальной организации местного самоуправления положен теперь «не территориальный принцип, а принцип привязки к населению» (из Пояснительной записки к законопроекту), что, по их мнению, позволит повысить эффективность органов местного самоуправления, укрепить финансовую основу их деятельности. Другими словами, если в результате принятия Федерального закона № 131-ФЗ произошло дробление территории субъектов Федерации на территории сельских, городских поселений, и общее число муниципальных образований тогда увеличилось вдвое, то сейчас пойдет процесс обратный – укрупнение муниципальных образований. Основная причина такой резкой смены курса – финансовая несостоятельность многих муниципальных образований (прежде всего сельских и городских поселений). К слову сказать, в зарубежных странах этот процесс укрупнения муниципальных

образований произошел гораздо раньше, например, во Франции первая такая реформа прошла еще в 80-х гг. XX столетия, в Финляндии – в начале двухтысячных, в Ирландии – в 2014 г., в Норвегии – в 2014–2017 гг. [3, с. 19]. Исследователи, изучающие эти процессы в зарубежных странах, отмечают несостоятельность аргумента об экономии бюджетных средств в ходе укрупнения муниципалитетов.

Изменению подвержены и сами критерии разделения на виды муниципальных образований. Если по действующему Федеральному закону критериями определения типа муниципального образования являются: во-первых, территория, на которой создается такое муниципальное образование, во-вторых перечень вопросов, которые решает это муниципальное образование, то в новом законопроекте такими критериями выступают: действующие в настоящее время требования к доле населения, проживающего в муниципальном образовании, площади его территории, а также плотности населения.

Существенные изменения ожидаются и в организационной сфере местного самоуправления. Как уже отмечалось, среди организационных форм осуществления местного самоуправления на первый план выходят органы местного самоуправления. При этом изменения коснутся порядка формирования этих органов. И в первую очередь следует отметить, что формирование представительного органа предусматривается только в одном варианте – непосредственные выборы населением. В отличие от этого, в настоящее время в муниципальном районе Федеральный закон допускает формирование представительного органа двумя способами – на муниципальных выборах и путем формирования из глав поселений и депутатов этих поселений, избираемых по равной норме представительства. Способы же избрания главы муниципального образования остались прежними: он может быть избран на муниципальных выборах; представительным органом муниципального образования из своего состава; представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации.

А вот ответственность главы муниципального образования, депутатов, то есть выборных должностных лиц муниципального образования предлагается регламентировать в новом законопроекте по-другому. И, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что законопроект не предусматривает такую форму участия населения в осуществлении местного самоуправления, как голосование по отзыву названных лиц. И если в настоящее время такая форма ответственности выборных должностных лиц перед населением существует, пусть и редко реализуется, то в будущем она вовсе исчезнет. Возникает вопрос, каким же образом население, имеющее право на осуществление местного самоуправления, может привлечь к ответственности выборных

должностных лиц. Видимо, по задумке авторов законопроекта, такая ответственность и не должна существовать.

Продолжая говорить об организационной основе местного самоуправления, следует отметить, что изменилась сама система форм осуществления населением местного самоуправления. Во-первых, авторы сделали попытку разделить в тексте закона все эти формы на две группы: формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления (и к ним отнесены – местный референдум; муниципальные выборы; сход граждан; территориальное общественное самоуправление), а также формы участия населения в осуществлении местного самоуправления (и к ним по законопроекту относятся – опрос; публичные слушания, общественные обсуждения; собрание граждан; инициативные проекты; староста сельского населенного пункта). Деление всех этих форм на две названные группы предполагает и нынешний Федеральный закон, но лишь предполагает, формально их не разделяя. Что же получается в итоге по новому законопроекту. Во-первых, отнесение территориального общественного самоуправления к форме непосредственного осуществления населением местного самоуправления не является оправданным. Под формой непосредственного осуществления населением местного самоуправления понимается форма, в которой население само принимает решение по вопросам местного значения. Правовая природа территориального общественного самоуправления, определенная в новом законопроекте, не отличается ничем от правовой регламентации территориального общественного самоуправления (далее – ТОС), которая существует сейчас. Территориальное общественное самоуправление также является самоорганизацией граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. При этом в законопроекте не предусматривается принятие решений органами ТОС, которые носили бы обязательный характер. Почему же авторы законопроекта относят ТОС к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления? Лишь по той причине, что органы ТОС реализуют свои инициативы по вопросам непосредственного осуществления населением местного самоуправления? Но этого недостаточно, чтобы форма самоорганизации граждан могла быть отнесена к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления.

Следует отметить и то, что из числа форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, которые закреплены ныне действующим Законом, исчезла такая форма, как правотворческая инициатива граждан. Право вносить в органы местного самоуправления

проекты муниципальных правовых актов авторы законопроекта оставили только за органами ТОС.

Новеллой законопроекта является закрепление гл. 4, определяющей функциональные основы организации местного самоуправления. Исходя из анализа законопроекта в этой части, под *функциональными основами местного самоуправления* можно понимать совокупность норм, определяющих перечень полномочий органов местного самоуправления и порядок их реализации (выделено мной – Н.А.). Закрепление данной основы – совершенно новый поворот в правовом регулировании компетенции органов местного самоуправления. Анализ развития законодательства о местном самоуправлении за прошедшие 30 лет показывает, что ни один из вариантов определения компетенции, который когда-либо был закреплён муниципальным законодательством, не был удачным. Так, в Федеральном законе № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», принятом в 1995 г. были закреплены вопросы местного значения как общий единый перечень вопросов, который относился к ведению любого муниципального образования. В действующем сейчас Федеральном законе № 131-ФЗ вопросы местного значения дифференцированы по типам муниципальных образований, а полномочия органов местного самоуправления содержатся в отраслевом законодательстве, что само по себе является весьма неудобной формой определения компетенции органов местного самоуправления. При этом в последнее время наиболее часто изменения действующего законодательства связаны с перераспределением вопросов местного значения между типами муниципальных образований или между муниципальными образованиями и региональной властью.

И вот в предлагаемом законопроекте предусматривается закрепление непосредственно полномочий органов местного самоуправления. Такая категория как «вопросы местного значения» исключается из понятийного аппарата института местного самоуправления. Компетенция органов местного самоуправления определяется как «полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Другими словами, сфера деятельности органов местного самоуправления – вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, в рамках которой они обладают установленными законом полномочиями. Законопроект насчитывает 27 таких полномочий, которые можно именовать собственными полномочиями органов местного самоуправления. Помимо этого в компетенцию органов местного самоуправления включаются и полномочия, передаваемые органами государственной власти.

Это лишь некоторые новации внесенного законопроекта, направленные на реформирование местного самоуправления. В

Российской Федерации формируется новая институциональная модель государственного управления, и в этой связи, конечно, должны быть приняты новые законодательные акты, регулирующие организацию власти как на уровне субъектов Федерации, так и в муниципальных образованиях. Однако данные новации подлежат серьезному обсуждению и оценке как практиков, так и ученых с целью поиска оптимального варианта регулирования соотношения разных уровней публичной власти.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Барабашев Г.В. Местное самоуправление – трудное дитя России // Местное самоуправление в России: состояние, проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции. 25 января 1994 г. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 11–20.
3. Гильманов А.З. Местное самоуправление в Республике Татарстан: Теоретические и прикладные основы. Казань, 2002.
4. Маркварт Э., Франcke Й. Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 40–61.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

NEW DRAFT LAW ON LOCAL SELF-GOVERNMENT: PROSPECTS FOR REFORM

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

A new draft law on local self-government is being considered, and upcoming changes in the foundations of the organization and implementation of local self-government in the Russian Federation are being analyzed.

Keywords: *local self-government, fundamentals of local self-government.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Новый законопроект о местном самоуправлении: перспективы реформирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 28–34.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ДЕЛ ПО ИСКАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу особенностей подготовки к судебному разбирательству по делам, связанным с защитой прав и законных интересов группы лиц. Особое внимание уделено анализу механизмов присоединения к групповому (коллективному) иску, а также оснований для оставления данного иска без рассмотрения. Автор формулирует некоторые проблемы, которые могут препятствовать развитию института групповых (коллективных) исков в Российской Федерации.

Ключевые слова: защита прав группы лиц, групповой (коллективный) иск, присоединение к группе лиц.

Изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) относительно групповых (коллективных) исков приняты в 2019 г. В АПК РФ была полностью обновлена глава 28.2 [1], а в ГПК РФ впервые внесен институт групповых исков, урегулированный гл. 22.3 [2].

Мировая практика применения групповых исков выработала несколько основных сфер их применения – споры в сфере защиты окружающей среды, защиты прав потребителей, антимонопольные споры, споры, связанные с оказанием медицинских услуг, а также споры, возникновение которых обусловлено деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг. Таким образом, можно сказать, что сферы применения групповых (коллективных) исков – это сферы, где происходит нарушение прав группы лиц или даже неопределенного круга лиц. При этом требования членов данной группы относительно предмета спора аналогичны и вызваны одной и той же ситуацией.

В рамках разработки и принятия рассматриваемых новелл предполагалось, что групповые (коллективные) иски как механизм защиты прав будут также эффективны в рамках трудовых споров, споров с управляющими и ресурсоснабжающими организациями, банками, строительными компаниями, страховыми, туристическими организациями. Также возможными сферами для применения групповых (коллективных) исков могут быть защита прав граждан в сферах образования, рекламы, пассажирских перевозок, долевого строительства, а также в рамках взаимоотношений с операторами сотовой связи и др. Таким образом, перспективный спектр применения такого уникального

инструмента защиты прав и законных интересов невероятно обширен, однако до настоящего времени механизм защиты прав группы лиц не приобрел достаточного распространения в российской судебной практике.

Прежде всего следует отметить, что групповые (коллективные) иски направлены на защиту интересов достаточно большой группы лиц, персонифицированный состав участников которой не всегда известен на момент возбуждения дела. При разработке рассматриваемого механизма защиты прав и законных интересов законодатель исходил из того, что механизм коллективных (групповых) исков будет иметь несколько преимуществ:

- 1) позволит обеспечить защиту прав и законных интересов граждан даже при отсутствии у последних достаточных денежных средств на оплату юридических услуг;
- 2) обеспечит равенство прав заявителей и равенство удовлетворенных требований;
- 3) сбалансирует публичные и частные интересы, обеспечит процессуальное равенство сторон в процессе;
- 4) предоставит возможность выступать в защиту группы лиц юридическим лицам, таким как уполномоченные органы по защите прав потребителей, антимонопольные органы и др.;
- 5) сэкономит время, поскольку суд будет рассматривать одно, а не несколько дел;
- 6) предоставит максимально широкие права членам группы лиц, в защиту которых предъявлено требование о защите прав и законных интересов группы лиц, поскольку законодателем не установлены конкретные категории дел, по которым может быть подан групповой (коллективный) иск;
- 7) оптимизирует работу судов и многие другие.

Исходя из анализа норм гл. 22.3 ГПК РФ право на обращение в суд в защиту интересов группы лиц возникает при наличии совокупности следующих условий:

- 1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;
- 2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;
- 3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;
- 4) всеми членами группы лиц используется одинаковый способ защиты своих прав.

Дополнительным условием для рассмотрения дела о защите прав и законных интересов группы лиц является обязательное присоединение к требованию о защите прав и законных интересов этой группы лиц не менее двадцати лиц – членов группы лиц ко дню обращения в суд.

В соответствии с п. 6 ст. 244.21 ГПК РФ присоединение члена группы лиц к требованию о защите прав и законных интересов этой группы лиц осуществляется путем подачи в письменной форме заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Такое заявление может быть подано:

- гражданину или организации, являющимся членами этой группы лиц и обратившимся в защиту прав и законных интересов группы лиц;
- органу, организации и гражданину, не являющимся членами этой группы лиц, обратившимся в защиту прав и законных интересов группы лиц;
- непосредственно в суд, если член группы лиц присоединяется к требованию после принятия искового заявления в защиту прав и законных интересов группы лиц к производству суда.

Законодатель также установил, что соответствующее присоединение к групповому (коллективному) иску возможно на любой стадии рассмотрения дела до перехода суда к судебным прениям.

Статьей 244.26 ГПК РФ достаточно подробно закреплён порядок присоединения к групповому (коллективному) иску. Гражданин – член соответствующей группы – может быть не информирован о факте направления коллективного иска в суд. Подобная ситуация предусмотрена процессуальными нормами. К примеру, гражданин не планирует осуществлять защиту прав и законных интересов (в связи с тем, что не знает об их нарушении либо не хочет отстаивать нарушенные права в связи с возможными финансовыми или временными издержками). Второй вариант – гражданин проинформирован о нарушении своих прав и законных интересов, но не имеет контакта с группой (например, проживает в другой местности, не имеет знакомых среди участников группы и др.).

В перечисленных ситуациях гражданин должен быть проинформирован о том, что группа лиц подала коллективный иск. Предложение о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц должно быть сделано в публичной форме путем опубликования сообщения в средствах массовой информации. Кроме того, такое опубликование возможно на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на котором размещается информация о деятельности суда (п. 3 ст. 244.26 ГПК РФ).

Здесь следует отметить, что законодатель не даёт четкого определения, какое средство массовой информации позволяет обеспечить надлежащее информирование потенциальных членов группы. При проверке суд может определить, что информирование о наличии соответствующего искового заявления и возможности присоединения к нему сделано в источнике, который не обеспечивает доступ к данной информации всех возможных членов группы (например,

опубликование в местной газете, которая распространяется на определенной территории).

Опубликование предложения о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц является обязательным условием для рассмотрения группового (коллективного) иска в судебном порядке. Согласно п. 2 ст. 244.26 в определении о подготовке дела к судебному разбирательству суд устанавливает срок, в течение которого лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, должно предложить другим лицам из этой группы присоединиться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Интересно отметить, что обязательным является именно соблюдение публичной формы предложения о присоединении к групповому иску.

При этом законодатель предусматривает дополнительные способы оповещения возможных членов группы лиц. Так, оповещение может быть осуществлено путем направления членам группы лиц предложения о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. При отсутствии информации о контактных данных членов группы лиц, а также сведений о возможных членах группы, чьи права и законные интересы были нарушены, по ходатайству лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, суд может истребовать данную информацию для направления им данного предложения. Рассматриваемая статья ГПК РФ содержит также обязательные требования к такому предложению.

Законодателем не установлен конкретный срок для получения ответа на предложение о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, поскольку, как указывалось ранее, присоединиться к групповому исковому заявлению возможно на любой стадии рассмотрения дела, до начала судебных прений. Поэтому, исходя из анализа рассматриваемых положений ГПК РФ, можно сделать вывод о том, что обязательным условием для дальнейшего рассмотрения дела выступает именно соблюдение требования о размещении информационного сообщения, направление предложений каждому члену группы – факультативный способ, использование которого осуществляется по усмотрению суда на основании ходатайства лица, которое представляет интересы группы.

В процессе рассмотрения поданного группового (коллективного) иска гражданин, который потенциально является участником группы, но не входит в нее, может обратиться в суд с индивидуальным иском. В этом случае при обращении в суд лица с самостоятельным иском к тому же ответчику, о том же предмете, являющегося членом группы, но не присоединившегося к групповому иску, суд разъясняет ему право присоединиться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц в соответствии с п. 3 ст. 244.25 ГПК РФ. Следует отметить, что законодатель предусмотрел источник информирования суда о

наличии группового (коллективного) иска, возложив на ответчика обязанность сообщить суду о наличии дел по искам о том же предмете к этому ответчику и стадии их рассмотрения.

Исходя из анализа данной нормы, можно сделать вывод о том, что присоединение к групповому иску – это право участника группы, а не обязанность. В данной ситуации гражданин (организация) имеет возможность:

- присоединиться к групповому иску. В этом случае суд выносит судебный акт о присоединении данного лица к групповому иску. Материалы дела подлежат передаче в суд, который рассматривает дело о защите прав и законных интересов группы лиц;

- отказаться от присоединения к групповому иску. В рассматриваемом случае суд приостанавливает производство по делу указанного лица до вступления в законную силу решения суда по групповому иску.

Проанализировав вышеприведенные правила, можно сделать вывод, что порядок присоединения к групповому (коллективному) иску достаточно подробно урегулирован действующим законодательством. Вместе с тем очевидные преимущества, связанные с отсутствием необходимости действовать самостоятельно, возможностью находиться в группе единомышленников, сокращением судебных издержек и реальной возможностью бороться «на равных» с представителями крупного бизнеса не обеспечивают должной популярности и востребованности группового иска как инструмента защиты прав и законных интересов группы лиц на практике.

Предполагаем, что причины ограниченного распространения групповых (коллективных) исков могут заключаться не только в недостаточной урегулированности некоторых процессуальных аспектов, связанных с рассмотрением группового иска и исполнением решения, принятого в защиту прав и законных интересов группы лиц. Возможно, причины недостаточной востребованности такого, на первый взгляд, удобного и доступного инструмента для защиты прав большого числа граждан, считающих свои права нарушенными в результате неправомерных действий, находятся также в области психологии.

В частности, представительство по групповому иску не является выгодным с финансовой точки зрения для практикующих юристов, поскольку гонорар представителя существенно уменьшается по сравнению с тем вознаграждением, которое он мог бы получить, представляя интересы отдельно каждого из истцов. По этой причине информация о возможности подать коллективный иск в защиту нарушенных прав группы лиц может быть скрыта или искажена при обращении за юридической консультацией. В результате истец принимает решение о нецелесообразности формирования группы лиц и обращается в суд с индивидуальным иском.

Кроме того, практика применения данного способа защиты нарушенных прав в настоящее время не сложилась ввиду недостаточного количества обращений, что влечет неготовность юристов к ведению соответствующей категории дел.

В начале исследования мы отмечали, что по требованиям п. 5 ст. 244.20 ГПК РФ обязательным условием для рассмотрения группового (коллективного) иска является присоединение к нему не менее 20 членов группы лиц. Формирование такой объемной группы также может затруднять обращение с соответствующим исковым заявлением. Прежде всего, необходимо найти такое количество граждан, которые готовы отстаивать нарушенные права и нести финансовые расходы, неизбежно возникающие в процессе судебного разбирательства. Кроме того, действия данной группы должны быть согласованы и единогласны, поскольку группа выдвигает единообразные требования, а интересы группы лиц представляет определенное лицо, избранное по взаимному согласованию. Таким образом, компромиссы и дипломатия, безусловно, необходимы на стадии формирования группы и подготовки группового (коллективного) иска.

Состоявшиеся судебные процессы по рассмотрению групповых (коллективных) исков, как правило, продолжались достаточно длительное время, и причин для этого несколько:

- необходимость совершения определенных процессуальных действий в случае присоединения к иску новых членов группы;
- изменение подсудности в связи с изменением суммы иска в результате присоединения новых членов группы;
- сложности со сбором и представлением доказательств;
- отсутствие сложившейся судебной практики и дополнительных разъяснений по некоторым процессуальным вопросам, возникающим при рассмотрении данной категории дел;
- сложности с организацией рассмотрения дела, поскольку предъявление группового (коллективного) иска осуществляется по месту жительства (нахождения) ответчика, и другие.

Рассмотрев некоторые процессуальные и психологические аспекты, связанные с возбуждением дела о защите прав и законных интересов группы лиц, следует отметить, что прогнозы специалистов в отношении перспектив внедрения в гражданский процесс института групповых (коллективных) исков и его востребованности разнились: от предположений, что данный институт не найдет своего применения, до крайне оптимистичных прогнозов. На данный момент количество поданных и рассмотренных исков в защиту прав и законных интересов группы лиц по правилам гл. 22.3 ГПК РФ крайне мало, но это не означает, что данный институт не является эффективным. Требуются доработка процессуальных норм, а также широкая разъяснительная работа, что обеспечит надежное функционирование данного института и

гармоничное сочетание публичных и частных интересов, что является глобальной целью разработки и внедрения института групповых (коллективных) исков в гражданский процесс.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «ГАРАНТ»;
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «ГАРАНТ».

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

SOME ASPECTS OF PREPARATION FOR LITIGATION OF CASES ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF A GROUP OF PERSONS

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the features of preparation for trial in cases related to the protection of the rights and legitimate interests of a group of persons. Particular attention is paid to the analysis of the mechanisms for joining a class (collective) lawsuit, as well as the grounds for leaving this lawsuit without consideration. The author formulates some problems that may hinder the development of the institute of class (collective) claims in the Russian Federation.

Keywords: *protection of the rights of a group of persons, class (collective) action, joining a group of persons.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD of philosophical sciences, Associate Professor, Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. Некоторые аспекты подготовки к судебному разбирательству дел по искам о защите прав и законных интересов группы лиц // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 35–41.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В.П. Бауэр¹, П.И. Бурак¹, А.Н. Сухарев²

¹ АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва

² ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Определены перспективы развития принципов обеспечения государственного управления, рассмотренные в контексте положений нового федерального закона о Государственном Совете РФ при Президенте РФ. Проведен обзор научных публикаций, посвященных особенностям статуса и функционирования Государственного Совета РФ. **Ключевые слова:** Государственный Совет РФ, конституционный орган, государственное управление, троевластие.

Государственный совет как институт возник в Российской Империи и существовал с 1810 по 1917 гг. До него был другой орган, который назывался Непременным советом. Государственный совет до 1906 г. был особым государственным органом при императоре, а в 1906–1917 гг. фактически играл роль верхней палаты. Государственный совет был совещательным органом, призванным помочь Государю в управлении Российской Империей. С 1865 по 1905 гг. Государственный совет возглавляли великие князья – сначала Константин Николаевич, а затем Михаил Николаевич – сыновья императора Николая I. В этом плане председателями Государственного совета являлись члены императорской фамилии: братья, дядя, двоюродные дедушки правящего императора, имевшие значительный авторитет среди самодержцев.

В дальнейшем орган с подобным названием и функциями был вновь создан в России в 1991, просуществовал до 1993 г. и впоследствии воссоздан в 2020 г. С внесениями поправок в Конституцию РФ Государственный Совет стал являться конституционным органом.

История России показывает, что деятельность Государственного Совета всегда предопределяла его особую значимость в принятии и реализации как внутривластных, так внешнеполитических государственных управленческих решений [11, 22].

До недавнего времени Государственный Совет Российской Федерации считался внеконституционным органом, выполняющим при Президенте РФ только совещательные функции. Однако после утверждения Президентом РФ в рамках проводимой конституционной реформы федерального закона о Государственном Совете РФ у него появляется исторически обусловленная возможность конституционного закрепления своего статуса [6]. За счет придания Государственному

Совету РФ функции координации деятельности прочих органов власти он стал в России высшим органом государственной власти и управления [21].

В работе Государственного Совета РФ в его предыдущем статусе имелись определенные правовые проблемы [9]. Некоторые ученые полагают, что принятие документа о развитии государства должно стать главной функцией Государственного Совета РФ, функцией, отражающей его конституционное предназначение и перспективы стратегического планирования [16]. Е.Н. Савинова и Л.А. Зубова исследовали влияние конституционного статуса Государственного Совета РФ на оптимизацию системы исполнительной власти в России и сделали вывод о том, что с учетом нового конституционного статуса Государственного Совета РФ возникает проблема дублирования полномочий с существующими органами государственной власти, поэтому важнейшим остаётся вопрос о конкретизации его места в сложившейся системе разделения властей, порядка и принципов его формирования [20]. В работе С.А. Стрижова, Т.Г. Богатырева и Е.А. Богатыревой сделан вывод о том, что повышения эффективности государственного управления можно добиться путем заимствования у бизнес-сообществ соответствующих практик управления [24].

Новый статус Государственного Совета РФ как органа государственного управления будет постоянно наращиваться и совершенствоваться. На основе анализа закона о Государственном Совете РФ можно выявить наиболее важные поправки, которые он вносит в существующую практику государственного управления. В связи с этим появляется актуальность исследований, позволяющих определять вытекающие из данных поправок факторы, которые могут оказать влияние на действенность теории и практики государственного управления в России.

В статье В.Н. Южакова, Э.В. Талапиной, Е.И. Добролюбова и Ю.И. Тихомирова выдвигается гипотеза о том, что закон о Государственном Совете РФ предопределяет необходимость и возможность внедрения проекта закона о государственном управлении с уточнением подхода к развитию принципов его обеспечения [29]. Для реализации подхода предложено адаптировать к государственному управлению принципы конституционной (государственно-плановой) экономики. Показано, что в их контексте можно раскрыть потенциал внедрения в России качественного государственного управления на принципах обоснованности государственного вмешательства, результативности и эффективности. Первый принцип можно реализовать за счет внедрения конституционных и прочих правовых моделей управления; принцип результативности государственного управления обеспечивается системным охватом деятельности субъектов конституционного государственного управления и ее верификации

антикризисным компонентом; принцип эффективности государственного управления реализуется путем комплексного согласования и корректировки результатов государственного управления на трех уровнях власти.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что законодательно оформленный проект закона о государственном управлении с учетом представленных в статье результатов исследований позволит при появлении разного рода неопределенностей и дисфункций (патологий) в принятии государственных решений субъектами государственного управления качественно обеспечить принципы обоснованности государственного вмешательства, результативности и эффективности государственного управления. Можно прогнозировать, что это позволит сформировать в РФ конституционный «суперпрезидентский» режим «ручного управления», имеющий надежную систему сдержек и противовесов, препятствующих внутренней деградации центральной власти [14] и обеспечивающих устойчивое долгосрочное развитие страны.

Анализ закона о Государственном Совете РФ [1] показывает, что новый конституционный федеральный закон будет выше по статусу прочих федеральных законов, так как у него другие процедуры принятия и корректировки государственных решений, а в случае законодательных противоречий он будет всегда законом более высокого уровня действия.

В составе Государственного Совета РФ глава российского государства получит возможность оперативно решать любые вопросы конституционного уровня, которые ранее решались недостаточно эффективно [19]. Так, стимулами к развитию принципов государственного управления станут федеральные территории, создание которых предусмотрено данным законом. Такие территории вместе с проживающим на них населением не будут иметь прав субъектов Федерации, в них будет вводиться особая система государственного управления.

Следует подчеркнуть, что новое положение Конституции РФ, устанавливающее приоритет российского законодательства над международным, не только закрепляется законом о Государственном Совете РФ, но и усиливается, делая более управляемым «фактор будущего» [8, 27]. Это особенно актуально при современных тенденциях трансформации глобальных рынков и суверенных государств в условиях потери своего влияния бывшими государствами–лидерами мирового развития. Особая роль в этом отводится управлению непредвиденными обострениями политического и социального «климата», как, например, в условиях текущей пандемии [10], затронувшей большинство стран мира.

По мнению авторов, закон о Государственном Совете РФ решает три главные задачи.

Во-первых, устраняется троевластие – деятельность трех ветвей власти подчиняется интересам развития государства в целом и его институтов в частности. В некотором виде функции законодательной и судебной властей носят прежние черты, но теперь они должны служить в первую очередь развитию государства в целом. Президент РФ в целях наилучшего с его точки зрения развития государства берет на себя генеральную функцию координации всех ветвей власти. Существующие органы государственной власти и муниципального управления продолжают выполнять предписанные им функции. Президент РФ (и Государственного Совета РФ) вмешивается в их деятельность тогда и только тогда, когда она (деятельность) перестает способствовать наилучшему с точки зрения Президента РФ (и Государственного Совета РФ) достижению стратегических целей государства или целей внешней и внутренней политики.

Во-вторых, в виде нового Государственного Совета РФ создается эффективный конституционный орган государственного управления. Тем самым выполнено его главное требование: организационное обеспечение, без которого невозможно выполнение функций государственного управления. Данный орган может и должен выполнять также контрольную функцию [2].

В-третьих, закон о Государственном Совете РФ делает конституционными (соответствующими Конституции РФ) все указы Президента РФ и поручения, сформулированные им в публичных выступлениях с 2000-го года по настоящее время, и которые можно было бы считать противоречащими положениям Конституции РФ.

К недостаткам закона о Государственном Совете РФ можно отнести следующее.

Закон о Государственном Совете РФ восстанавливает государственное управление только на уровне первого лица в государстве. Закон о Государственном Совете РФ недостаточно полно рассматривает сферы применения государственного управления и необходимые его иерархические уровни (полноценное государственное управление предусматривает несколько уровней иерархии при делении территории страны на сферы с особыми условиями его применения).

С учетом нового статуса Государственного Совета РФ возникает проблема дублирования его органов с существующими органами государственной власти на местах, поэтому важнейшим остается вопрос о конкретизации его места в сложившейся системе разделения властей, порядка и принципов его формирования и воздействия на российское общество. В законе о Государственном Совете РФ не предусмотрены функции его сотрудничества с научными и общественными аналитическими центрами.

Многие положения закона о Государственном Совете РФ могут быть восприняты общественностью как возврат к командно-

бюрократическому руководству прошлого, однако, как показывает опыт государственного управления в России последних десятилетий, это противоречит замыслу его создания.

Известно, что авторы многочисленных экономических теорий до сих пор не пришли к единому мнению о роли государства в рыночной экономике [4]. Вместе с тем принятие закона о Госсовете делает первый крупный шаг к восстановлению конституционного государственного управления, необходимого нашей стране с достаточно слабой (сырьевой) экономикой. Конституционный статус Государственного Совета РФ автоматически переводит его с низшей, подзаконной статусной ступеньки на высшую, конституционную. Государственный Совет РФ в его новом виде определен как полностью управляемый Президентом России инструмент государственного управления, при помощи которого можно будет эффективно менять государственно-политическую и управленческую системы России. Именно Государственному Совету РФ предоставляется право решать такие вопросы, как согласование и координация действий всех других органов власти, входящих в систему публичной власти РФ, споров между ними, формирование федеральных территорий, не входящих в состав субъектов РФ, а также иные задачи, имеющие важное государственное значение.

Принятие закона о Государственном Совете РФ это не формальное усиление института президентской власти, а принципиально новая для современной России политическая практика. Естественно, что при таких перспективах возникает необходимость принятия в стране не менее значимого по статусу закона о государственном управлении.

До момента выхода в России нового закона о Государственном Совете РФ была сформирована «усеченная» форма государственного управления [3] с точечным хаотичным регулированием [15]. Принимались указы президента, выпускались постановления правительства, но они были слабо связаны между собой, фрагментарно направлялись на достижение целей, улучшающих ситуацию в отдельных сферах жизнедеятельности населения [7]. Временно улучшая результаты на местах, они не обеспечивали планомерное и ускоренное развитие государства, не удовлетворяя растущие социально-экономические и политические потребности населения [26], что в целом можно охарактеризовать как «угасание государственного порядка» [28].

В работах российских ученых-правоведов было предложено достаточно много подходов как к определению понятия «государственное управление», так и к его законодательной реализации в условиях трансформации и цифровизации [17, 18, 23]. Вместе с тем анализ указанных работ, а также работ прочих авторов показывает, что они не дают целостного представления о принципах формирования, составе и содержании положений такого важного для страны закона, как закон о государственном управлении.

В преамбуле к проекту федерального закона о государственном управлении его авторы делают вывод о том, что в постсоветской России во многом сохранилась подзаконная регламентация управленческого процесса с массой неурегулированных аспектов и запретительных мер. В управленческой науке уже давно предпринимаются попытки сформировать в контексте права так называемый позитивный управленческий процесс [25], что, однако, до сих пор не оказало решающего влияния на российское законодательство в данной области управления. Авторы проекта закона о государственном управлении обосновывают это тем, что большая часть проблем качества государственного управления обусловлена несистемным характером его правового регулирования в целом.

Отличительной чертой проекта закона о государственном управлении является наличие в нем доказательных принципов государственного управления (обоснованность государственного вмешательства, результативность и эффективность государственного управления) и механизмов их внедрения на практике [5].

Проект закона о государственном управлении является, несомненно, большим шагом вперед на пути законодательного обеспечения развития суверенной России, обеспечивающим конкурентоспособность страны и ее доминирование в крупнейшем регионе мира. В условиях проводимой конституционной реформы этот вклад российских ученых в развитие системы государственного управления подтверждается своевременностью его появления в печати. Не вдаваясь в подробности рассмотрения его разделов, сделаем критический анализ некоторых его положений.

Государственное управление является многогранной пирамидой взаимодействующих между собой субъектов управления. Законопроект о Государственном Совете РФ касается лишь самой верхушки этой пирамиды, что порождает проблему дублирования новых управленческих полномочий с аналогичными полномочиями существующих органов государственной власти. Формализовать деятельность специалистов-управленцев на гранях этой пирамиды весьма трудоемкое занятие. Законодательно удастся закрепить лишь самые общие положения, которые без детализации окажутся не конструктивными. Деятельность субъектов государственного управления на гранях этой пирамиды должна обеспечивать управление социумом при его функционировании в рыночных условиях. Например, если вмешательство государства в экономику представить в формате изложенного законопроекта без учета особенностей функционирования рынка, то этим будет конституционно закреплено существующее «безразличие» ресурсо-ориентированной и постиндустриальной экономики к развитию российского общества. Тогда естественные монополии окажутся в невыгодном положении. Если конституционно

закрепить приоритет естественных монополий, то в перспективе сохранится «голландская болезнь» российской экономики, которая упочит отставание России от стран «золотого миллиарда» и т.п.

В проекте закона о государственном управлении отсутствуют детальные меры экономико-правовой и организационной поддержки его практической реализации. Поэтому, на наш взгляд, важным дополнением к нему может стать представленный ниже подход к развитию его принципов. Их основное назначение – выработка единого подхода на процессы государственного управления, не противоречащих взглядам специалистов различной профессиональной ориентации, а также содействие в выработке единого подхода к методам поддержки принятия решений в государственном управлении и обеспечение принципов обоснованности государственного вмешательства, его результативности и эффективности с использованием современных информационных технологий.

Роль движущей силы в процессе развития принципов государственного управления должна быть отведена специалистам по информационным технологиям, т.к. именно в этой сфере деятельности разрабатываются современные подходы к созданию механизмов и инструментов цифрового государственного управления.

Проект закона о государственном управлении определяет, что под принципом обоснованности государственного вмешательства понимается вмешательство со стороны субъекта государственного управления при наличии общественно значимой проблемы в обращение заявителя по реализации его законных прав и интересов, требующее исполнения государственной функции в интересах реализации законных прав и интересов заявителя.

В данной статье конституционализм рассматривается как феномен правового самоограничения органов государственной власти в контексте верховенства законов РФ [12]. В связи с этим появление в лице Государственного Совета РФ нового конституционного органа власти обеспечивает развитие принципов государственного управления на основе положений российской школы конституционной (государственно-плановой) экономики, делающих более действенной обоснованность государственного вмешательства со стороны субъектов государственного управления в конфликтные ситуации общества [13; 14] и, как будет показано, делает более действенными результативность и эффективность государственного управления.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что создание Государственного Совета РФ закрепляет в Конституции РФ новый государственный орган, который призван повысить качество государственного управления.

Список литературы

1. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Антонова Н.А. Роль контроля как функции управления в свете нового законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 38–40.
3. Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
4. Бауэр ВП., Федулов Ю.Г. Ценность суверенного государства. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. 517 с.
5. Братченко С.А. Использование системного подхода в целях повышения качества государственного управления // Экономическая безопасность. 2019. Т. 2. № 1. С. 73–78.
6. Гончаров В.В. Оптимизация системы исполнительной власти в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: монография. Краснодар: КубГАУ, 2020. 308 с.
7. Денисов С.А. Правительственный конституционализм // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 1 (24). С. 71–80.
8. Захаров Г.Н. Конституционное будущее России сквозь призму социально-экономических прав и свобод человека // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 56–61.
9. Исаев А.В., Перенджиев А.Н., Плоткин В.Б. Место Государственного Совета в системе государственного управления в сфере региональной политики: студенческий анализ // Электронный научный журнал «ГосРег». 2020. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://gosreg.amchs.ru/vypusk-1-2020-god/> (дата обращения: 10.12.2021).
10. Казанцев С.В. Уроки новой пандемии // Развитие и безопасность. 2020. № 2 (6). С. 38–49.
11. Князева Е.С., Воробьев Е.Б. Государственный совет РФ и его роль в системе государственного управления // Молодые лидеры – 2016. Казань: Издательство: Рóкета Союз, 2016. С. 126–133.
12. Коновалова Л.Г. Конституционализм как проявление принципа верховенства закона в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 2 (131). С. 88–102.
13. Ливеровский А.А. Уточнение смысловых представлений о конституционном нормоконтроле // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 32–48.
14. Маркин Р.Ю. Режим «ручного управления» как особенность российской модели демократии // Политические конфликты и кризисы в условиях глобальных трансформаций современной миросистемы: монография / под ред. А.В. Бредихина. М.: АНО ЦЭМИ, 2018. С. 43–58.

15. Мильшин Ю.Н., Кулаков В.О. Дискреционные полномочия главы государства // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Пермь: изд-во «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2020. С. 37–38.

16. Плотников С.И. Государственный Совет Российской Федерации: вопросы правового статуса и перспективы развития в свете конституционной реформы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 77–89.

17. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. 301 с.

18. Равнюшкин А.В. О происходящей трансформации административного права и государственного управления в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 185–193.

19. Рязанова Е.А. О полномочиях Президента Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 35–40.

20. Савинова Е.Н., Зубова Л.А. Институционализация Государственного Совета в России в контексте конституционной реформы 2020 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 4. С. 172–194.

21. Сергеев С.Г. Внеконституционные политические институты в Российской Федерации: модернизация институциональной подсистемы: монография. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. 194 с.

22. Сергеев С.Г. Ретроспектива отечественных внеконституционных политических институтов от Российской Империи до Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 1. С. 71–75.

23. Сидоренко Э.Л., Барциц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.

24. Стрижов С.А., Богатырева Т.Г., Богатырева Е.А. Трансформация государственного управления в условиях новых вызовов: монография. М.: Проспект, 2018. 156 с.

25. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. Административные процедуры и право // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 3–13.

26. Тянь В.В. Неотрадиционализм как фактор неоконсервативной модернизации: специфика эволюции власти и управления // Управление. 2019. № 1. С. 128–136.

27. Федотова М.А. Постнеклассическое стратегирование проблемных ситуаций в концепции соционавигации: переход от целевого управления к атрибутивному конструированию // Экономические стратегии. 2019. № 8. С. 94–101.

28. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 704 с.

29. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Добролюбова Е.И., Тихомиров Ю.И. Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 150 с.

Об авторах:

БАУЭР Владимир Петрович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва (119002, г. Москва, ул. Сивцев Вражек, 29/16), SPIN-код: 6833-1195, e-mail: bvp09@mail.ru

БУРАК Петр Иосифович – доктор экономических наук, профессор, директор АО «Институт региональных экономических исследований», г. Москва (119002, г. Москва, ул. Сивцев Вражек, 29/16), SPIN-код: 3025-1463, e-mail: irei@irei.ru

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

**THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES:
CONCEPTUAL ASPECTS**

V.P. Bauer¹, P.I. Burak¹, A.N. Sukharev²

¹ JSC Institute for Regional Economic Research, Moscow

² Tver State University, Tver

The article defines the prospects for the development of the principles of public administration, considered in the context of the provisions of the new federal law on the State Council of the Russian Federation under the President of the Russian Federation. A review of scientific publications devoted to the peculiarities of the status and functioning of the State Council of the Russian Federation was carried out.

Keywords: *State Council of the Russian Federation, constitutional body, public administration, triarchy.*

About authors:

BAUER Vladimir – Doctor of Economics, Chief Researcher of JSC "Institute for Regional Economic Research", Moscow (119002, Moscow, Sivtsev Vrachek St., 29/16), SPIN code: 6833-1195, e-mail: bvp09@mail.ru

BURAK Peter – Doctor of Economics, Professor, Director of JSC "Institute for Regional Economic Research", Moscow (119002, Moscow, Sivtsev Vrachek St., 29/16), SPIN code: 3025-1463, e-mail: irei@irei.ru

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru.

Бауэр В.П., Бурак П.И., Сухарев А.Н. Государственный Совет Российской Федерации в системе органов государственной власти: концептуальные аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 42–52.

ТАМОЖЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Гайдашов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализ законодательства и доктринальных источников позволяет выделить особую группу преступлений – таможенные преступления, целью которых является, как правило, незаконное получение денежных средств или иной выгоды путем активного противодействия деятельности таможенных органов Российской Федерации, могут быть совершены только при перемещении товаров и других объектов через таможенную границу Таможенного союза.

Ключевые слова: таможенное регулирование, таможенное преступление, уголовная ответственность, наказание.

В обязанности государства входит предоставление и реальное обеспечение гарантий осуществления внешнеэкономической деятельности по нормам национального законодательства, а также по утвержденным международным правилам. В свою очередь, уголовно-правовое регулирование данной деятельности в части установления ответственности за преступления в этой сфере и назначения виновным лицам справедливого наказания представляет собой одну из ключевых форм реализации указанных гарантий.

В последние годы государство продемонстрировало изменение отношения к вопросам уголовной ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, поскольку криминализированы новые деяния в этой сфере. Соответственно, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнился новыми составами преступлений, посягающих на установленный порядок внешнеэкономической деятельности. Эта сфера представляет собой общий объект уголовно-правовой охраны, который может быть разделен на несколько специальных. В российской научной литературе отсутствует единый подход относительно систематизации преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности [6]. В соответствии с традиционным подходом классификация осуществляется на основании группового объекта уголовно-правовой охраны. По этому критерию такие преступления делятся на следующие категории:

- которые посягают на законную предпринимательскую деятельность;
- посягающих на государственную монополию экономической деятельности;

- преступления в таможенной сфере;
- налоговые преступления [15].

Также авторами предлагаются другие подходы относительно содержания таможенных преступлений и преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности [12]. По нашему мнению, эта деятельность составляет совокупность большого количества разнообразных общественных отношений, касающихся торговли, международного сотрудничества, оказания услуг. Соответствующие группы каждая в отдельности могут стать объектами преступного вмешательства [3]. Следовательно, преступления в сфере внешнеэкономической деятельности включают в себя широкий круг деяний, представляющих общественную опасность и предусмотренные уголовным законодательством.

В сфере внешнеэкономической деятельности наблюдается тенденция к увеличению числа преступлений, связанных с нарушением правил перемещения товаров, ресурсов, денежных средств из одного государства в другое. Нарушения могут быть самыми разнообразными: уклонение от уплаты таможенных платежей, невыполнение обязанности по возвращению валютной выручки, нарушение правил валютных операций и т.д. [11]. По оценкам специалистов, ежегодно через таможенную границу ЕАЭС незаконно перемещается товаров на несколько десятков миллиардов рублей, а сумма недополученных бюджетом таможенных платежей составляет около 4–5 млрд рублей. Из-за границы ежегодно не возвращается денежных средств на несколько десятков миллиардов рублей [8]. Поэтому совершенно справедливым будет утверждение, согласно которому из всех внешнеэкономических преступлений наибольшую общественную опасность представляют таможенные.

В УК РФ таможенные преступления в отдельную группу не выделяются. По нашему мнению, к числу преступлений рассматриваемой категории относятся составы, указанные в ст. 189, 190, 193.1, 194, 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ. Среди современных отечественных авторов предметом дискуссии является определение таможенных преступлений, их признаков и видов. Эти проблемы до сих пор не решены, несмотря на большое количество научных исследований по этой проблематике. Высказываются различные точки зрения относительно отнесения тех или иных составов преступлений к таможенным преступлениям. Наиболее спорными преступлениями в этом аспекте являются составы, предусмотренные ст. 193 и 194 УК РФ, так как они характеризуются наличием нескольких объектов посягательств: таможенные, валютные и налоговые общественные отношения [5, 10].

В современной отечественной научной литературе представлено несколько позиций, касающихся определения таможенных

преступлений. В их основу кладутся уголовные или уголовно-процессуальные признаки, такие как, например, место совершения преступления, объективная сторона состава преступления и т.д. Так, существует определение, по которому таможенным преступлением является противоправное, виновное деяние, которое представляет угрозу и опасность для экономической безопасности государств–членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), для продолжения интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в силу чего запрещенное уголовным законодательством [16]. По мнению А.Д. Краснова, таможенными преступлениями следует считать общественно опасные деяния, которые запрещены уголовным законодательством, посягающие на нормальную внешнеэкономическую деятельность государства и причиняющие вред правам и законным интересам граждан, общества и государства [9]. Другой подход заключается в определении таможенных преступлений посредством функций таможенных органов. Согласно Федеральному закону от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] обязанностями таможенных органов являются:

- 1) осуществление контроля за перемещением через таможенную границу товаров и транспортных средств;
- 2) принятие таможенных платежей;
- 3) таможенное оформление товаров;
- 4) проведение мероприятий валютного контроля;
- 5) выявление, профилактика и пресечение таможенных преступлений.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству к компетенции таможенных органов отнесено проведение неотложных следственных действий по таможенным преступлениям и проведение дознания по некоторым из них. С учетом вышесказанного в литературе таможенные преступления также определяются в качестве общественно-опасных виновных посягательств на нормальную деятельность таможенных органов, связанную с реализацией целей и задач, указанных в законодательстве [6].

Как считают некоторые исследователи, сущностью рассматриваемой категории преступлений является осуществление перемещения товарно-материальных ценностей через таможенную границу как в рамках ввоза, так и вывоза, с нарушением установленного порядка такого перемещения. Так, И.В. Дмитриенко считает, что выделение таможенных преступлений в отдельную группу противоправных посягательств обусловлено наличием такого обязательного признака, как совершение преступлений при перемещении товаров через таможенную границу [7]. Другие ученые критериями выделения таможенных преступлений называют предмет посягательства,

место совершения преступления, процессуальную компетенцию таможенных органов в сфере уголовного судопроизводства [13]. На основании всех перечисленных точек зрения, существующих в отечественной научной литературе, можно сформулировать следующие признаки таможенных преступлений:

- высокая степень общественной опасности;
- организованность совершения соответствующих посягательств;
- скрытый характер большинства преступных посягательств;
- преступления совершаются в рамках внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов, связанной с перемещением товаров и других объектов через таможенную границу;
- нарушение нормальной, установленной нормативными правовыми актами, деятельности таможенных органов [2].

Для всех таможенных преступлений характерно принципиальное единство объектов, объективной стороны, субъектного состава и субъективной стороны. Во всех случаях таможенные преступления посягают на общественные отношения, урегулированные таможенным законодательством. Объективной стороной таможенного преступления будет являться система специфических признаков, отражающих внешнюю сторону общественно вредного поведения и проявляющихся в прямой зависимости от времени, способа, места и времени совершения конкретного противоправного деяния, которые также контролируются нормами таможенного и административного законодательства [4]. Субъектами таможенных преступлений являются вменяемые физические лица старше 16 лет. Для таможенных преступлений характерна субъективная сторона состава в виде прямого умысла, так как, совершая определенные действия, связанные с нарушением таможенного законодательства в требуемом законодательстве крупном размере, лицо не может не осознавать характер и последствия собственных действий и, следовательно, желает их наступления [5].

Таможенные преступления в структуре общей преступности по стране составляют незначительное количество. Ежегодно выявляется несколько тысяч преступлений такого рода, что составляет менее 1 % от зарегистрированной преступности в России. Наблюдение статистических данных в динамике свидетельствует о постепенном снижении количества рассматриваемых преступлений, в том числе возбуждаемых таможенными органами. Так, за 2020 год таможенные органы возбудили 2 067 уголовных дел. Из них в отношении конкретных виновных лиц – 1 334 дела. Структура возбужденных уголовных дел по конкретным таможенным преступлениям выглядит следующим образом [17]:

- ст. 226.1 УК РФ – 832 дела;
- ст. 194 УК РФ – 316 дел;
- ст. 229.1 УК РФ – 209 дел;

- ст. 193.1 УК РФ – 171 дело;
- ст. 173.2 УК РФ – 171 дело;
- ст. 173.1 УК РФ – 109 дел;
- ст. 200.2 УК РФ – 105 дел;
- ст. 200.1 УК РФ – 72 дела;
- ст. 193 УК РФ – 70 дел;
- ст. 174.1 УК РФ – 10 дел;
- ст. 189 УК РФ – 2 дела.

Стоит отметить, что в отношении большинства из перечисленных составов преступлений таможенные органы не могут проводить предварительное расследование. Их задачей является проведение неотложных следственных действий с передачей собранных материалов в другие органы предварительного расследования.

Наиболее значимыми успехами таможенных органов в 2020 г. стало установление следующих незаконных действий:

- 1) перемещение через таможенную границу стратегически важных товаров и сырья на сумму более 8 млрд рублей;
- 2) уклонение от уплаты таможенных платежей на сумму более 7 млрд рублей;
- 3) уклонение от репатриации иностранной валюты в сумме около 44 млрд рублей;
- 4) осуществление переводов денежных средств на зарубежные счета по поддельным документам на сумму около 14 млрд рублей;
- 5) незаконное перемещение денежных средств через таможенную границу на сумму около 3 млрд рублей;
- 6) незаконное перемещение через таможенную границу алкогольной продукции на сумму более 370 млн рублей.

Принятыми в 2020 г. таможенными органами мерами удалось компенсировать причиненный ущерб федеральному бюджету на сумму более 4 млрд рублей. Чаще всего в преступную деятельность вовлекались следующие объекты: сильнодействующие вещества, лесоматериалы, наркотики, валюта, транспортные средства, товары народного потребления. За 2020 год таможенные органы направили в суды 66 уголовных дел, из них по 38 делам были постановлены обвинительные приговоры [14].

Таким образом, несмотря на то что в отечественном уголовном законодательстве не выделяются в качестве какой-либо отдельной группы или категории преступлений таможенные преступления, их все же на доктринальном уровне следует признать обособленной группой. К ним относятся виновно совершенные, противоправные, уголовно-наказуемые деяния в сфере внешнеэкономической деятельности, основным содержанием которых является воспрепятствование нормальной деятельности таможенных органов по реализации возложенных на них функций и задач. Таможенные преступления могут

быть совершены только при перемещении товаров и других объектов через таможенную границу Таможенного союза.

Список литературы

1. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 508.
2. Акатова Н.С., Алексеева С.И., Архипов М.А. [и др.]. Государство и общество: российская специфика. Тверь: ООО «СФК-офис», Российский государственный социальный университет, филиал в г. Клин, 2020. 184 с.
3. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И., Баранова Т.Л., Малышева О.С. [и др.]. Социально-экономическая политика и современное государство. Тверь: Твер. Гос.университет, 2018. 278 с.
4. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Викторov В.Ю. [и др.] Многообразие аспектов социальной политики. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2017. 184 с.
5. Антонова Н.А., Барткова О.Г., Очагова В.С. [и др.]. Проблемы современного российского процессуального и материального права (в поиске эффективных норм). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2017. 180 с.
6. Диканова Т.А. Актуальные проблемы борьбы с таможенными преступлениями в России // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 73–80.
7. Дмитриенко И.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 28 с.
8. Кожуханов Н.М., Трунин Д.С. Критерии и классификация таможенных преступлений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 1. С. 23–27.
9. Краснов А.Д. Противодействие таможенным преступлениям (теоретико-прикладной анализ) // Уголовно-правовая наука: теория и практика: материалы научной школы «Реализация уголовной политики в области противодействия служебно-экономической преступности». Нижний Новгород: НИМБ, 2009, Вып. 1. С. 98–104
10. Куксин И.Н. Социальные и юридические аспекты ответственности // Право и общество. 2015. № 2 (14). С. 189–199.
11. Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Правовое государство, право и общечеловеческие ценности // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 10–12.
12. Лапшин В.Ф., Кузнецова Н.В. О перспективах развития уголовного законодательства стран Евразийского экономического союза, обеспечивающего охрану национальных интересов в сфере внешнеэкономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2021. № 1. С. 21–25.
13. Перькова А.А., Гудкова О.В. Таможенные преступления в сфере внешнеэкономической деятельности // Актуальные вопросы современной экономики. 2018. № 8. С. 171–175.
14. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс]. URL:

<https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-idoznaniya/document/265853> (дата обращения: 07.02.2022).

15. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.

16. Урда М.Н. Уклонение от уплаты таможенных платежей по законодательству стран - участниц Таможенного союза: проблемы унификации законодательства // Финансовое право. 2016. № 2. С. 45–48.

17. ФТС опубликовала показатели таможни за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://правовед.рф/articles/fts-otchitalas-za-2020-god/> (дата обращения: 07.02.2022).

Об авторе:

ГАЙДАШОВ Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

CUSTOMS CRIMES AS A SPECIAL TYPE OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.V. Gaidashov

Tver State University, Tver

Analysis of legislation and doctrinal sources makes it possible to identify a special group of crimes - customs crimes, the purpose of which is, as a rule, the illegal receipt of funds or other benefits by actively countering the activities of the customs authorities of the Russian Federation and can be committed only when moving goods and other objects across the customs border of the Customs Union.

Keywords: *customs regulation, customs crime, criminal liability, punishment.*

About author:

GAIDASHOV Alexander – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

Гайдашов А.В. Таможенные преступления как особый вид общественно опасных деяний по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 53–59.

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЧАСТНОЙ ЖАЛОБЫ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы особенности обжалования определений суда первой инстанции в части реализации полномочий суда апелляционной инстанции. Проведен сравнительный анализ порядка рассмотрения частных жалоб на определения суда первой инстанции. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство, направленные на унификацию порядка пересмотра судебных постановлений в цивилистическом процессе.

Ключевые слова: право на судебную защиту, апелляция, обжалование определений суда.

Определения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суд апелляционной инстанции отдельно от решения суда сторонами и другими лицами, участвующими в деле, в случае, если это прямо предусмотрено гражданским процессуальным законодательством, а также если определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела. На остальные определения суда первой инстанции частные жалобы не подаются, но возражения относительно них могут быть включены в апелляционные жалобу, представление (ст. 331 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)).

Гражданское процессуальное законодательство устанавливает, что по результатам рассмотрения частной жалобы суд апелляционной инстанции вправе оставить определение суда первой инстанции без изменения, жалобу без удовлетворения; а также отменить определение суда полностью или в части и разрешить вопрос по существу (ст. 334 ГПК РФ). При этом среди полномочий нет права на отмену определения суда и направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Аналогичным образом сформулирована норма и ст. 315 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Критика этого положения неоднократно высказывалась в юридической литературе [1, с. 103–110]. С одной стороны, можно сослаться на требование разумности срока, интересы «скорого правосудия», с другой – трудно игнорировать принцип «надлежащего суда», наделенного законом для осуществления определенной функции [2, с. 246–260].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального

законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 72) указано, что исходя из положений ч. 1 ст. 333 ГПК РФ при проверке законности и обоснованности обжалуемого определения суда первой инстанции суд апелляционной инстанции руководствуется ст. 330 ГПК РФ, предусматривающей основания для отмены или изменения решения суда первой инстанции. При отмене судом апелляционной инстанции определения суда первой инстанции полностью или в части суд апелляционной инстанции сам разрешает по существу процессуальный вопрос, по поводу которого было вынесено обжалуемое определение суда, например вопрос о восстановлении процессуального срока, применении обеспечительных мер и т.п. Если судом первой инстанции не были разрешены вопросы, относящиеся к его ведению, например, о принятии искового заявления по причине незаконного или необоснованного вынесения определения о возвращении искового заявления, об отказе в его принятии, оставлении заявления без движения, либо дело не рассматривалось по существу вследствие незаконного или необоснованного прекращения производства по делу, оставления заявления без рассмотрения, суд апелляционной инстанции, отменяя такие определения суда первой инстанции, направляет гражданское дело или материалы в суд первой инстанции для разрешения соответствующих вопросов или для рассмотрения дела по существу [5].

Таким образом, вместо внесения соответствующих изменений в гражданское процессуальное законодательство, по аналогии с положениями ст. 272 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), в постановлении Пленума Верховного Суда РФ закрепляется дополнительное полномочие суда апелляционной инстанции: отменить определение суда первой инстанции и направить дело или материалы в суд первой инстанции для разрешения соответствующих вопросов или для рассмотрения дела по существу.

Так, например, при рассмотрении жалоб на определения арбитражного суда первой инстанции арбитражный суд апелляционной инстанции вправе направить конкретный вопрос на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции (п. 2 ч. 4 ст. 272 АПК РФ). На новое рассмотрение могут быть направлены вопросы, разрешение которых относится к ведению суда первой инстанции и которые суд по существу не рассматривал по причине необоснованного возврата искового заявления, отказа в его принятии, оставления заявления без рассмотрения, прекращения производства по делу или отказа в пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального

кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции») [7].

При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 49) закреплено, что в случае отмены по частной жалобе, представлению прокурора определения суда первой инстанции полностью или в части суд апелляционной инстанции по общему правилу самостоятельно разрешает по существу процессуальный вопрос, по поводу которого было вынесено обжалуемое определение суда (например, вопрос о восстановлении или об отказе в восстановлении процессуального срока; о возвращении, оставлении без движения или об отказе в принятии административного искового заявления; о применении мер предварительной защиты; прекращении производства по административному делу и т.п.). Исключение могут составлять следующие вопросы: о разъяснении судебного акта суда первой инстанции; о возобновлении производства по административному делу после его приостановления; разрешенные судом первой инстанции в незаконном составе суда; разрешенные в отношении лиц, не привлеченных к участию в деле и участию в их разрешении (например, в случае, когда судебные расходы взысканы с лица, не привлеченного к участию в деле, штраф наложен на лицо, не являющееся участником процесса, которому не обеспечена возможность реализовать право быть услышанным при наложении штрафа); при разрешении которых нарушены правила о надлежащем извещении лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания. В случае отмены судом апелляционной инстанции определения суда первой инстанции по этим вопросам они подлежат разрешению судом первой инстанции [7]. Таким образом, применительно к административному судопроизводству Верховным Судом РФ даны иные разъяснения аналогичных полномочий суда апелляционной инстанции.

Следует согласиться с Л.А. Тереховой в том, что последние изменения в процессуальном законодательстве позволяют увидеть тенденцию, направленную на как можно большую унификацию. В то же время в отдельных случаях унификация хотя и проводится, но оставляет определенные различия, причем не всегда оправданные, в частности нормы о судебных актах, которыми дело по существу не разрешается (определения суда). Как раз в этой части отсутствие унификации не может быть объяснено спецификой производства в разных судах [3, с. 222]. Законодательный подход по закреплению полномочий апелляционного суда по рассмотрению частной жалобы не должен различаться в зависимости от вида судопроизводства, поскольку особенности регулируемых отношений здесь не затрагиваются [2, с. 246–

260]. Необходимо устранить различное процессуальное регулирование одинаковых для разных видов судопроизводства правил [4, с. 73].

Работа по унификации норм процессуального законодательства в отношении определений должна быть продолжена: могут быть унифицированы порядок и сроки обжалования, порядок рассмотрения частных жалоб и полномочия судов по результатам их рассмотрения [3, с. 225–226].

В заключение необходимо отметить, что изменения процессуального законодательства должны преследовать главную цель – обеспечить право на справедливое судебное разбирательство [4, с. 73]. Единый подход в толковании и правоприменении положений процессуального законодательства должен не только обеспечивать равную возможность реализации права на судебную защиту, учитывать специфику каждого вида судопроизводства, но и обязательно иметь законодательное закрепление.

Список литературы

1. Жукова О.В. О некоторых вопросах реализации права на судебную защиту при пересмотре судебных постановлений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 103–110.

2. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 304 с.

3. Терехова Л.А. Некоторые вопросы обжалования судебных определений // Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях. М.: ООО «Издательство «ПЛАНЕТА», 2020. С. 222–226.

4. Туманова Л.В. Предложения по совершенствованию процессуального законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 73.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // РГ. 2020. 17 июля.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // РГ. 2020. 25 июня.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

POWERS OF THE COURT OF APPEALS WHEN CONSIDERING A PRIVATE COMPLAINT

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article analyzes the features of the revision of the rulings of the court of first instance in terms of the implementation of the powers of the court of appeal. The author carried out a comparative analysis of the procedure for considering private complaints against the rulings of the court of first instance. Proposals have been formulated for introducing amendments to the legislation aimed at unifying the procedure for reviewing judicial decisions in the civil process.

Keywords: *right to judicial protection, appeal, appeal against court rulings.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, associate professor, head of the department of judicial power and law enforcement Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Полномочия суда апелляционной инстанции при рассмотрении частной жалобы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 60–64.

ПРАВОСУДИЕ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ?

Г.Н. Захаров, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Данная статья – попытка определить перспективы организации судебной защиты в условиях цифровизации и возможностей искусственного интеллекта. Обращено внимание на необходимость взаимодействия по вопросам использования искусственного интеллекта в судебной деятельности с другими государствами. Выявлены основные возможности применения цифровых технологий и удаленного рассмотрения дел.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, система видео-конференц-связи, электронное толкование права, рассмотрение дел о нормоконтроле.

На первый взгляд, такой заголовок представляется немного провокационным, но если оценить все достижения в сфере цифровизации за последние годы и ускорение, которое этому процессу было придано пандемией, то появляется уверенность в реалистичности судебной защиты вне зданий и залов суда. Ведь еще совсем недавно все финансовые операции мы совершали только очно, приобретали товары в магазинах, а сегодня значительная часть граждан решает эти задачи буквально не выходя из дома, при помощи своих компьютеров и телефонов.

Удаленное участие в судебных процессах посредством видео-конференц-связи появилось, когда Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и должна была обеспечивать требования, которые составляют право на справедливое судебное разбирательство. «Право на справедливое судебное разбирательство традиционно рассматривается в аспекте деятельности судьи, который, во-первых, сам должен отвечать требованиям законности, независимости и беспристрастности и, во-вторых, обеспечивать все те гарантии, которые включает понятие справедливости: само право доступа к суду, равноправие, состязательность, гласность, разумный срок, мотивированность судебного акта и его исполнения» [7, с. 71]. Представляется, что удаленный режим рассмотрения дела не только не противоречит этим требованиям, но и позволяет выполнять эти требования с большей эффективностью.

В условиях пандемии возникла проблема обеспечения охраны здоровья судей и участников процесса, что потребовало расширения возможностей проведения судебных заседаний в удаленном режиме.

Стороны и представители получили исключительную возможность участвовать в судебном заседании, не покидая пределов своего жилища или офиса.

Этот опыт показал, что «правосудие с доставкой на дом» возможно, но для того чтобы это могло стать не исключительной, а обычной формой проведения судебного разбирательства наряду с традиционной, необходимо внести соответствующие дополнения в действующее процессуальное законодательство. Анализируя внедрение цифровых технологий в судопроизводство, Д.Г. Никулин обратил внимание, что еще в 2017 г. был разработан законопроект, который предполагает использование наряду с системой видео-конференц-связи альтернативной системы веб-конференции, которая позволит сторонам оперативно осуществлять взаимодействие с судом и принимать участие в судебных заседаниях, используя для этого различные средства коммуникации (компьютер, смартфон, планшет) без необходимости явки в суд [4, с. 39].

Принятие такого закона представляется необходимым, но это потребует установления в процессуальных кодексах альтернативных правил судебного разбирательства. Не ставя цель определить все необходимые изменения, обратим внимание на процесс исследования доказательств. Свидетель является источником доказательств почти во всех делах, разрешаемых в порядке гражданского судопроизводства, поэтому необходимо установить особый порядок допроса свидетелей в удаленном режиме. Это относится к порядку предупреждения свидетеля об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний и непосредственно к допросу свидетеля. Процессуальное законодательство требует, чтобы свидетель давал показания в свободной форме, без постороннего влияния, и разрешает свидетелю пользоваться письменными заметками, содержащими только цифровые данные или особые термины. Для обеспечения выполнения этих требований необходимо установить особый порядок, иначе у суда не будет уверенности в том, что свидетель сообщает то, что действительно видел или слышал, а не интерпретацию этого, осмысленную под влиянием заинтересованных лиц. Необходим и особый порядок определения подлинности исследуемых документов, здесь открываются дополнительные возможности для использования искусственного интеллекта.

Анализируя проблему использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, И.В. Решетникова отмечает, что «использование искусственного интеллекта в судопроизводстве медленно, но уверенно из мечты превращается в реальность. В одних странах быстрее, в других медленнее» [6, с. 58]. В связи с тем, что по внедрению цифровых технологий в судебное разбирательство уже наметились страны-лидеры, например Китай, следует согласиться с Н.О. Огарковой, что

«необходимо изучать опыт передовых стран, который в дальнейшем применять в России, а также стимулировать собственные российские разработки, не имеющие аналогов» [5, с. 129].

Применение информационных технологий только как возможность удаленного рассмотрения дел не может в полной мере решить проблему повышения эффективности судебной защиты. Необходимо изменить с использованием цифровизации всю судебную деятельность. Законность судебных постановлений зависит от правильного применения как процессуальных, так и материальных правовых норм, а это, как правило, зависит от их надлежащего толкования. Заслуживает поддержки предложение Г.Н. Захарова о введении официального электронного толкования – разъяснения права, а также то, что «в первую очередь электронному толкованию – разъяснению должны подлежать процессуальные нормы и отрасли права, поскольку правоприменительная деятельность четко регламентирована и стабильна по своему характеру. Электронное разъяснение материальных норм представляет более сложный процесс, поскольку вариативность правовых последствий достаточно широка» [2, с. 98]. В настоящее время значительную помощь в определении закона, подлежащего применению, оказывают правовые системы «Гарант» и «Консультант». Этого недостаточно, поскольку важно именно официальное толкование, а пока даже положения Постановлений Пленума Верховного Суда РФ не приведены в систему, оптимальную для использования.

Важным фактором повышения эффективности судебной деятельности с учетом очень большой загруженности является правильная организация работы судей. Необходимо внедрение новых методов организации работы судьи. О.Ю. Ильина обосновывает необходимость выработки умения эффективно организовывать как личное, так и служебное время с использованием новых технологий и обращает внимание на один из таких способов. «Тайм-менеджмент, несмотря на определенную новизну термина, понятие, известное любой системе с точки зрения планирования. Однако тайм-менеджмент как процесс управления предполагает не столько планирование как определение этапов выполнения работы, оказания услуг или иного процесса, сколько управление существующими ресурсами для достижения поставленной цели» [3, с. 111]. Это очень важно, ведь нередко низкое качество судебной деятельности связано именно с неумением судьи организовать свою работу и работу аппарата. Можно предположить, что такой судья не сможет должным образом организовать и использование искусственного интеллекта.

Но вернемся к основному вопросу: насколько реальна перспектива «правосудия с доставкой на дом». Разумно будет начинать с отдельных категорий дел, которые даже целесообразнее рассматривать в удаленном режиме. Это в первую очередь могут стать дела о нормоконтроле, ведь

это дела права, а не факта, поэтому по ним основными средствами доказывания выступают официальные тесты нормативных правовых актов. Как правило, нет свидетелей, и другие доказательства используются крайне редко, например только в случае сомнений в отношении соблюдения порядка принятия акта.

Предмет доказывания по делам о нормоконтроле определен в ч. 8 ст. 213 Кодекса административного судопроизводства РФ, и практически все эти обстоятельства относятся, как уже отмечалось, к сфере права. Н.А. Бурашникова обратила внимание на то, что «понятие законности, с точки зрения которой суды проверяют нормативные правовые акты, является более широким, нежели это закреплено в КАС РФ, и предметом судебной проверки служит не только формальное соответствие содержания оспариваемого акта актам, обладающим большей юридической силой, но и соблюдение при его принятии основополагающих принципов права» [1, с. 29]. А значит, что только сам суд может выявить эти принципы и оценить соответствие нормативного акта их духу и смыслу. Важным средством установления законности оспариваемого акта является соответствующее заключение специалиста, и здесь также возможно использование искусственного интеллекта. А сам процесс по таким делам можно проводить с использованием различных альтернативных систем конференц-связи, что будет экономить время и силы как суда, так и других участников процесса, а следовательно, повышать эффективность судопроизводства.

В качестве заключения можно так ответить на вопрос, поставленный в заголовке: цифровизация обязательно изменит судопроизводство, введение удаленного режима проведения судебных заседаний будет развиваться, что сделает судебную защиту не только более эффективной, но и комфортной.

Список литературы

1. Бурашникова Н.А. Принципы права как критерии судебного нормоконтроля // Судья. 2021. Октябрь. С. 28–33.
2. Захаров Г.Н. Электронное толкование – разъяснение права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 96–99.
3. Ильина О.Ю. Использование элементов тайм-менеджмента в процессе формирования профессиональных компетенций магистров (на примере изучения семейного права) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4. С. 110–119.
4. Никулин Д.Г. Внедрение цифровых технологий и высокотехнологичных продуктов в деятельность судов общей юрисдикции // Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции 23 октября 2020 г. «Судебная власть в современном обществе (Судья. Общество. Государство)». Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2020. С. 37–41.

5. Огаркова Н.О. Размещение судебных актов в сети интернет как составляющая права на судебную защиту // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3. С. 125–130.

6. Решетникова И.В. Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность // Судья. 2021. Июль. С. 57–61.

7. Туманова Л.В. Право судьи на справедливое судебное разбирательство // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2 (66). С. 71–80.

Об авторах:

ЗАХАРОВ Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

JUSTICE WITH HOME DELIVERY?

G.N. Zakharov, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

This article is an attempt to determine the prospects for organizing judicial protection in the context of digitalization and the possibilities of artificial intelligence. Attention is drawn to the need for interaction on the use of artificial intelligence in judicial activity with other states. The main possibilities of using digital technologies and remote consideration of cases are identified.

Keywords: *information technology, artificial intelligence, video-conferencing system, electronic interpretation of law, consideration of cases of normative control.*

About authors:

ZAKHAROV Georgy – PhD in Law, associate professor of department of Theory of Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

Захаров Г.Н., Туманова Л.В. Правосудие с доставкой на дом? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 65–69.

**ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПНОГО
ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
НА СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ
СУБЪЕКТОВ КРЕДИТОВАНИЯ, БЮДЖЕТНУЮ СИСТЕМУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

М.М. Савченко

ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет»,
г. Калининград

Рассматриваются признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 176 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследуются действия и последствия, позволяющие квалифицировать противоправное деяние как нецелевое получение кредита. Анализируются данные практики правоприменения, а также позиции ученых относительно неоднозначно толкуемых понятий, содержащихся в элементах объективной стороны. Рассматривается положительный опыт законодателя зарубежных государств касательно установления уголовной ответственности за незаконное получение кредита, делаются выводы о возможности рецепции ряда положений путем внесения изменений в отечественный уголовный закон.

Ключевые слова: *экономические преступления, кредит, преступление, кредитование, объективная сторона, незаконное получение кредита, мошенничество.*

По структуре объективной стороны состав преступления, предусмотренного ст. 176 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является материальным. Квалификация противоправного деяния возможна при наличии преступного действия, способом совершения которого является обман, общественно опасных последствий в виде крупного ущерба, а также причинно-следственной связи между двумя предыдущими элементами. Следует отметить, что деяние в составе преступления по ст. 176 УК РФ может быть выражено только в форме действия. От субъекта требуются активное поведение, направленное на введение соответствующих представителей кредитной организации в заблуждение для получения кредита или льготных условий по нему. Исходя из этого, основное действие, представляющее элемент объективной стороны данного преступления, – получение кредита. Под ним следует понимать обращение заемщиком полученных средств кредитования или их части в свою пользу или пользу других лиц.

Стоит отметить, что получение субъектом преступления каких-либо послаблений в договорных отношениях вследствие их изменения – отсрочек, рассрочек и т.п. – также следует рассматривать как действия в

рамках объективной стороны данного состава преступления. Это объясняется тем, что при изменении договора происходит новаторство, то есть старые обязательства аннулируются и появляются новые. Учитывая то, что последние являются для субъекта более выгодными, он подпадает под действие дефиниции ст. 176 УК РФ, если делает это путем обмана с наступлением указанных последствий.

Вторым альтернативным действием в составе преступления по статье 176 УК РФ является получение льготных условий кредитования. Под ними понимаются специальные улучшенные предложения по кредиту, которые выдаются лишь определенному кругу субъектов в случаях, предусмотренных в законодательстве РФ. Иными словами, смысл указанных льгот заключается в более выгодных условиях для заемщика. При этом, несмотря на то что действия, входящие в объективную сторону указанного состава преступления, представлены законодателем как альтернативные, считаем, что возможны случаи, когда субъект выполняет оба из них. Это возможно в тех случаях, когда хозяйствующий субъект, для которого запрашивается заем, ввиду своего финансового положения или иных условий не может получить ни кредит, ни льготные условия по нему без применения обмана. Если же указанный субъект имеет изначальное право на получение кредита, но не на льготные условия, ему вменяется именно последнее представленное действие.

Последствием в объективной стороне состава преступления по ст. 176 УК РФ будет являться причинение крупного ущерба. Согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ, указанный размер ущерба в настоящих статьях должен соответствовать сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. Он считается, в случае с незаконным получением кредита, вычетом суммы, полученной субъектом преступления взаем, а также вычетом иной упущенной выгоды, например процентов за пользование кредитного продукта. Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов считают, что в случае с получением льготных условий кредитования, в упущенной выгоде, а также в средствах, потерянных при предоставлении самой льготы, чаще всего ущерб заключается, например, в сниженной процентной ставке [6]. В данном случае считаем целесообразным согласиться с ними.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, характеризуется специфическим способом совершения и выражается в обмане, посредством которого злоумышленник-заемщик получает кредит или кредит на льготных условиях, то есть получает его незаконно, в результате чего кредитору наносится крупный ущерб. Обманом является и предоставление заведомо ложных сведений, то есть таких данных, которые скрывают или искажают истинное положение вещей, о которых заемщику известно [12]. Обычно заведомая ложность проявляется в сознательном внесении в предоставляемую кредитору

документацию неверных или неполных данных, сведений, искажающих подлинное содержание (смысл) данной документации и рассчитанных на создание у кредитора неверного представления о финансовом состоянии, правовом (хозяйственном) положении заемщика.

Таким образом, представление заведомо ложных сведений – это передача (направление, вручение и т.д.) документации, содержащей умышленно искаженные или неполные сведения, соответствующему банку или небанковской кредитной организации с целью получения кредита или кредита на льготных условиях.

Отметим, что в юридической науке и практике сложились понятия «хозяйственное положение» и «правовое положение», где первое является частным случаем по отношению ко второму (правовое положение включает все субъективные юридические права и обязанности и фактические возможности их реализации/приобретения, которыми обладает субъект), а также понятие «финансовое состояние» [14, 21]. Их разграничение важно для верной квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Понятия «хозяйственное положение» и «финансовое состояние» используются и в ст. 176 УК РФ. Вместе с тем следует констатировать, что ни УК РФ, ни российское законодательство не содержат формально-юридических дефиниций «хозяйственное положение» и «финансовое состояние». Указанное законодательное упущение нередко приводит к проблемам в практической деятельности, когда субъекту не удастся вменить обман относительно хозяйственного положения или финансового состояния, например, если имущество организации уже находится в залоге.

Можно дать определения финансовому состоянию и хозяйственному положению, опираясь на юридическую доктрину. Так, текущие финансовые и имущественные результаты (имеют денежное выражение) деятельности субъекта характеризуются как финансовое состояние. Хозяйственное положение включает в себя субъективные юридические права и обязанности, фактические возможности субъекта в хозяйственной сфере [10].

Способ передачи документации, содержащей ложные сведения, кредитору – почта, нарочно, сеть Интернет и т.п. – не меняет самого факта обмана. Более того, формально-юридический момент в незаконном получении кредита злоумышленник, как правило, стремится соблюсти.

Российское законодательство не содержит правила, согласно которому сведения, передающиеся кредитной организации, обязательно должны быть оформлены в письменной (документальной) форме, что обусловило научную полемику по данному вопросу. Так, одни ученые считают, что сведения кредитной организации могут быть представлены только в письменной форме [15]. С ней все достаточно просто: она предполагает наличие необходимых реквизитов, печатей и подписей

управомоченных должностных лиц. Другие же ученые полагают, что вполне достаточно устного сообщения [20].

Действительно, сведения как о финансовом состоянии, так и хозяйственном положении в целом всегда находят отражение в специальной документации индивидуального предпринимателя или организации, осуществляющих хозяйственную деятельность и ведущих бухгалтерский учет и документооборот. В свою очередь, в настоящее время банков и небанковских кредитных организаций существует огромное множество и каждый из этих субъектов кредитования может истребовать различные виды сведений и документов, их содержащих. Вместе с тем перечень документов, требуемых для получения кредита, вполне стандартен: заявление заемщика, справка о финансовом состоянии заемщика за отчетный период, экономическое обоснование и другие оправдательные документы.

Таким образом, для образования состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, не имеет значения, во-первых, в какие конкретно документы внесены ложные сведения (это могут быть и не обладающие оговоренной в законе юридической формой разного рода справочные документы, которые можно отнести к числу неофициальных) [4]. Во-вторых, не имеет значения как степень искажения (фальсификации) сведений, так и степень (полностью или частично) подделки документа: (например, подлинный документ содержит подложные сведения).

Исходя из имеющейся правоприменительной практики [18, 19], можно сделать вывод о материальных средствах выражения ложных сведений как способе совершения анализируемого преступления. К ним относятся:

- учредительные и регистрационные документы;
- бухгалтерская отчетность;
- иная учетная документация;
- аудиторские заключения;
- справки о погашении кредитов;
- иные документы, в том числе сертификаты, дипломы [16].

Внесение ложных сведений в указанные документы осуществляется либо путем частичной фальсификации, то есть внесения изменений в реальные официальные бумаги, либо путем полной фальсификации, то есть создания поддельного документа полностью [13].

Ложные сведения о хозяйственном положении нередко представлены:

- искаженными данными о руководстве, партнерах и учредителях хозяйствующего субъекта;
- фальсифицированными данными о связях субъекта с иными организациями – договорами, кооперациями, гарантийными письмами или поручительствами;

- фальсифицированными платежными документами;
- поддельными документами, свидетельствующими о положении на рынке и кредитоспособности [5, 8] .

В свою очередь, заведомо ложные сведения о финансовом положении хозяйствующего субъекта находят отражение:

- в документах на кассовые поступления;
- справках о дебетовой и кредитовой задолженности;
- справках по ранее полученным кредитам;
- балансах и отчетах о прибыли;
- документации по налоговым проверкам;
- выписках со счетов в банке и т.д.

Однако, как уже было установлено, при совершении преступления по ст. 176 УК РФ сам обман приобретает документальную форму, отражаясь в специальных справках, отчетах, счетах и т.п., которые так или иначе подтверждают платежеспособность хозяйствующего субъекта в глазах займодателя.

Нет единой позиции и касательно момента окончания незаконного получения кредита. Одна из позиций гласит, что момент окончания преступного деяния по ст. 176 УК РФ наступает уже после получения самого кредита обманным путем и обращения этих средств в пользу субъекта или иных людей [9]. Изучение правоприменительной практики показывает, что суды могут признавать моментом окончания также: день признания кредитора банкротом или уже с момента окончания выплаты обязательных платежей. Неоднозначность позиций в теоретической и практической сферах указывает на необходимость дополнительных разъяснений по поводу момента окончания преступления по ст. 176 УК РФ.

В действующей редакции УК РФ нормы о мошенничестве и незаконном получении кредита предполагают наличие в качестве обязательных элементов объективной стороны преступления обмана и имущественного ущерба потерпевшему [7]. Формальная конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, позволяет четко отграничить мошенничество в кредитной сфере от незаконного получения кредита. Это решение обуславливает большую защиту интересов кредитора.

Причинно-следственная связь при получении кредита путем обмана характеризуется следующими признаками: связывает первое звено причинности – конкретное обманное действие злоумышленника-заемщика – и второе (конечное) звено причинной связи – возникновение крупного ущерба; действие – детерминанта последствий в форме крупного ущерба; действие есть непосредственная причина последствий, причем в контексте конкретной обстановки совершения преступления; действие с необходимостью предшествует наступлению крупного ущерба.

Часть 2 ст. 176 УК РФ содержит состав преступления, связанный с незаконным получением кредита, когда займодателем выступает государство. Объективная сторона выражается в виде незаконного получения государственного целевого кредита и его неиспользования по прямому назначению. В первом случае качество незаконности соответствует тому, что содержится в первой части изучаемой статьи [17]. Нецелевое расходование выражается в использовании полученных в качестве кредита денежных средств не по прямому назначению, в соответствии с условиями кредитного договора [1]. Государственные целевые кредиты выдаются лишь для определенной цели, которой обязан следовать заемщик, получая кредит [11]. Как в случае с ч. 1 ст. 176 УК РФ, альтернативные деяния по части второй также могут быть совершены в комбинации, когда субъект получает государственный целевой кредит путем обмана и расходует приобретенные денежные средства не по целевому назначению. Для квалификации деяния по ч. 2 ст. 176 УК РФ необходимо наступление последствий, аналогичных составу по ч. 1.

Положительным представляется опыт криминализации действий в форме нецелевого использования кредита в самостоятельных нормах уголовного законодательства Армении и Молдовы. Статья 191 УК Армении предусматривает уголовную ответственность за нецелевое расходование кредита, полученного от государства, международной организации или в соответствии с международным договором [2]. А вот ст. 240 УК Молдовы устанавливает уголовную ответственность за использование не по назначению кредитных денежных средств, которые субъект получил под гарантию государства [3]. В связи с этим представляются целесообразными действия в форме нецелевого использования кредита криминализировать в самостоятельной норме, в частности в ст. 176¹ УК РФ.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд следующих выводов и обобщений:

1. В уголовно-правовой науке не сложилось единство понимания среди ученых по поводу льготных условий кредитования как предмета преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что льготные условия кредитования – это лучшие, чем стандартные, обычные условия договора кредитования, которые предоставляются ограниченному кругу физических лиц, индивидуальных предпринимателей и организаций на том основании, что кредитная организация обязана обеспечить такие условия в соответствии с законодательством. Вместе с тем злоумышленник получает путем обмана не льготные условия кредитования, а кредит на льготных условиях. В этой связи в целях формирования точного и единообразного понимания объективных признаков в статье о незаконном получении кредита, а значит,

повышения эффективности правоприменительной практики, целесообразно предмет преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, определить в ч. 1 как «получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита, в том числе кредита на льготных условиях, путем...».

2. В действующей редакции ст. 176 УК РФ отдает приоритет в уголовно-правовой защите государственной собственности, тем самым отступая от заложенной в ч. 2 ст. 8 Конституции РФ юридической модели равной защиты различных форм собственности.

3. Конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, в настоящий момент является материальной, что обуславливает дополнительную сложность в разграничении мошенничества и незаконного получения кредита. Решение этой сложности кроется в определении формальной конструкции объективной стороны кредитного мошенничества. По такому пути следует ряд зарубежных законодателей. Формальная конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, позволяет четко отграничить мошенничество в кредитной сфере от незаконного получения кредита. Однако в перспективе такое решение обуславливает большую защиту интересов кредитора.

Список литературы

1. Письмо Минфина РФ от 17.04.2007 г. № 08-02-02/08 «О нецелевом использовании бюджетных средств» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 27 сентября 2003 г. / Ассоц. «Юрид. центр». Спб.: «Юридический Центр Пресс», 2006.
3. Уголовный кодекс Республики Молдова: Закон Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV // Мониторул Официал ал Р. Молдова от 13 сентября 2002 г. № 128-129.
4. Абрамов В.Ю. Преступления в сфере банковского кредитования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 29 с.
5. Гарифуллина Р.Ф. Ответственность за преступления в сфере финансово-кредитных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 172 с.
6. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. М.: Центр «ЮрИнфоР», 1996. 290 с.
7. Кадников Н.Г. О некоторых проблемах уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательства // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 22–25.
8. Ларичев В.Д. Объективная сторона незаконного получения кредита // Законность. 1997. № 7. С. 9–10
9. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М.: Волтерс Клувер, 2007. 201 с.

10. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.

11. Осокин Р.Б. Нецелевое расходование бюджетных средств: соотношение уголовной и административной ответственности // Актуальные вопросы юридической науки и практики: сборник научных трудов членов Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» / Ассоциация юристов России, Тамбовское региональное отделение. Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. С. 149–155.

12. Осокин Р.Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.

13. Осокин Р.Б. Официальный документ как предмет служебного подлога // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 января 2007 года. М.: ТК Велби, 2007. С. 493–496.

14. Осокин Р.Б. Полезный учебник. Рецензия. «Уголовное право. Общая часть. Для экономических специальностей» // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 349–350.

15. Пашинцева У.В. Об оптимизации уголовно-правовых норм об ответственности за лжепредпринимательство и незаконное получение кредита // Безопасность бизнеса. 2008. № 2. С. 45–48.

16. Плешаков А.М. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита и меры по его предупреждению в банковской практике // Законодательство и экономика. 1997. № 3. С. 22–24.

17. Трунцевский Ю.В. Преступления в сфере использования Федеральной собственности. Теория и практика противодействия коррупции // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11 (182). С. 106–114.

18. Трунцевский Ю.В., Карпович О.Г. Оценка коррупционных рисков компании М.: ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 71–73

19. Трунцевский Ю.В., Карпович О.Г. Теория и современные практики комплаенса. Модели противодействия криминальным угрозам. М.: Юнити-дана: Закон и право, 2016. 407 с.

20. Яни П.С. Незаконное получение кредита // Законодательство. 2000. № 5. С. 64–67.

21. Sivakov D., Truntsevsky Y., Osokin R., Belyasov S., Karpovich O. The fate of groundwater: a lawyer's point of view // В сборнике: E3S Web of Conferences.

22. Сеп. «22nd International Scientific Conference on Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies, EMMFT 2020». Voronezh: EDP Sciences, 2021. С. 12004.

Об авторе:

САВЧЕНКО Майя Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Калининградский

государственный технический университет» (Россия, Калининград, пр. Советский, д. 1), SPIN-код: 8123-9155, AuthorID: 240657, e-mail: maya.savchenko@gmail.com

**OBJECTIVE SIDE OF CRIMINAL ENCROACHMENT
ON PROPERTY AND LEGITIMATE INTERESTS OF LENDING
ENTITIES, BUDGET SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION**

M.M. Savchenko

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad

This article considers the signs of the objective side of the corpus delicti under Art. 176 of the Criminal Code. The actions and consequences that make it possible to qualify the wrongful act as an unearmarked loan receipt are investigated. Data on enforcement practices, as well as the positions of scientists, regarding ambiguously interpreted concepts contained in elements of the objective side are analyzed. The positive experience of the legislator of foreign states is considered, regarding the establishment of criminal liability for illegal obtaining of credit, conclusions are made on the possibility of accepting a number of provisions, by amending the domestic criminal law.

Keywords: *economic crimes, credit, crime, lending, objective party, illegal obtaining of credit, fraud.*

About author:

SAVCHENKO Maya – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Security, Kaliningrad State Technical University (Russia, Kaliningrad, Soviet Ave., 1), SPIN-code: 8123-9155, AuthorID: 240657, e-mail: maya.savchenko@gmail.com

Савченко М.М. Объективная сторона преступного посягательства на собственность и законные интересы субъектов кредитования, бюджетную систему Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С.70–78.

О ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы дополнительного законодательного регулирования правовых механизмов борьбы с коррупцией. Предлагается рассмотреть вопрос о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации в части назначения наказания за совершение преступлений коррупционной направленности, расширения компетенции суда присяжных, содержания понятия «конфискация имущества».

Ключевые слова: коррупция, «нечаянная коррупция», Национальный план по противодействию коррупции, Определение Конституционного Суда Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, суд присяжных, конфискация.

16 августа 2021 г. Президентом Российской Федерации подписан указ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [1]. Таким образом, несмотря на установившееся в российском обществе мнение о том, что власть предпринимает недостаточные шаги, направленные на борьбу с антикоррупционными проявлениями, в государстве продолжается планомерное движение вперед на данном направлении деятельности.

Если обратиться непосредственно к Плану, то внимание привлекает ряд инновационных направлений борьбы с коррупцией. Среди них поручения Генеральной прокуратуре Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации подготовить предложения по совершенствованию правового регулирования вопросов, касающихся получения прокурорами сведений, составляющих банковскую тайну, а Верховному Суду Российской Федерации – рассмотреть вопрос об обязательном обращении судьи в отставку, нежелающего соблюдать запреты и ограничения, в квалификационную коллегия судей по месту прежней работы или постоянного жительства с заявлением о прекращении отставки.

Продолжены в стране и мероприятия, направленные на реализацию образовательных программ антикоррупционной тематики. В частности, Президентом Российской Федерации предложено создать интернет-контент, направленный на популяризацию антикоррупционных стандартов в обществе. При этом особо указано на необходимость

расширения участия гражданского общества в противодействии коррупции.

Представляется, что последнее предложение заслуживает особого внимания, поскольку его реализация приведет к возможности законодательного закрепления процедуры рассмотрения дел о коррупционных преступлениях судом присяжных заседателей.

До настоящего времени такая возможность наталкивалась на сопротивление со стороны юристов–практиков, утверждавших, что присяжные заседатели, в силу отсутствия у них юридического образования, не смогут разобраться в схемах так называемых «откатов», содержащихся в уголовных делах по коррупционным преступлениям, а также в должностных инструкциях и регламентах чиновников.

На наш взгляд, данные опасения излишни и подчас не имеют под собой какой-либо значимой основы.

Подтверждением этому могут служить и предложения Верховного Суда Российской Федерации о необходимости включения в компетенцию суда присяжных всех категорий дел по особо тяжким преступлениям, а также дел о преступлениях в сфере предпринимательства (за исключением уголовных дел, содержащих государственную тайну) [3].

Кроме того, вовлеченность присяжных заседателей в рассмотрение дел коррупционной направленности, по нашему мнению, позволит суду выносить более независимые от позиции обвинения решения. А последнее тоже немаловажно!

Однако воля государства, направленная на борьбу с коррупцией, должна быть действительно последовательной и бескомпромиссной. В противном случае выглядят обоснованными претензии гражданского общества по поводу не так давно введенного на законодательном уровне понятия «нечаянная коррупция», а также сохраняющейся возможности для чиновника отказаться по «объективным причинам» от предоставления декларации о доходах.

По-прежнему вызывает вопросы в юридическом сообществе и обоснованность самого определения коррупции как злоупотребления должностным положением исключительно с целью получения выгод имущественного характера, в то время как коррупциогенный фактор может усматриваться и при получении чиновником услуг, носящих нематериальный характер.

В связи с изложенным представляется необходимым на законодательном уровне принять ряд дополнительных мер, направленных на совершенствование правовых механизмов в борьбе с коррупцией.

В частности, ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) прямое указание на необходимость рассмотрения дел о коррупционных преступлениях судом присяжных, а

в ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) исключить наказание в виде штрафа за получение взятки, предусмотрев наказание в виде лишения свободы с конфискацией имущества.

Вызывает поддержку и предложение отдельных юристов–теоретиков предусмотреть конфискацию в качестве дополнительного вида уголовного наказания во всех статьях уголовного закона, устанавливающих ответственность за посягательства коррупционного характера [4, с. 115].

При этом, на наш взгляд, ст. 104-1 УК РФ должна содержать прямое указание на конфискацию в случае осуждения за совершение коррупционных преступлений не только признанного по уголовному делу в качестве вещественного доказательства имущества, но и всего имущества, принадлежащего на праве собственности как осужденному, так и членам его семьи.

Подобное решение вопроса было бы логичным, поскольку декларация о доходах государственным служащим в рамках законодательства о гражданской службе и закона о противодействии коррупции подается, в том числе, и в отношении супруга(-и) и несовершеннолетних детей.

Кроме того, из определения Конституционного Суда Российской Федерации, принятого по одному из уголовных дел, прямо следует, что не имеется противоречий с Основным законом страны в нормах, позволяющих изымать в пользу государства имущество, если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена, любыми лицами, а не только чиновниками и членами их семей, указанными в законе о контроле за расходами государственных служащих [2].

Подлежит ужесточению и карательная практика по делам о коррупционных преступлениях, исключая возможность назначения условного осуждения должностному лицу, совершившему тяжкое или особо тяжкое преступление с использованием своего служебного положения.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 г. «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108160035> (дата обращения: 19.09.2021).
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2019 г. № 2653 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями Федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и

иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и о «Государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102019-n-2653-o/> (дата обращения: 19.09.2021).

3. В России могут распространить суд присяжных на все категории особо тяжких дел [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7732991> (дата обращения: 03.11.2021).

4. Гайдашов А.В, Толстова И.А. «О некоторых вопросах, связанных с уголовно-правовой ответственностью представителей государства за преступления (правонарушения) коррупционной направленности // Вестник Тверского Государственного Университета. 2021. № 1 (65). С. 109–117.

Об авторе:

Сапронова Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и обеспечение профессиональной деятельности ФГБУ ВО «Тверской государственный университет», SPIN-код: 8184-3045, AuthorID: 1101269, e-mail: Saproнова.TP@tversu.ru

ADDITIONAL LEGISLATIVE REGULATION ANTI-CORRUPTION POLICY IN RUSSIA

T.P. Saproнова

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of additional legislative regulation of legal mechanisms for combating corruption. It is proposed to consider the issue of amending the criminal and criminal procedure codes of the Russian Federation in terms of imposing punishment for committing corruption-related crimes, expanding the competence of the jury, and the content of the concept of “confiscation of property”.

Keywords: *corruption, "accidental corruption", the National Anti-Corruption Plan, Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, jury trial, confiscation.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, assistant professor of the department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 8184-3045, AuthorID: 1101269, e-mail: Saproнова.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. О дополнительном законодательном регулировании антикоррупционной политики в России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 79–82.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ¹

О.В. Устьянцева

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Анализируются обновленные в ходе конституционной реформы положения и выделены ориентиры развития в экологической сфере. Автор отмечает усиление идеологического механизма, выступающего элементом духовной культуры общества и выполняющего функцию духовно-нравственной основы материальной жизнедеятельности человека посредством повышения роли Правительства РФ в области распространения экологической культуры.

Ключевые слова: ответственное отношение к животным, экологическая культура, экологическое образование.

Конституционная реформа 2020 года является значимым политико-правовым событием для Российской Федерации, в ходе которой введен институт единой публичной власти в целях эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами, усилены отдельные аспекты общественной жизни нашей страны. Иницируя конституционные поправки, Президент Российской Федерации отметил, что «потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека, надеюсь, еще многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества» [15]. Действительно, в условиях экологической нестабильности, которую формируют климатическая повестка, региональные экологические проблемы, несовершенство законодательства и его нарушение, социально-экономические последствия пандемии COVID-19, особую значимость приобретает незыблемость Основного закона как гаранта устойчивости развития общества. Исследовательская цель работы состоит в анализе содержательных обновлений Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и выделении ориентиров развития общества и государства в экологической сфере.

Положения норм ст. 7 и 9 Конституции РФ дополняют основы конституционного строя, придают стабильность общественному развитию и являются ключевыми направляющими экологических преобразований в условиях изменяющейся реальности. Содержание Конституции должно соответствовать уровню развития общества, реагировать на его запросы посредством детализации в отраслевом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00282.

законодательстве. В этой версии Основного закона определены новые и усилены ранее провозглашенные ценности личности, общества и государства. Так, в ст. 75¹ определено, что гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность являются основой для взаимного доверия государства и общества, экономического роста и повышения благосостояния граждан. Различные трактовки понятия «благосостояние» находятся в прямой зависимости от сферы исследований [14]. По-нашему мнению, благосостояние характеризует социально-экономические условия жизни и удовлетворение не только материальных потребностей населения, но и неутилитарных устремлений, в том числе с использованием природных экосистем.

Другим направлением является конституционное закрепление идеи воспитания патриотизма (ч. 4 ст. 67¹), ранее изложенной в преамбуле Конституции РФ «читать память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству». Рассматривая факторы формирования правовой культуры молодежи, исследователи отмечают: «Целью формирования правосознания современной молодежи является воспитание человека – гражданина, любящего природу своего края, России, формирование экологической грамотности подрастающего поколения, бережного отношения к природе, как к среде обитания и выживания человека, умения сохранять и приумножать ее богатства» [10, с. 106]. Патриотизм является духовной основой национальной безопасности, забота об экологическом благополучии России как важный элемент патриотизма, к сожалению, остается в тени военно-исторической идеи; считаем необходимым поддержку краеведения, местного народного искусства и творчества, экологической нравственности и культуры. Определенные шаги уже сделаны посредством закрепления положений о развитии культуры ответственного отношения к здоровью (п. «ж» ч. 1 ст. 72) и формировании ответственного отношения к животным (п. «е.6» ст. 114). Перечисленные ценности способствуют реализации публичных интересов в связи с созданием благоприятных условий жизнедеятельности населения.

Анализируя содержательное изменение закрепленных в Конституции РФ обновлений в экологической сфере следует положительно отметить усиление идеологического механизма охраны окружающей среды, который является элементом духовной культуры общества и призван выполнять функцию духовно-нравственной основы материальной жизнедеятельности человека посредством повышения роли Правительства РФ в области распространения экологической культуры.

Современная редакция ст. 114 Конституции РФ определяет в п. «в»: Правительство РФ в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики. Рассматривая обновленные полномочия Правительства Российской Федерации, М.М. Мухлынина верно подмечает и обосновывает замену термина «экология» на термин «в области охраны окружающей среды» [14, с. 245]. Также отметим акцент на проведении единой социально ориентированной государственной политики. Ее реализация обеспечивает инновационный тип экономического развития страны для достижения прорыва в повышении эффективности человеческого капитала и создании комфортных социальных условий [6], часть из которых отражена в инициативах государственного развития. Конституцией РФ в ст. 114 п. «е. 5» и «е. 6» возложено на Правительство РФ осуществление мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным; а также создание условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Вклад культурной составляющей в формирование гармонично развитой личности сложно переоценить, однако укрепление экологической культуры продолжает оставаться нормой-идеалом в развитии современного общества. По мнению Ю.А. Ивановой и К.Е. Шохова, «на данный момент экологическая культура в России находится только на этапе своего поэтапного формирования» [12, с. 97]. С таким утверждением сложно согласиться, так как основы формирования экологической культуры граждан прослеживаются в Законе РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» [7]. Так, в ст. 16 было закреплено, что охрана природы – всенародное дело. В нем участвуют общественные (профсоюзные, молодежные, научные и др.) организации и добровольные общества с привлечением широких масс рабочих, колхозников и интеллигенции; а также необходимость преподавания основ охраны природы в учебных заведениях (ст. 18) и пропаганды вопросов охраны природы (ст. 19). В Законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» действовала глава IX «Экологическое воспитание, образование, научные исследования» и была введена обязанность граждан постоянно повышать экологическую культуру (ст. 12) [8]. В настоящее время правовые основы экологической культуры и распространения экологических знаний

определены в Федеральном законе от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» [3]. В главе XIII сформирована образовательная среда непрерывного экологического образования на протяжении жизни человека, что согласуется с принципами государственной политики в области образования. Также закон предусматривает подготовку лиц, ответственных за принятие эколого-значимых решений, что также является актуальным [11, с. 481]. Для всех остальных социальных групп, не участвующих в образовательной сфере, экологическая культура распространяется через экологическое просвещение. Всеобщность и комплексность экологического образования гарантируется и реализуется в образовательных системах «детский сад – школа – вуз» применительно в основном к представителям молодежи. Для всех остальных возрастных групп совершенствование сформированной экологической культуры, на основе которой осуществляется выбор типа экологического поведения, является правом, а не обязанностью. Заслуживает поддержки мнение Ю.В. Васильчук: «Необходимо предусмотреть действенный механизм вовлечения в экологически ориентированную деятельность всех членов общества с учетом мотивов и потребностей такого участия различных социальных групп» [9, с. 157].

Усложнение технологической сферы, интенсивное обновление экологического законодательства настоятельно требуют создания экологического пространства в рамках подvida образования для неохваченных категорий населения: возрастающей группы представителей активного старшего поколения, лиц, участвующих в программах добровольного переселения в Российскую Федерацию, лиц из числа представителей коренных малочисленных народов, трудовых мигрантов. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дополнительное образование является видом образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования [2].

Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» в ст. 22 воспроизводит конституционное положение о полномочиях по созданию условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры; формирования ответственного отношения к животным обществе [1]. Утвержденные в октябре 2021 г. Правительством РФ стратегические инициативы нацелены на повышение качества жизни людей и обеспечение эффективности российской экономики, они распределены по шести направлениям (социальная сфера, строительство, экология, цифровая трансформация, технологический рывок и государство для граждан) и соотносятся с

целями национального развития (сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация) [4, 5]. Таким образом, государственные стратегические инициативы являются инструментом социально-экономического развития государства и дополняют национальные проекты. Знакомство с примерным содержанием государственных инициатив дает понимание, что экологический фактор вновь рассматривается отдельно от многих национальных целей, а также не вплетен в образовательное пространство [16]. Необходимо предусмотреть развитие государственной инициативы по вовлечению в эколого-образовательное пространство неохваченных Федеральным законом от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» групп населения. Просветительская деятельность, осуществляемая по проектам некоммерческих организаций, направлена на привитие полезных навыков для граждан, однако экологические знания не входят в область приоритетного распространения. Полагаем необходимым взаимодействие представителей различных наук по обеспечению модели экологического образования для всех: подготовка учебной программы, литературы, законодательных источников и практики правоприменения, образовательных практик на основе достижений психологии и педагогики, андрагогики, в том числе с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения; реализация которой будет способствовать повышению экологической культуры и благосостояния граждан, участию населения в экологической политике, достижению национальных целей.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2021. № 22. Ст. 3679.
3. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5170.
4. Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
5. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 г. № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 41. Ст. 7051.
6. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического

развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; 2018. № 41. Ст. 6246.

7. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586 (утр. силу).

8. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457 (утр. силу).

9. Васильчук Ю.В. Правовые основы экологического образования и воспитания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 145–159.

10. Васильчук Ю.В., Яковлева Н.Г. Экологическое просвещение как фактор формирования правовой культуры молодежи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1(65). С. 99–108.

11. Власова Е.Л. Поиск решений по устранению правовых пробелов в нормативном правовом регулировании обращения с морскими млекопитающими / Е. Л. Власова // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 12. С. 479–486.

12. Иванова Ю.А., Шохов К.Е. Экологический потенциал отдельных поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 96–98.

13. Климонова А.Н. Благополучие населения как цели ориентир деятельности государства: сущность, элементы, факторы благополучия // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 12. С. 60–67.

14. Мухлынина М.М. Вопросы экологической безопасности и охраны окружающей среды в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 244–246.

15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» // РГ. 2020. № 7. 16 янв.

16. Правительство утвердило перечень инициатив социально-экономического развития до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/43480/> (дата обращения: 10.10.2021).

Об авторе:

УСТЬЯНЦЕВА Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет» (Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6), SPIN-код: 6910-8273, AuthorID: 679732, e-mail: ovust@mail.ru

ENVIRONMENTAL GUIDELINES OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA²

O.V. Ustyantseva

Tyumen State University, Tyumen

The article analyzes the provisions updated during the constitutional reform and highlights the development guidelines in the environmental sphere. The author notes the strengthening of the ideological mechanism, which acts as an element of the spiritual culture of society and performs the function of the spiritual and moral basis of the material life of a person by increasing the role of the Government of the Russian Federation in the field of environmental culture dissemination.

Keywords: *ecological culture, ecological education, responsible attitude to animals.*

About author:

USTYANTSEVA Olga – PhD in Law, assistant professor of the Department of Civil Law Disciplines, Tyumen State University (6 Volodarskogo Street, 625003 Tyumen Russia), SPIN-code: 6910-8273, AuthorID: 679732, e-mail: ovust@mail.ru

Устьянцева О.В. Экологические ориентиры Конституции России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 83–89.

² This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-011-00282).

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В.В. Харитошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности проведения некоторых процессуальных действий при расследовании преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: *предварительное следствие, особенности личности осужденных, тактика и методика следственных действий.*

Состояние преступности в пенитенциарных учреждениях в значительной мере определяется специфическими противоречиями и проблемами в исполнении наказаний, связанных с лишением свободы [5, с. 78]. Совершаемые в исправительных учреждениях (далее – ИУ) преступления имеют повышенную степень общественной опасности, так как причиняют вред всему комплексу мер по исправлению осужденных, ставят под угрозу жизнь и здоровье многих людей, наносят ощутимый урон нормальной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы [4, с. 139]. Поэтому быстрое и качественное расследование преступлений, совершенных осужденными во время отбывания ими наказания, имеет принципиальное значение. Во многом это зависит от эффективности и результативности процессуальных действий, проведенных с участием свидетелей и обвиняемых из числа осужденных.

В частности, получение достоверных и полных показаний является основной задачей допроса таких лиц. В условиях ИУ на сравнительно небольшой территории сконцентрирована значительная масса осужденных, которые находятся в определенных отношениях друг с другом. В силу этого, многие из них бывают достаточно хорошо осведомлены о совершенном преступлении. Однако из-за особенностей личности осужденных, а также существующих в их среде так называемых «воровских традиций», установление свидетелей и обвиняемых, получение от них достоверных и полных показаний на допросах является делом весьма непростым.

Особенности тактики допроса свидетелей и обвиняемых из числа осужденных определяются двумя основными обстоятельствами, характерными именно ИУ: во-первых, психологическими особенностями личности осужденных, проявляющимися в отрицательных чертах характера, присущих большинству из них; во-вторых, спецификой

деятельности самих ИУ, выражающейся, с одной стороны, в предусмотренных законом полномочиях администрации исправительных учреждений, а с другой – в особенностях правового положения лиц, отбывающих наказания.

Специфика расследования в условиях исправительного учреждения заключается в том, что в период его проведения к осужденным, проходящим по делу в качестве свидетелей и обвиняемых, продолжают применяться меры исправительного воздействия, порядок и основные средства обеспечения которого предусмотрены действующим уголовно-исполнительным законодательством. Данное обстоятельство возлагает на органы, ведущие расследование, особую ответственность за строгое соблюдение законности при его проведении.

Условия пребывания в ИУ влияют на поведение свидетелей и обвиняемых из числа осужденных во время проведения следственных действий. Многие отрицательно относятся к допросу. Это происходит потому, что у этих лиц в период отбывания наказания, как правило, сохраняются устойчивые антиобщественные взгляды, убеждения и привычки, негативно влияющие на ход допроса. Осужденный – это человек, находящийся на самой низкой ступени социальной иерархии, подвергнутый общественному клеймению и презрению, между ним и обществом устанавливается дистанция социального отчуждения [7, с. 17]. Такое положение оказывает мощное воздействие на психику человека, оказавшегося в местах лишения свободы.

Следует также, как уже отмечалось, учитывать и влияние существующих в среде осужденных криминальных «традиций», запрещающих любое сотрудничество с правоохранительными органами. Некоторые осужденные относятся к преступлению как к событию вполне допустимому (с их точки зрения), другие, враждебно настроенные против деятельности правоохранительных органов, также безразличны к событию преступления либо выражают молчаливую солидарность с лицами, его совершившими. Подобные взгляды характерны, прежде всего, для злостных нарушителей режима, лиц, имеющих большой «криминальный опыт» и не желающих вставать на путь исправления.

Осужденные, прямо или косвенно заинтересованные в результатах расследования, могут оказывать психологическое давление (угрозой убийства, физической расправы) на свидетелей и обвиняемых, что также может сказаться на их поведении во время допроса. Некоторые ограничения и неудобства, которые вынуждены порой претерпевать свидетели из числа осужденных в связи с временным изменением их положения на период расследования, порой приводят к нежеланию давать показания или даже заведомо ложных.

Для успешного расследования следователю необходимо установить тесный деловой контакт с администрацией исправительного учреждения, которая наряду с другими функциями осуществляет функцию дознания

и может оказать эффективную помощь в подготовке и проведении допроса свидетелей и обвиняемых из числа осужденных.

Эта помощь может выражаться:

- в предоставлении следователю полезной информации, полученной непроцессуальным путем в ходе повседневной работы частей и служб исправительного учреждения, в ходе специально организованных администрацией мероприятий;
- в принятии режимных и иных мер по устранению отрицательного влияния отдельных осужденных, стремящихся воспрепятствовать расследованию, а также в проведении профилактических мероприятий, направленных на то, чтобы склонить свидетелей и обвиняемых из числа осужденных к даче правдивых показаний на допросе;
- в оказании следователю организационной помощи по созданию нормальных условий для проведения допроса (предоставление соответствующего помещения, обеспечение явки на допрос осужденных, предоставление диктофона, видеоаппаратуры и т.д.);
- в проведении по поручению следователя отдельных следственных действий.

Формы и методы такого взаимодействия могут быть самыми различными.

Наиболее важным из подготовительных мероприятий является изучение материалов дела, личности свидетеля или обвиняемого из числа осужденных. Особого внимания требует изучение личности осужденных, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы. Особенности личности преступника-рецидивиста, способ его действий позволят следователю использовать наряду с общими также и специфические приемы и методы расследования преступлений. Прежде всего, необходимо тщательно выяснить уголовное прошлое такого лица, его образ жизни, криминальные связи, поведение в период отбывания наказания, что поможет эффективному проведению расследования.

Первоначальным этапом подготовительной работы является определение предмета допроса. Согласно закону, предмет любого допроса составляет совокупность обстоятельств, имеющих значение для дела. Следователь должен определить, какие обстоятельства могут быть известны лицу, вызываемому на допрос. Сущность и круг этих обстоятельств нужно определить как можно точнее, и следователь устанавливает их на основе оценки сведений, которыми он располагает. В зависимости от их содержания вывод следователя об обстоятельствах дела, известных тому или иному лицу, может базироваться на предположении или достоверном знании.

При этом следователь обычно допрашивает осужденных, непосредственно находившихся на месте совершения преступления либо поблизости: дневальных, если преступление совершено в жилом

помещении; лиц, работавших вместе с осужденным, совершившим преступление, на производстве, в подсобных помещениях и т.д.

Большое значение имеет выявление имеющихся различных связей и контактов, объединений осужденных по особым группам на основе тех или иных интересов. Это позволит следователю определить вероятный круг осужденных, осведомленных о преступлении, если у него нет необходимой информации.

Тщательное изучение личности осужденного начинается еще до допроса и продолжается в процессе его проведения. Следователь должен знать характер, обстоятельства совершения преступления, за которые осужденный отбывает наказание, его поведение во время следствия и в суде, а также в период пребывания в ИУ (отношение к труду и обучению, воспитательным мероприятиям, его связи и окружение). На процесс дачи показаний влияют такие механизмы, формирующие личность, как жизненный опыт и культурный уровень, социальный статус и социальная роль, а также профессиональные, национальные и социально-культурные факторы [2, с. 7].

При проведении расследования преступлений, совершенных в условиях исправительного учреждения, следователь также должен учитывать личностные особенности осужденных за различные виды преступлений. Например, осужденные за преступления сексуального характера чаще всего характеризуются низким волевым контролем, импульсивностью, неразборчивостью в межличностных контактах, минимальной склонностью к самоанализу, стремлением удовлетворять свои сексуальные прихоти и влечения, теряя грань между дозволенным и недозволенным. В тоже время психологические особенности людей, осужденных за преступления по неосторожности, отличает случайный, ситуативный характер совершенного преступления на основе халатности, потери бдительности, невнимательности, недостаточной личной ответственности [3, с. 162–163]. Данные о личности осужденного могут быть получены и при изучении личного дела.

Местом проведения первоначальных допросов свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых из числа осужденных обычно является исправительное учреждение, где совершено преступление. Это позволяет следователю быстро собрать различные данные об обстоятельствах его совершения; немедленно пустить в ход при допросе имеющиеся в его распоряжении доказательства, полученные в процессе расследования; лично проверить полученные на допросе данные путем проведения соответствующих следственных действий, прибегать к помощи оперативного аппарата исправительного учреждения; использовать моральный авторитет как должностных лиц, так и положительно зарекомендовавших себя осужденных.

Следователь должен установить строгую очередность вызова на допрос свидетелей и обвиняемых из числа осужденных. При этом раньше других должны быть допрошены:

- свидетели из числа осужденных, которые отрицательно относятся к совершенному в ИУ преступлению, так как они либо твердо встали на путь исправления, либо при наличии у них антиобщественной установки не одобряют совершение преступлений;
- свидетели из числа осужденных, по личным мотивам не заинтересованные в противодействии расследованию;
- свидетели и обвиняемые, пользующиеся у осужденных авторитетом.

Все это позволит получить наиболее достоверные сведения и будет способствовать результативности проведения расследования.

При расследовании преступлений в условиях ИУ важная роль принадлежит также и способу вызова на допрос свидетелей из числа осужденных. Вызов на допрос должен сохраняться в тайне от других осужденных (особенно от подозреваемых и обвиняемых). Малейшая небрежность в принятии мер по обеспечению безопасности свидетелей и обвиняемых из числа осужденных может привести к нежелательным эксцессам и повлиять на весь ход расследования.

К организационно-тактическим условиям подготовки к проведению следственных действий относят и микросреду: освещение, температуру, запахи, наличие или отсутствие атмосферных осадков, посторонних шумов и т.д. Так, например, плохое освещение в помещении не только негативно сказывается на самой процедуре допроса, но и может полностью разрушить данный процесс. Присутствие неприятных запахов, как правило, воспринимается людьми как помеха, которую хочется скорее устранить. То же самое можно сказать и о температурном режиме – низкая либо слишком высокая температура в помещении негативно сказывается на проведении данного следственного действия. Посторонние шумы также способны существенно отвлекать подозреваемого либо обвиняемого, вызывая ненужное раздражение [6, с. 140].

Планируя время проведения следственных действий, необходимо учитывать и установленный в ИУ распорядок дня. Так, вынужденный по причине допроса отказ от приема пищи, помывочных процедур или прогулки может вызвать у допрашиваемого негативные эмоции и негативное отношение как лично к следователю, так и проводимому расследованию в целом [1, с. 39].

Завершающим этапом подготовки к следственным действиям является разработка плана их проведения. План допроса и его основные элементы должны тщательно продумываться. Знакомство свидетелей и обвиняемых из числа осужденных с установленным порядком ведения уголовных дел, их недоверие, а зачастую неприязненное и даже

враждебное отношение к правоохранительным органам обязывают следователя при подготовке к допросу с особой тщательностью изучать материалы уголовного дела, отбирать доказательства, которые затем могут быть использованы при допросе.

Формирование показаний свидетелей, подозреваемых и обвиняемых – сложный процесс. Поэтому грамотное проведение допроса невозможно без знания законов психологии и логики. В условиях ИУ это имеет особое значение: следователь, как уже отмечалось, должен хорошо изучить психологические особенности личности осужденных. Только в этом случае возможно установление необходимого психологического контакта со свидетелями и обвиняемыми из числа осужденных. Лица, отбывающие наказание, по собственному опыту знают, что представляет собой процесс расследования и какие требования предъявляет закон к следователям. Поэтому точное и безусловное их соблюдение всегда положительно сказывается на отношении к следователю допрашиваемых из числа осужденных.

В уголовном процессе одной из основных форм психологического воздействия на допрашиваемого является убеждение. Исходя из этого, весь допрос должен строиться именно в данном направлении.

Для того чтобы убедить подозреваемых и обвиняемых из числа осужденных в необходимости дать правдивые показания, следователь может использовать доводы, рассчитанные на пробуждение у них совести и гражданского мужества: моральное одобрение их положительных поступков в период отбывания наказания, а также отдельных положительных черт характера.

Какими бы мотивами не руководствовались подозреваемые и обвиняемые из числа осужденных, давая заведомо ложные показания, они, как правило, надеются, что их ложь не будет обнаружена и что с ее помощью им удастся достигнуть желаемой цели, например, избежать ответственности за преступление, совершенное в исправительном учреждении. Поэтому изобличение обвиняемых во лжи обычно нарушает их расчеты и часто вынуждает давать правдивые показания.

В практике проведения следственных действий в условиях исправительного учреждения имели место случаи уничтожения или временного завладения вещественными доказательствами, которые предъявляются им, к примеру, при допросе. Для того чтобы избежать подобных эксцессов следователю необходимо тщательно продумывать тактические условия их предъявления. Нецелесообразно предъявлять предметы, изъятые из гражданского оборота, либо предметы, которыми осужденным запрещено пользоваться правилами режима (оружие, наркотики, ценные вещи, деньги и др.). В этом случае вполне допустимо использовать фотоснимки вещественных доказательств.

Грамотное и эффективное применение всего комплекса тактических приемов при проведении следственных действий с участием свидетелей

и обвиняемых из числа осужденных с учетом всех указанных особенностей, безусловно, должно способствовать более успешному раскрытию преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях.

Список литературы

1. Валеев А.Т., Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа осужденных к лишению свободы: Учебное пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. 100 с.
2. Еникеев М.И. Психология допроса. М.: ИМПЭ, 1994. 148 с.
3. Криминология: учебник / под ред. В. Ю. Голубовского, Е. В. Кунц. М.: Юрлитинформ, 2020. 264 с.
4. Кудашова Е.Е., Кулева О.А. Специфика построения следственных версий в процессе расследования преступлений, совершаемых в исправительном учреждении // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015.
5. Легостаев С.В. Пенитенциарная преступность: состояние, основные тенденции и проблемы предупреждения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №2 (28). С. 77–83 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-prestupnost-sostoyanie-osnovnye-tendentsii-i-problemy-preduprezhdeniya/viewer> (дата обращения: 10.02.2022).
6. Полищук Д.А. Тактико-психологические особенности допроса при расследовании преступлений, совершаемых преступными сообществами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 259 с.
7. Тарасова С.А. Пенитенциарная психология: учебное пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. 170 с.

Об авторе:

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

**PECULIARITIES OF CARRYING OUT SOME PROCEDURAL
ACTIONS DURING PRELIMINARY INVESTIGATION
IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS**

V.V. Kharitoshkin

Tver State University, Tver

The article discusses the features of carrying out some procedural actions in the investigation of crimes committed by convicts in correctional institutions.

Keywords: *preliminary investigation, personality traits of convicts, tactics and methods of investigative actions.*

About author:

KHARITOSHKIN Valeriy – PhD in law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

Харитошкин В.В. Особенности проведения некоторых процессуальных действий при осуществлении предварительного следствия в исправительных учреждениях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 90–97.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Н.А. Чернядьева

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Крымский филиал), г. Симферополь

Односторонние ограничительные меры, применяемые к Российской Федерации, противоречат нормам международного права, являются политически мотивированными и нарушают суверенные права нашего государства. В статье автор рассматривает проблему экстерриториального характера применения национального права и пытается обратить на нее внимание как научного сообщества, так и законодателя.

Ключевые слова: санкции, международное право, санкционные режимы, односторонние ограничительные меры, защита имущественных прав, экстерриториальное право.

В последнее десятилетие повышенную актуальность приобретает проблема экстерриториального характера применения национального права. Эта тема относится к разряду дискуссионных, спорных в правовой науке [17, с. 165–166]. Более согласованным для международно-правового пространства может считаться применение экстерриториальной юрисдикции в уголовном правосудии. Но, как справедливо отмечается Комиссией международного права ООН, «...усиление глобализации мировой экономики привело к тому, что государства все больше полагаются на экстерриториальные утверждения юрисдикции для защиты своих экономических интересов... есть некоторые признаки того, что такие меры постепенно получают признание. Хотя Соединенные Штаты остаются наиболее активными пропагандистами экстерриториальных мер в этой области, другие государства и региональные организации, такие как Европейский Союз (далее – ЕС), Франция, Германия и, совсем недавно, Республика Корея также приняли законы [предусматривающие] экстерриториальное применение» [23, р. 526–527].

Так, в США законом установлен запрет участвовать национальным юридическим лицам в запретных мероприятиях, установленных в зарубежных правовых порядках. А в 2014 г. решением окружного суда в Нью-Йорке было взыскано с Аргентины 1,3 млрд долларов в пользу американских акционеров [14].

В ЕС существуют отраслевые пакеты законов, устанавливающие ограничения, действующие и за пределами ЕС, в целях защиты

обшеевропейского экономического пространства. В 2017 г. Суд ЕС решил не применять ограничительные меры США в энергетической сфере [8].

Обращает внимание то, что все эти государства относятся к разряду «сильных» субъектов международного права, в отношении которых возможность применения экономических санкций не представляется угрожающей.

В тесной связке с глобализацией и экстерриториальным правоприменением находится еще одна тенденция современного общемирового правового развития – это активное применение международных мер ответственности и государственных односторонних ограничительных мер. Сейчас распространенной практикой является обозначение их термином «международные санкции». В некоторых случаях исследователи, ориентируясь на широкое распространение международно-правовых режимов ограничительных мер, пишут даже о «международном санкционном праве» [9, 11].

Сразу поясним, что не считаем терминологически верным называть «международными санкциями» меры международно-правовой ответственности, применяемые в соответствии с международным правом для поддержания международного мира и безопасности, и односторонние ограничительные меры государств, которые создаются, как правило, в рамках национальных правовых систем и отражают политический выбор конкретного государства / группы государств. Еще менее обоснованным представляется существование феномена «санкционное право / международное санкционное право». Для выделения такого правового режима не находится ни материально-правовых, ни методологических, ни каких-либо иных объективных оснований.

С формально-правовой точки зрения санкции по нормам международного права, согласно ст. 41 и 42 Устава ООН, вправе применять только Совет Безопасности ООН (далее – СБ ООН).

За всю историю существования ООН в отношении России санкции СБ ООН не применялись, что невозможно сказать о втором виде рассматриваемых негативных мер против государства – односторонних ограничительных мерах. Не секрет что в отношении РФ введено несколько таких режимов: на основе наднациональных решений Европейского Союза – во всех государствах ЕС, национальных – в США, Украине и ряде других государств. Наблюдается тенденция: во всех таких санкционных режимах негативному воздействию подвергается не Россия как самостоятельный субъект правоотношений, а частные субъекты (физические и юридические лица), находящиеся под российской юрисдикцией и ведущие правомерную, обычную деятельность. Так, только в одном санкционном списке США находится около 800 российских частных субъектов [15]. Всего в подобной

практике замечено 41 государство. В каждом ведутся консолидированные перечни «подсанкционных» субъектов.

Односторонние ограничительные меры последние тридцать лет также показывают тенденцию роста. По подсчетам Ф. Джонаса, на начало 90-х гг. прошлого века насчитывалось менее 100 санкционных режимов, а к 2005 г. произошел резкий всплеск – до 600 [20, р. 1]. Показательно, что ни одно государство не предусматривает ни специального порядка и оснований для признания лица виновным в противоправном поведении, чтобы стать фигурантом подобного перечня, ни возможности для обжалования ограничительных мер. Это свидетельствует в пользу политической ангажированности подобных решений и их неправовых детерминантах.

Примерами подобного можно назвать:

- изъятие здания консульства РФ в Сан-Франциско в августе 2017 г., произведенное с нарушением норм Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. Результатом этого стала невозможность использования здания в гражданском обороте. Аналогичным образом сложилась ситуация со зданиями торговых представительств России в Вашингтоне и Нью-Йорке.

- Решение Суда ЕС 2017 г. по иску ПАО «НК «Роснефть»», безуспешно оспаривавшего правомерность принятия Советом ЕС решения № 2014/512 о введении секторальных «санкций» в июле 2014 г. [21].

- Арест во Франции по решению швейцарского суда научно-учебного барка «Седов» по долгам российского негосударственного юридического лица в 2000 г., проведенный в нарушение норм международного морского права. Эта история имела продолжение. В апреле 2019 г. барк не пустили в порты Эстонии и Польши. Таким образом, власти этих государств в одностороннем порядке ввели ограничения по осуществлению права собственности российского вуза – правообладателя корабля.

- Приостановление многолетнего сотрудничества группы компаний Siemens и российского «Технопромэкспорта» из-за угрозы применения санкций в связи с поставкой технологического оборудования для строительства теплоэлектростанции в Крыму.

- Ограничения по получению туристических и иных виз для российских граждан, проживающих в республике Крым.

- Вынесенное 26 октября 2021 г. в Амстердаме апелляционное постановление по вопросу о принадлежности более 2 000 экспонатов крымских музеев, вывезенных для временной выставки в Амстердам в 2014 г.

Все эти примеры показывают многогранность негативных последствий односторонних ограничительных мер, от которых страдает

не только отечественный бизнес, но интересы образования, культуры, общепризнанные в мировом сообществе гражданские права человека.

Важно подчеркнуть, что односторонние ограничительные меры принимаются государствами за пределами норм международного права и, как правило, вступают в противоречие с уже взятыми международно-правовыми обязательствами [5, с. 241; 10, с. 129–130]. Об этом неоднократно заявлялось в международно-правовых документах ООН.

Так, Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) в 2015 г. настоятельно рекомендовала государствам «воздерживаться от введения в действие и применения любых односторонних экономических, финансовых и торговых мер, препятствующих обеспечению полного экономического и социального развития...». Аналогичные рекомендации содержатся в других резолюциях ГА ООН (например, резолюции 72/168 от 19 декабря 2017 г. и 73/167 от 17 декабря 2018 г.). Характерно, что данные резолюции последовательно одобряются подавляющим большинством государств мира: резолюция 73/167 (2018 г.) была поддержана 133 делегациями.

Совет по правам человека ООН ежегодно в своих докладах и резолюциях подчеркивает, что «...односторонние принудительные меры и законодательные положения противоречат международному праву, международному гуманитарному праву, Уставу и нормам и принципам, регулирующим мирные отношения между государствами...» [1].

Комиссия международного права ООН также пришла к выводу, что отсутствуют правовые основания и *opinio juris*, легализирующие «коллективные» [в защиту коллективного интереса] и «самодельные» контрмеры, принятые в обход международного права [7, с. 23].

Ради справедливости отметим, что в зарубежной международно-правовой науке высказывается мнение о суверенном характере односторонних ограничительных мер, основанных на принципах международного права, зафиксированных в Уставе ООН [18, р. 32–38; 22, р. 28]. С этим нельзя согласиться. Суверенитет государств и независимость во внешней и внутренней политике не может считаться как злоупотребление правом и использоваться для давления на другие субъекты. Думается, что этот подход призван дать доктринальное обоснование решениям государств, придерживающихся политики санкционного давления в международных отношениях, придать «нормальность» их неправомерному поведению.

Сложившаяся санкционная обстановка существенно сказывается на социально-экономическом развитии России, на общем социально-гражданском климате. По мнению А. Портанского, санкции для России – это второй по значимости сдерживающий экономическое развитие фактор, который пока не показывает своей перспективы исчерпания [16].

Ситуация требует правовой защиты имущественных прав наших граждан и юридически лиц как в российском правовом пространстве, так

и за рубежом. Пока государственная политика, по мнению экспертов МВФ, Всемирного экономического форума, не обеспечивает должного уровня защиты права собственности [6, с. 38]. Аналогичные выводы сделаны и в других зарубежных исследованиях авторитетных международных научных учреждений (Институт Фрейзера, Heritage Foundation) [19, р. 1]. Проблема фрагментарности правовых механизмов, позволяющих учитывать санкции (контрсанкции) в современном цивилистическом процессе, приводящем к недостаточной судебной защите, поднимается и в отечественной правовой науке [12, с. 153–154; 13, с. 37].

В России есть нормативно-правовые акты, в которых предусматривается возможность введения отдельных ограничительных мер [3]. Один из последних принятых федеральных законов [2] носит рамочный характер и предлагает диспозитивный подход к выбору мер реагирования на недружественные действия государств. В данных нормативно-правовых актах предусмотрена возможность применения ограничительных мер в виде ответа на уже вынесенные против России. Представляется, что это отражает политический выбор нашего государства: следование нормам международного права, в том числе принципу добросовестного выполнения международных обязательств. Но видится недостаточно разработанной система мер, направленных на защиту прав и интересов национальных субъектов, которые могут пострадать от ограничительных мер других государств.

Думается, что этот механизм должен содержать меры, обеспечивающие безопасность реализации имущественных прав и защиту права собственности и в национальном правовом пространстве, и за его пределами.

Эта проблема не имеет простого однолинейного решения. С правовой точки зрения сфера защиты права собственности – это область применения не только гражданского права, но и трудового, налогового, права социального обеспечения, бюджетного права и т.д. Требуется комплексный межотраслевой подход. Кроме того, социально-экономический комфорт не может быть создан исключительно внесением соответствующих изменений в законодательство и/или созданием стимулирующих мер финансового характера. Необходимо определенное «переформатирование» нематериальной части российской правовой системы, включающей в себя правовые традиции, правовое поведение и правовую культуру. Область нематериального права, как консервативная и слабо поддающаяся насильственной коррекции, не сможет быстро создать адекватные условия для обеспечения защиты гражданских прав.

Данная статья в силу объективных ограничений, обусловленных форматом, не способна дать полноценный рецепт создания защитного механизма для отечественных субъектов от зарубежных

ограничительных мер. Скорее, можно говорить о постановке проблемы и о попытке обратить на нее внимание как научного сообщества, так и законодателя. Например, представляется возможным провести корректировку базового закона для отрасли гражданского права – Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в первой части которого пока не предусмотрено никаких правил, связанных с осуществлением гражданских прав и защитой права собственности в условиях ограничительных мер. Показательно, что новый проект первой части ГК РФ, который сейчас обсуждается во втором чтении в Государственной Думе РФ, также слабо реагирует на эту проблему; лишь ст. 296 ГК РФ «Выкуп земельного участка для государственных и муниципальных нужд» учитывает международную обстановку при защите имущественных прав (наличие международно-правовых обязательств РФ признается исключительным обстоятельством для выкупа земельного участка) [4].

Представляется, что создание специальных правил, предоставляющих государственную защиту имущественных интересов российских субъектов не только в России, но и за ее пределами, усилит международный авторитет нашего государства и сделает более привлекательной отечественную экономику для иностранного участия.

Список литературы

1. Резолюция СПЧ ООН 40/3 от 21.03.2019 г. «Негативное воздействие односторонних принудительных мер на осуществление прав человека» [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/40/3> (дата обращения: 15.10.2021).
2. Федеральный закон от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // РГ. 2018. № 121. 6 июня.
3. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ // РГ. 2010. № 295. 29 декабря.
4. Проект № 47538-6/5. Во втором чтении. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2021)
5. Галиев Р.С. Международно-правовой анализ соотношения категорий санкции, контрмеры и односторонние экономические меры // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 239–243.
6. Григорьев Л., Курдин А. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 36–62.
7. Доклад Комиссии международного права о работе её пятьдесят третьей сессии (23 апреля–1 июня и 2 июля–10 августа 2001 года) Документ A/56/10. // Ежегодник Комиссии Международного Права. 2001. ООН. Нью-Йорк-Женева. 2007. 262 с.

8. ЕС готов реагировать на односторонние меры США против РФ. 24.07.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afn.by/news/i/247595> (дата обращения: 15.10.2021).

9. Иванов В. Международные санкции: аномалия или новое право? (тезисы к выступлению на круглом столе по международным санкциям) [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/blog/2019> (дата обращения: 15.10.2021).

10. Иванова Е.М. Проблема применения «односторонних санкций» в современном международном праве // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 5. С. 127–131.

11. Именов А. Гландин С. Санкционное право и санкционный комплаенс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pen-paper.ru/praktiki/sankczionnoe-pravo-i-sankczionnyij-komplaens> (дата обращения: 15.10.2021).

12. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2019. 186 с.

13. Мохов А.А. Влияние санкционных режимов на цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 30–39.

14. Нью-Йоркский судья признал Аргентину виновной в неуважении к американскому правосудию. 29.09.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.7days.us/news> (дата обращения: 15.10.2021).

15. Поповавшие под санкции компании и бизнесмены получают специальные законы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2019/5da49d529a794765f8644e31> (дата обращения: 15.10.2021).

16. Портанский А. Новые санкции Запада и перспективы российской экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2017/09/novye-sankcii-zapada-i-perspektivu-rossijskoj-ekonomiki> (дата обращения: 15.10.2021).

17. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160–180.

18. Happold M., Eden P. Economic sanctions and international law. Oxford – London: Hart Publishing. 2016. 262 p.

19. Index of Economic Freedom 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freetheworld.com> (дата обращения: 15.10.2021).

20. Jonas F. The Empirical Consequences of Trade Sanctions for Directly and Indirectly Affected Countries. FIW Working Paper No 174, 2017. FIW Research Centre International Economics. Vienna [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/162190/1/880708123.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

21. Judgment of the Court of Justice of the European Union (Grand Chamber) of 28 March 2017 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document> (дата обращения: 15.10.2021)

22. Kochler H. Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. Vol. 14. № 3 (2019). P. 27–47.

23. Report of the International Law Commission, Fifty-Eighth Session, General Assembly Official Records, Supplement No. 10 (A/61/10). Annex E. Extraterritorial

jurisdiction. United Nations. New York. 2006. 564 p. [Электронный ресурс] URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_61_10.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

Об авторе:

ЧЕРНЯДЬЕВА Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5), SPIN-код: 1318-1590, AuthorID: 473383, e-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE PROTECTION OF CIVIL RIGHTS UNDER CONDITIONS OF ONE-SIDED RESTRICTIVE MEASURES OF FOREIGN STATES

N.A. Cherniadeva

Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

Unilateral restrictive measures applied to the Russian Federation are contrary to the norms of international law, are politically motivated and violate the sovereign rights of our state. In the article, the author examines the problem of the extraterritorial nature of the application of national law and tries to draw the attention of both the scientific community and the legislator to it.

Keywords: *sanctions, international law, sanctions regimes, unilateral restrictive measures, protection of property rights, extraterritorial law.*

About author:

CHERNYADIEVA Natalya – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Crimean Branch Russian State University of Justice (295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko St., 5), SPIN code: 1318-1590, AuthorID: 473383, e-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Чернядьева Н.А. К вопросу о защите гражданских прав в условиях односторонних ограничительных мер зарубежных государств // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 98–105.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 341.433

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.106

О КОМПЛЕКСНОМ ПОНИМАНИИ УБЕЖИЩА ПО ПРАВУ

А.Г. Безверхов, Б.Д. Кривокапич

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева», г. Самара

Статья посвящена всестороннему анализу понятия права на убежище. При этом убежище по праву рассматривается в международном и внутригосударственном праве как правовой институт, фактическое действие, право человека на поиск и пользование убежищем, право государства на предоставление убежища, субъективное право государства и индивидов в соответствующей области, принцип невыдачи за политические правонарушения и др. При выявлении юридической сущности института убежища активно использовался комплексный подход. Показано, что в основе современного комплексного понимания убежища по праву лежит принцип гуманизма.

Ключевые слова: комплексный подход, международное право, внутригосударственное право, убежище, право убежища, право на убежище, право человека на поиск и пользование убежищем, право государства на предоставление убежища.

В международном и внутригосударственном праве понятие «убежище» отражает такие юридические субстанции, как правовой институт, фактическое действие, право человека на поиск и пользование убежищем, право государства на предоставление убежища, субъективное право государства и индивидов в соответствующей области, принцип невыдачи за политические правонарушения и др.

Как правовой институт убежище представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере сотрудничества государств в области прав человека и противодействия преступлениям и иным правонарушениям. Институт убежища тесно примыкает к системе норм международного и национального права о выдаче преступника. Как верно подмечено, узаконение права убежища, которое включает прежде всего невыдачу властям лиц, преследуемых за политические убеждения, существенно изменяет содержание института выдачи преступников [2, с. 8]. При этом право на убежище предоставляет возможность физическому лицу (физическим лицам) получить разрешение для укрытия на территории предоставившего убежище государства от преследования у себя на родине или в другой стране по политическим мотивам, за религиозные убеждения, расовую

или национальную принадлежность, за общественную деятельность, за деяния (действия или бездействие), не расцениваемые в международном и национальном праве государства пребывания как правонарушение, или по каким-либо другим причинам.

Предоставление убежища как фактическое поведение или практика существует в случае предоставления убежища действием де-факто, без соответствующей правовой основы. Фактическое убежище следует отличать прежде всего от реализации (осуществление, применение) при предоставлении убежища установленных решений, основанных на определенных правовых нормах (положениях конституции, закона, международного договора и пр.). В данном случае речь идет, как правило, о так называемом внутреннем (территориальном) убежище, которое предоставляется на территории государства, и подразумевает право проживания данного лица на этой территории с отказом его выдачи и другими сопутствующими правами.

По данным Верховного комиссара ООН по правам человека, в середине 2020 г. в мире было 26,3 млн беженцев и 4,2 млн просителей убежища [3].

При фактическом убежище возможны две основные ситуации. Во-первых, речь может идти о предоставлении убежища без официального решения компетентного органа, например, игнорирования запроса другого государства об экстрадиции.

Однако гораздо чаще имеется в виду предоставление убежища за пределами государства. Такое убежище именуется внешним, экстерриториальным, дипломатическим. Это относится к тем случаям, когда государство обеспечивает защиту человеку в здании своего дипломатического представительства в иностранном государстве или на своем военном корабле, находящемся за пределами его территориального моря. В отличие от внутреннего убежища, в основе которого лежит суверенитет территориального государства, здесь защита основана на особом статусе (неприкосновенности, иммунитетах) дипломатических помещений и военных кораблей. Поскольку эти объекты в соответствии с международным правом в принципе недоступны для властей территориального государства, на практике их иногда используют для предоставления убежища лицам, спасающимся от преследований местных властей. В прошлом это явление было распространено в странах, где действовал режим капитуляций, обеспечивающий неприкосновенность целых городских районов, населенных иностранцами (институт *franchise de quartier*), что давало возможность тем, кого преследовали местные власти, в том числе обычным преступникам, найти спасение в этих особых кварталах города.

Практика предоставления убежища в помещениях дипломатических миссий получила развитие особенно с XVI в., параллельно с ростом постоянных дипломатических представительств. Этому способствовали:

1) господствовавшее тогда понимание, что суверенитет государства является абсолютным; 2) юридическая фикция, согласно которой помещения дипломатической миссии являются частью территории государства. В этой связи считалось: если человек укрывается в иностранном посольстве, это тоже самое, что и предоставление ему территориального убежища в государстве, которому это посольство принадлежит. Аналогичные рассуждения распространялись на защиту, предоставленную военным судном.

От практики так называемого дипломатического убежища отказались уже в XIX в. Это связано с постоянными спорами между принимающим и назначающим государствами, а также с ростом понимания того, что восприятие помещения дипломатического представительства как части территории соответствующего государства противоречит действительности.

Современное общее международное право не признает институт дипломатического убежища. Если лицу, преследуемому властями территориального государства, удастся добраться до иностранного посольства, посольство передает его этим властям, причем без процедуры выдачи¹. В современном международном праве общепризнанным является право территориального убежища. Последнее состоит в предоставлении государством права на въезд и безопасное проживание на его территории иностранцам (лицам без гражданства), преследуемым на родине или в другой стране [1, с. 385].

Тем не менее иностранные посольства даже сегодня иногда предоставляют своего рода временное убежище лицам, которых они считают жертвами незаконных или, по крайней мере, несправедливых преследований.

Во время Венгерского восстания (1956 г.) кардинал Йозеф Миндсенти нашел убежище в посольстве США. Он пробыл там целых 15 лет (1956–1971 гг.), что стало серьезной проблемой не только для него (так как он находился под своего рода домашним арестом), но и для венгерских властей и посольства США. Только в 1971 г. после компромиссного решения, достигнутого с Папой Павлом VI, кардиналу разрешили покинуть посольство, и он уехал в Ватикан, откуда переехал в Вену, где прожил до своей смерти (1975 г.).

Интересный случай массового поиска убежища в иностранном дипломатическом представительстве был зарегистрирован незадолго до падения Берлинской стены (1989 г.), когда около тысячи граждан

¹ Впрочем ст. 41/3 Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961 г.) предусматривает, что «помещения представительства не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными настоящей Конвенцией или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями». Вполне очевидно, что предоставление убежища не является частью функций дипломатического представительства.

Восточной Германии ворвались в посольство Западной Германии в Праге и попросили убежища. Ситуацию разрешили чехословацкие власти, разрешив им ехать в Западную Германию на спецпоезде.

В наше время наиболее известен случай журналиста Джулиана Ассанжа, основателя WikiLeaks, опубликовавшего множество конфиденциальных документов, компрометирующих правительство США. Швеция потребовала его экстрадиции из-за предполагаемого изнасилования, что Ассанж отверг, при этом возражая, что на самом деле речь идет о намерении доставить его посредством Швеции в США, где его будут судить за шпионаж из-за публикации секретных документов. Поскольку 19 июня 2012 г. он оказался в Лондоне, то попросил убежища в посольстве Эквадора. Посчитав, что опасения Ассанжа оправданы, министр иностранных дел Эквадора предоставил ему убежище, после чего жизнь Ассанжа в здании посольства длилась почти 7 лет. После того, как президент Эквадора Ленин Морено заявил, что Ассанж нарушил условия предоставления ему убежища, 11 апреля 2019 г. Эквадор отменил убежище и передал Асанжа британским властям, которые его тут же арестовали².

В упомянутых и подобных случаях речь не идет о настоящем дипломатическом убежище. Как уже указывалось, согласно общему международному праву дипломатическое представительство не имеет права предоставлять убежище. Принимая в свои помещения определенного человека, посольство фактически полагается на расчет, что власти территориального государства не осмелятся проникнуть в его помещения. Аналогичным образом резонирует и командир корабля, на борту которого находится преследуемый.

Формально не признавая этот тип убежища, территориальные и другие государства на практике обычно уважают его, так как иное обращение (насилованное вторжение с целью ареста соответствующего лица) означало бы серьезнейшее нарушение международного права. С одной стороны, оно представляло бы собой открытое неуважение основного принципа международного права о запрещении применения силы в международных отношениях, а с другой, означало бы попираемое международным правом гарантированной неприкосновенности упомянутого объекта. При полном осуждении со стороны мировой общественности, такие шаги могли бы спровоцировать не только серьезный дипломатический инцидент, но даже и вооруженный конфликт.

Как исключение, в некоторых странах Латинской Америки

² Некоторые аналитики считают, что Морено был затронут тем фактом, что Wikileaks опубликовал информацию, связывающую его с коррупцией, в то время как другие эксперты связали отмену убежища Ассанжа с решением Международного валютного фонда предоставить Эквадору заем в размере 4,2 миллиарда долларов.

предоставление дипломатического убежища не только разрешено региональным международным обычным правом, но и регулируется международными договорами³. Однако здесь уточняется, что дипломатическое убежище не может быть предоставлено обычным преступникам и военным беглецам, а только лицам, преследуемым по политическим мотивам. При этом соответствующая защита предоставляется временно, пока их безопасность не будет обеспечена другим путем. Территориальное государство может требовать, чтобы лицо, которому предоставлено убежище в иностранном посольстве, покинуло его территорию, но в таком случае должно обеспечить ему беспрепятственный выезд из страны.

Дипломатическое убежище не следует путать с международным обычаем, известным как право на временное убежище (фр. *droit de refuge*), согласно которому во время революции, восстания, беспорядков и подобных чрезвычайных ситуаций в стране иностранное дипломатическое представительство может, чтобы защитить от уличных боев, массового насилия и подобных опасностей, оказывать гостеприимство не только своим, но и гражданам других стран и даже гражданам территориального государства. Тут речь идет не о защите от преследований со стороны местных властей, а о чрезвычайной мере, вызванной гуманитарными соображениями. Как только национальные власти (старые или новые) устанавливают законный порядок, дипломатическое представительство обязано передать им, по их запросу, лиц, которым оно предоставило соответствующую защиту.

Право человека на убежище – это важнейшее право свободной личности [1, с. 384]. В особом смысле убежище означает так называемое «право на убежище», точнее, право просить убежище. Хотя это право установлено международными документами, оно сопровождается рядом ограничений, касающихся субъективных моментов (правообладателей), места, где это право используется, условий, при которых оно пользуется и содержания самого права.

Что касается обладателя такого права. Право искать убежище или предоставление убежища принадлежит только иностранным гражданам или лицам без гражданства. Оно является общим в том смысле, что при выполнении предусмотренных условий им могут пользоваться в принципе все люди, но также является особенным, так как принадлежит только тому, кто соответствует этим условиям, т.е. относится к категории лиц, находящихся под серьезной угрозой по политическим мотивам, за расовую, религиозную принадлежность и т.п. и не являющихся гражданами территориальной страны.

³ В частности, Гаванская конвенция о предоставлении убежища (1928 г.), Конвенция о политическом убежище (Монтевидео, 1933 г.), Конвенция о дипломатическом убежище (Каракас, 1954 г.).

Что касается места пользования таким правом. Право убежища осуществляется только за пределами государственной территории или пространства, находящегося под юрисдикцией государства, гражданство которого имеет соответствующее лицо.

Еще одно условие пользования правом. В дополнение к тем условиям, которые касаются личности его обладателя и места, пользование таким правом требует выполнения еще некоторых требований. Прежде всего, необходимо, чтобы соответствующее лицо на самом деле подвергалось преследованию и его выдача не запрашивалась из-за совершения преступления неполитического характера или международного преступления.

Государство, принимающее решение о предоставлении убежища, может принять во внимание также другие важные моменты.

Несколько слов о содержании такого права. Формулировки в международных документах, в том числе в ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, ст. 22/7 Американской конвенции о правах человека (1969 г.) и ст. 12/3 Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.) указывают, что каждый имеет право искать и получать убежище в другой стране. Однако здесь имеется в виду лишь право на подачу просьбы получить убежище, и только в случае, если оно будет одобрено, действительно получить его. Другими словами, право искать убежище не означает права на его получение в обязательном порядке.

Решение о предоставлении убежища в конкретном случае принимает компетентный орган территориального государства. Это есть его дискреционное право с широкими полномочиями, дающими возможность действовать по своему усмотрению и не зависящими от конкретных обязательств.

Впрочем, и выше цитированные международные соглашения, гарантирующие право искать и получать убежище, указывают, что все это должно быть в соответствии с законодательством данного государства и международными конвенциями.

Убежище как субъективное право. Здесь речь идет о двух видах субъективных прав, признанных международным правом. Одно принадлежит государству, а другое – конкретному человеку. Итак, право убежища (англ. right of asylum, фр. droit d'asile) – это признаваемое мировым сообществом, во-первых, право человека на поиск убежища от преследования, а во-вторых, право государств предоставлять убежище на своей территории.

Субъективное право конкретного человека – это право лица, получившего убежище в иностранном государстве. Точнее, речь идет о правовом статусе, совокупности смежных прав этого человека. Такой комплекс прав включает защиту человека от экстрадиции, право на обеспечение адекватного жилья и питания, право на трудоустройство, права в сфере социального обеспечения и медицинского обслуживания,

права в области образования, а также другие права, которые обеспечивают человеку условия для нормальной жизни.

Основой субъективного права государства является суверенитет. Отсюда, право убежища – это «право суверенного государства провозгласить в своих законах и осуществлять предоставление лицам, преследуемым в других государствах, возможности проживания на своей территории без привлечения их к уголовной ответственности» [1, с. 384–385]. Каждое государство имеет право предоставить кому-либо убежище на своей территории. Его основа – в факте, что оно является высшей властью на своей территории и не обязано подчиняться требованиям других государств.

С учетом вышеизложенного, заметим, что комплексное понимание убежища по праву указывает прежде всего на гуманистический характер данного международно-правового образования независимо от содержания и формы этого многосложного юридического явления. Обеспечивая безопасность человека и защиту его от необоснованных преследований по политическим мотивам, за религиозные убеждения, расовую или национальную принадлежность, за общественную деятельность, за деяния (действие или бездействие), не расцениваемые в международном и национальном праве государства пребывания как правонарушение, или по каким-либо другим причинам, право на убежище относит к числу злоупотреблений случаи необоснованного поиска и пользования убежищем в другой стране и предоставление государством убежища на своей территории в целях укрывательства преступника от правосудия и избежания виновным заслуженного наказания.

Список литературы

1. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 2-е изд., перераб. и доп. М.: изд-во «Юрайт», 2014. 510 с.
2. Панов В.П. Международное уголовное право: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 320 с.
3. UNHCR, 80 million forcibly displaced people worldwide, 8 Dec 2020, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/> (дата обращения: 31.03.2021).

Об авторе:

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (443086, г.Самара, Московское шоссе, 34а), SPIN-код: 6357-7118, e-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

КРИВОКАПИЧ Борис Джорджевич – доктор права, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (443086, г.Самара, Московское шоссе, 34а), SPIN-код: 6082-6204, e-mail: krivokapichboris@yahoo.com

ON A COMPREHENSIVE UNDERSTANDING OF ASYLUM BY LAW

A.G. Bezverkhov, B.D. Krivokapich

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
Samara

This article is devoted to a comprehensive analysis of the concept of the right to asylum. At the same time, asylum is rightly considered in international and domestic law as a legal institution, actual action, the right of a person to seek and use asylum, the right of the state to grant asylum, the subjective right of the state and individuals in the relevant field, the principle of non-extradition for political offenses, etc. an integrated approach was actively used to identify the legal essence of the institution of asylum. It is shown that the principle of humanism rightfully lies at the heart of the modern complex understanding of asylum.

Keywords: *integrated approach, international law, domestic law, asylum, right of asylum, right to asylum, human right to seek and enjoy asylum, state's right to grant asylum.*

About authors:

BEZVERHOV Artur – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law, Head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev (443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34a), SPIN code: 6357-7118, e-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

KRIVOKAPICH Boris – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev (443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34a), SPIN code: 6082-6204, e-mail: krivokapichboris@yahoo.com

Безверхов А.Г., Кривокапич Б.Д. О комплексном понимании убежища по праву // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 106–113.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования ввоза и вывоза культурных ценностей. Анализируются нормы законодательства, правоприменительная практика таможенных органов по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений при перемещении культурных ценностей через таможенную границу и государственную границу Российской Федерации

Ключевые слова: культурные ценности, ввоз и вывоз культурных ценностей, правонарушения, связанные с ввозом и вывозом культурных ценностей, таможенные органы, правонарушения при перемещении культурных ценностей.

Указом Президента Российской Федерации 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России. Согласно документу, Год культурного наследия народов России проводится «в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ» [8]. В этой связи, представляется актуальным исследование понятия культурных ценностей, проблем правовой защиты культурных ценностей при перемещении их через таможенную границу и государственную границу Российской Федерации. Анализу подлежит правоприменительная деятельность таможенных органов в данной сфере и направления ее совершенствования.

«Основы законодательства Российской Федерации о культуре» содержат определение понятия культурных ценностей (далее – Основы). Культурными ценностями являются произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности [5]. Произведения культуры и искусства могут быть перемещены через границу. Иные, указанные в тексте ст. 3 Основ культурные ценности (образцы поведения, эстетические идеалы, здания, имеющие историко-культурное значение и др.) в данном исследовании не рассматриваются. Перемещение культурных ценностей из Российской Федерации (далее – РФ) в иностранные государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), а также ввоз в Россию культурных ценностей из иностранных государств регламентирован Федеральным законом РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [6]. В соответствии с нормами этого закона

культурными ценностями являются уникальные объекты, а также объекты эталонного характера в сфере науки и искусства, культуры, археологии, архитектуры. Эти ценности могут быть как материального, так художественного и интеллектуального характера. Культурные ценности, перемещение которых регламентировано законом, могут находиться в любой форме собственности. Перечень культурных ценностей включает фондовые культурные ценности, находящиеся в составе библиотечных, архивных и музейных фондов, а также связанные со знаменательными событиями в жизни народов коллекции и предметы, имеющие культурную значимость, относящиеся к жизни национальных героев, деятелей науки и культуры мемориальные предметы, художественные ценности, уникальные музыкальные инструменты представляющие интерес для науки редкие образцы флоры и фауны и др. [6] В РФ ведется единый государственный реестр культурного наследия как единая информационная система, включающая банк данных. Каждому объекту присваивается номер, определяется категория историко-культурного наследия, собственнику выдается паспорт конкретного объекта [7]. Эта деятельность осуществляется уполномоченным органом Министерства культуры РФ.

Нормами Таможенного кодекса ЕАЭС [1] и Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [4] на таможенные органы РФ возложена обязанность обеспечения соблюдения запретов и ограничений во внешней торговле. При перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС и государственную границу РФ, а также при помещении товаров под таможенные процедуры и совершении в отношении товаров таможенных операций необходимо соблюдение запретов и ограничений, мер нетарифного регулирования, в том числе вводимых в одностороннем порядке [1]. Запреты и ограничения действуют и при перемещении через таможенную границу и государственную границу России культурных ценностей. Законом «О вывозе и ввозе культурных ценностей» допускается временный вывоз культурных ценностей, т. е. перемещение любыми лицами в любых целях через таможенную границу РФ указанных ценностей, находящихся на территории РФ, с обязательством их обратного ввоза в установленный срок.

Временный вывоз культурных ценностей может быть осуществлен юридическими лицами (музеями, архивами, библиотеками и др.) и физическими лицами для организации выставок, с целью концертной и театральной деятельности, научных исследований, реставрационных работ, для использования в судебных процессах на территории иностранных государств, а также в иных случаях при соблюдении требований законодательства.

Вывоз культурных ценностей, в отношении которых действует разрешительный порядок, может быть осуществлен при наличии

лицензии уполномоченного государственного органа Министерства культуры РФ. Уполномоченный орган вправе выдавать разъяснения (заключения) по вопросам выдачи лицензий. Если состояние культурной ценности исключает возможность изменить условия ее хранения в выдаче лицензии может быть отказано. Это положение касается и оригиналов архивных документов. Выдача лицензии не последует и в случае отсутствия гарантии сохранности культурных ценностей в стране предполагаемого временного места нахождения. Трансграничное перемещение антикварного оружия, относящегося к культурным ценностям, осуществляется при наличии соответствующего документа (разрешения), выдаваемого другим уполномоченным государственным органом – разрешительной службой Федеральной службы войск национальной гвардии. Временно вывезенные культурные ценности находятся под дипломатической защитой российских представительств в иностранных государствах. Ввоз культурных ценностей на территорию государств ЕАЭС, подлежит регистрации, если это предусмотрено национальным законодательством государств ЕАЭС.

Таможенные органы РФ обеспечивают исполнение законодательства о вывозе и ввозе культурных ценностей посредством осуществления таможенного контроля. Таможенный контроль производится до выпуска культурных ценностей под таможенную процедуру временного вывоза, после выпуска культурных ценностей, а также при возвращении культурных ценностей, завершения временного вывоза и применения таможенной процедуры реимпорта.

Таможенный контроль до вывоза культурных ценностей реализуется посредством применения таких форм таможенного контроля как проверка документов и сведений. В ходе ее проведения исследуются документы, подтверждающих происхождение и принадлежность культурных ценностей, документы о включении их в соответствующий реестр, сведения о целях вывоза, документы об организации выставки, о концертной и театральной деятельности, о научных исследованиях, реставрационных работах, судебных процессах, месте и времени их проведения, об организаторах и ответственных лицах). В качестве форм таможенного контроля применяются таможенный осмотр и таможенный досмотр. Таможенный осмотр исключает вскрытие упаковки и нарушение наложенных средств идентификации. Осуществляется визуальный осмотр объекта, имеется возможность использования технических средств. Такой осмотр может осуществляться при перемещении культурных ценностей в сейф пакетах и других упаковках такого рода. При таможенном досмотре упаковка подлежит вскрытию, досматриваются перемещаемые культурные ценности. Мерами обеспечения производства таможенного контроля являются назначение и производство экспертизы культурных ценностей. Такие экспертизы проводят специально назначенные Министерством культуры России

эксперты, обладающие необходимыми познаниями и имеющие соответствующую специализацию. На основе заключения эксперта должностное лицо таможенного органа осуществляет идентификацию культурной ценности и принимает решение о ее выпуске под таможенную процедуру временного вывоза или об отказе в выпуске. Экспертиза производится и при возвращении временно вывезенных культурных ценностей по таможенной процедуре реимпорта. Это необходимо для идентификации, с целью выявления возможной подмены ранее вывезенных ценностей, их порчи и других нарушений законодательства.

Таможенный контроль после выпуска товаров в отношении культурных ценностей, перемещенных через таможенную границу ЕАЭС и государственную границу РФ, может быть проведен с применением таких форм таможенного контроля как таможенный досмотр, таможенный осмотр помещений и территорий, таможенная проверка. Применяются технические средства таможенного контроля, идентификация, привлечение специалистов, назначение и производство экспертизы, иные меры, обеспечивающие проведение таможенного контроля.

В отношении физических лиц, перемещающих через границу культурные ценности, может быть применена форма таможенного контроля в виде личного таможенного досмотра.

Ответственность за нарушение законодательства о трансграничном перемещении культурных ценностей предусмотрена Кодексом РФ об административных правонарушениях [3] и Особенной частью Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2]. Административная ответственность предусмотрена за незаконный ввоз или вывоз, недекларирование или недостоверное декларирование, несоблюдение запретов и ограничений и другие нарушения таможенных правил. Статьей 190 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за невозвращение на территорию РФ вывезенных за ее пределы культурных ценностей в установленный срок.

Эта статья УК РФ охватывает только случаи временного вывоза культурных ценностей, которые перемещены любыми лицами в любых целях с территории РФ, через границу РФ, с обязательством их обратного ввоза в установленный срок. Оставление на территории иностранного государства культурных ценностей, вывезенных на законных основаниях, не подпадает под действие ст. 190 УК РФ, если этому препятствуют объективные обстоятельства, например военные действия или стихийные бедствия. Незаконное перемещение культурных ценностей через границу РФ может быть квалифицировано как контрабанда, ответственность за совершение которой, предусмотрена ст. 226-1 УК РФ. Дознаватели таможенных органов вправе возбуждать уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 190 и ст. 226-1 УК

РФ и осуществлять по ним неотложные следственные действия [9]. Одной из проблем в сфере сохранности культурного наследия является рост случаев незаконного перемещения через границу культурных ценностей физическими лицами. В 2021 г. и в начале 2022 г. Владивостокской таможней пресечен вывоз старинных монет, памятных знаков и старинной книги «Сборник алгебраических задач» в Японию. В феврале 2022 г. в ходе таможенного досмотра сотрудники таможенного поста Дальневосточной таможни обнаружили 23 старинных монеты весом 1,1 кг, отчеканенных в 1763 г. на Екатеринбургском монетном дворе, в чемодане гражданина Кореи, вылетавшего в Сеул. В январе 2022 г. при таможенном досмотре автомобиля гражданина России, следовавшего на Украину, в пункте пропуска Армянск Крымской таможни обнаружена редкая книга 1894 г., содержащая биографический очерк А.С. Пушкина, стихи, сказки и баллады, 500 писем. На этом же пункте пропуска, при проведении досмотра ручной клади гражданина Украины обнаружены 84 артефакта, полученные при археологических раскопках, и представляющие культурную ценность – клинок кинжала, бронзовые зеркала с ручкой, браслеты наручные бронзовые, ожерелье, датированные III–VI вв. до н.э.; черешковые наконечники для стрел болгарского и монгольского периодов, XIII–XIV вв.; стальные наконечники для стрел типа «бронзобойные», изготовленные в Восточной Европе в XII–XIV вв. [10].

Повышение эффективности таможенного контроля в сфере обеспечения соблюдения законодательства о трансграничном перемещении культурных ценностей связано, на наш взгляд, с совершенствованием системы управления рисками. Обработка информации о таможенных операциях, совершенных в отношении культурных ценностей, анализ результатов таможенного контроля по объектам и по направлениям перемещения, разработка и совершенствование индикаторов и профилей риска, активное использование при этом информационных систем и технологий позволят минимизировать нарушения законодательства при перемещении культурных ценностей через таможенную границу и государственную границу РФ. Кроме того, следует отметить важность совершенствования технических средств таможенного контроля, используемых при проведении таможенного досмотра, иных форм таможенного контроля, идентификации объектов контроля, а также взаимодействия таможенных органов с представителями Министерства культуры РФ при назначении и проведении экспертиз культурных ценностей.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16.02.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) (ред. от 30.04.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 15.04.1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
7. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 22.10.2014 г., с изм. от 01.12.2014 г.) // СПС «Гарант».
8. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Вобликов А.Б., Никольская А.Г. Основы квалификации преступлений в сфере таможенного дела: учебное пособие. СПб.: Троицкий мост, 2017. 256 с.
10. Официальный сайт ФТС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya/document/254829> (дата обращения: 12.02.2022).

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь ул. Желябова, 33); SPIN-код: 7021-8090, e-mail: Voblikov.AB@tversu.ru

LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER MOVEMENT OF CULTURAL PROPERTY

A.B. Voblikov

Tver State University, Tver

The actual problems of legal regulation of import and export of cultural values are considered. The article analyzes the norms of legislation, law enforcement practice of customs authorities for the prevention, detection and suppression of offenses when moving cultural property across the customs border and the state border of the Russian Federation.

Keywords: *cultural values, import and export of cultural values, offenses related to the import and export of cultural values, customs authorities, offenses during the movement of cultural values.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – PhD of philosophy, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100); SPIN-code:7021-8090; e-mail: Voblikov.AB@tversu.ru

Вобликов А.Б. Правовое регулирование трансграничного перемещения культурных ценностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 114–120.

ИНТЕРНЕТ-ТРАНСЛЯЦИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

А.А. Гребеньков

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Объект исследования – новое социальное явление интернет-трансляций и использование данного технологического новшества преступниками для публичной демонстрации своей деятельности. Целью исследования является установление и выявление признаков, при наличии которых интернет-трансляция каких-либо незаконных действий образует публичную демонстрацию процесса совершения преступления, а также определение круга преступлений, по которым она может рассматриваться в качестве отягчающего обстоятельства. В исследовании использовался формально-юридический метод и метод кейс-стади. Делается вывод о целесообразности установления повышенной ответственности за совершение данных преступлений при наличии признаков демонстративности, который может быть использован в дальнейших исследованиях и в законотворчестве.

Ключевые слова: интерактивная коммуникация, онлайн-системы, компьютерные сети, уголовные санкции.

Федеральным законом от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ были внесены изменения в ч. 2 ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Жестокое обращение с животными» и ч. 2 ст. 258¹ УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации», они были дополнены новым квалифицирующим признаком (п. «г» и «б» соответственно): «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")». Данный признак является новым не только для этих статей, но и в целом для российского уголовного законодательства.

До этого в уголовном законе «публичная демонстрация» упоминалась лишь в ст. 242 и 242¹ УК РФ, где говорилось, что незаконные действия с порнографическими материалами и предметами являются уголовно наказуемыми, если они совершены «в целях... публичной демонстрации». Также в этих статьях «публичная демонстрация» порнографических материалов и предметов рассматривалась как альтернативный вид преступного деяния.

Под «публичной демонстрацией» применительно к ст. 242 и 242¹ УК РФ в литературе понимается «показ в присутствии нескольких лиц» [4], «открытый показ в присутствии людей, являющихся зрителями, слушателями, посетителями общественных мест и т.п.» [3], «показ порнографических материалов или предметов среди широкого круга лиц» [1], «ознакомление неограниченного круга лиц с этими предметами (представление на выставках, показ в кинотеатрах и т.п.)» [2].

Исходя из этих определений, можно отметить, что применительно к порнографическим материалам и предметам учеными и практическими работниками демонстрация рассматривалась преимущественно как действие, совершаемое в ходе публичных мероприятий, проходящих в общественных местах, открытых для посещения неопределенным кругом лиц.

Учитывая, что данная формулировка впервые появилась в уголовном законодательстве в 2003 г. в результате введения в него ст. 242¹ УК РФ, можно предположить, что изначально под публичной демонстрацией понималась демонстрация указанных в законе материалов в кинотеатрах или по телевидению либо другим аналогичным способом.

Однако в связи с техническим прогрессом (прежде всего, с распространением компьютерных и мобильных устройств, позволяющих получить доступ к ресурсам сети Интернет по высокоскоростным каналам) одним из наиболее часто применяемых способов публичной демонстрации каких-либо действий или материалов стала их трансляция в реальном времени («стриминг») по информационно-телекоммуникационным сетям (далее – ИТС). Представляется, что именно такие действия в первую очередь имел в виду законодатель, внося изменения в ст. 245 и 258¹ УК РФ. Именно таким образом может быть осуществлена публичная демонстрация жестокого обращения с животными или незаконных добычи и содержания в неволе особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов с использованием ИТС.

Доступность стриминга, в том числе на мобильных устройствах, существенным образом изменяет подходы к определению того, что входит в понятие «частная жизнь» человека [8]. Стриминговые платформы используются современными движениями гражданского сопротивления для достижения своих политических целей [10]. Однако есть и темная сторона. В научных работах описывается использование стриминговых платформ для сексуальной эксплуатации несовершеннолетних [5]. Кроме того, известны случаи «стриминга» изнасилований, истязаний, убийств, террористических актов и иных преступлений. Sandberg и Ugelvik объясняют подобные проявления распространением селфи-культуры и общей сексуализацией и порнографизацией общества и отмечают, что фиксация страданий жертв на видео причиняет им дополнительные моральные травмы [7]. Это уже

стало предметом пристального внимания законодателей во многих странах мира, не только в России, но и, например, в США и Великобритании [9].

Изложенное позволяет поставить два вопроса, попытка разрешения которых будет произведена в рамках данной работы. Во-первых, какова разница между распространением определенных аудиовизуальных материалов посредством ИТС и их публичной демонстрацией? Во-вторых, нет ли оснований для включения в иные нормы уголовного законодательства квалифицирующего признака «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")» или другого аналогичного признака, возможно с расширенным содержанием?

Методологический аппарат определяется задачами исследования и включает метод кейс-стади, используемый для рассмотрения отдельных дел, представляющих интерес с точки зрения цели исследования, выявления их специфических и типичных черт; сравнительно-правовой метод, используемый для выявления сходных и отличных черт в подходах, применяемых в различных правовых системах; методы формальной логики и формально-юридический метод для установления содержания действующих правовых норм, выявления особенностей их применения, а также для формулирования авторских выводов; иные общеизвестные и широко применяемые методы научного познания (методы анализа, синтеза, обобщения).

Предварительный отбор кейсов для исследования был осуществлен путем поиска на русском языке по ключевым словам «публичная демонстрация» в базе данных судебной практики справочно-правовой системы КонсультантПлюс. Тексты приговоров и иных судебных решений были извлечены из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. Описания используемых в мировой практике подходов были получены из научных статей, написанных учеными, специализирующимися на праве соответствующих стран, индексируемых Web of Science, Scopus и РИНЦ.

Первый вопрос, несомненно, имеет практическое значение. В судебных решениях, в том числе апелляционных и кассационных постановлениях судов уровня субъекта, нередко одни и те же действия с материалом, осуществляемые посредством ИТС, характеризуются одновременно и как «распространение», и как «публичная демонстрация». Например, в Постановлении Президиума Московского областного суда от 26.10.2011 № 488 по делу № 44У-333/11 указывается, что преступление было совершено при следующих фактических обстоятельствах: Г. нашел в сети Интернет архив с порнографическими изображениями, скачал его на свой компьютер, дополнил другими имевшимися у него изображениями, после чего разместил в сети

Интернет на файлообменном ресурсе эти изображения и передал ссылки на указанные материалы неустановленным лицам, обещая предоставить за вознаграждение порнографические видеоролики, отдельные кадры которых содержались на размещенных в сети изображениях. Фактически «заказов» на видеоролики Г. не поступило. Эти действия судом были расценены как хранение в целях распространения, распространение, публичная демонстрация и рекламирование материалов порнографического характера.

Исходя из материалов данного дела, можно отметить, что суд расценил размещение изображений на файлообменном ресурсе одновременно и как распространение, и как демонстрацию порнографических материалов.

В другом деле (Апелляционное определение Московского городского суда от 7 декабря 2015 г. по делу № 10-16541/2015) как публичную демонстрацию и распространение порнографических материалов суд квалифицировал действия виновного, сделавшего порнографические изображения общедоступными для загрузки другими пользователями компьютерной сети. В этом деле суд также не разграничил содержание понятий «распространение» и «демонстрация».

Для того чтобы определить, является ли такой подход правильным, рассмотрим содержание понятия «распространение». Применительно к информационному обороту, который в России регулирует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», распространение информации понимается как «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц» (п. 9 ст. 2 указанного закона). Исходя из этого определения, размещение информации на ресурсе в ИТС, доступном неопределенному кругу лиц, представляет собой ее распространение и полностью охватывается признаками данного понятия.

Если рассматривать техническую сторону, то когда мы говорим о распространении определенного информационного объекта (например, компьютерного файла с изображением), мы подразумеваем, что этот процесс включает передачу сообщения от некоторого источника информации к ее приемнику посредством канала связи между ними. Источник посылает передаваемое сообщение (файл), которое кодируется в передаваемый сигнал. Этот сигнал посылается по каналу связи. В результате в приемнике появляется принимаемый сигнал, который декодируется и становится принимаемым сообщением [6]. В этом процессе также могут принимать участие информационные посредники, которые осуществляют технические операции по промежуточному хранению информации и установлению каналов связи.

Соотнеся технические и юридические аспекты распространения информации, можно выделить следующие признаки, необходимые для квалификации некоего информационного взаимодействия как распространения информации. Во-первых, у распространителя должен иметься определенный информационный объект. Во-вторых, распространитель должен сделать его доступным неопределенному кругу лиц. В-третьих, результатом распространения должно стать получение приёмником сообщения, представляющего собой копию данного информационного объекта. В последующем получатель такого сообщения может использовать информацию по своему усмотрению, в том числе осуществлять ее дальнейшее распространение.

Обобщая же определения «демонстрации», мы можем сделать вывод, что ключевой характеристикой данного понятия является то, что демонстрация представляет собой показ аудиовизуального произведения (информационного объекта), ознакомление других лиц с ним. В результате такого показа или ознакомления, в отличие от распространения, у зрителя или иного лица, воспринимающего информацию, не появляется копии информационного объекта, с которой он может осуществить какие-либо дальнейшие действия (если, конечно, он не использует каких-либо специальных технических средств фиксации, например видеокамеры). Еще одним признаком, специфичным для демонстрации, является синхронность действий лица, осуществляющего демонстрацию, с восприятием произведения зрителем. Это не требуется для распространения, которое является окончанным действием с момента, когда потенциальные получатели могут получить доступ к информационному объекту.

Что касается второго вопроса, следует отметить, что не только прямая трансляция процесса совершения преступления может определять повышенную общественную опасность. Аналогично можно охарактеризовать и действия лица, которое осуществляет фиксацию процесса совершения преступления с использованием средств видеозаписи с целью последующего распространения полученных материалов. В соответствии с этим целесообразно расширение содержания данного квалифицирующего признака.

Кроме того, жестоким обращением с животными и незаконной добычей, а также содержанием в неволе особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов виды преступлений, совершение которых преступники транслируют в Интернете и фиксируют на видео с целью последующего распространения, не исчерпываются.

Таким образом, можно следующим образом охарактеризовать типовые действия, подпадающие под понятие распространения и публичной демонстрации в ИТС определенного информационного материала:

- распространение: размещение материала в составе ресурса ИТС, открытого для неопределенного круга лиц, которые в последующем могут в любое время, когда ресурс доступен, осуществить к нему доступ;
- публичное демонстрирование: трансляция материала с использованием технических средств ИТС, позволяющих неопределенному кругу лиц осуществить его восприятие, ознакомиться с ним непосредственно в ходе осуществления лицом трансляции.

То есть размещение изображений и видеоматериалов на сайте, файлообменнике или общем информационном ресурсе – это распространение, а трансляция («стриминг») таких материалов (как заранее подготовленных, так и создающихся в режиме «реального времени») с использованием специальных информационных технологий – это публичное демонстрирование. С этих позиций, в упомянутых выше судебных решениях действия виновных должны были быть квалифицированы только как распространение материалов, что, впрочем, вряд ли повлияло бы на итоговую меру наказания.

Если же речь идет о демонстрации определенных действий (например, таких, о которых речь идет в ст. 245 и 258¹ УК РФ), то она также должна представлять собой трансляцию («стриминг») и происходить в режиме «реального времени», то есть в процессе совершения указанных действий, о чем говорит формулировка с использованием сочетания предлога «с» и творительного падежа термина «демонстрация», указывающего на сопровождение, совместность. Публичная демонстрация преступных действий в режиме реального времени свидетельствует об особо дерзком характере совершаемого преступления, демонстрирует грубое пренебрежение преступника общественными ценностями, может стать провоцирующим фактором для неустойчивых лиц, которые могут ради сомнительной «славы» совершить подражающее преступное деяние. Это определяет повышенную общественную опасность таких преступлений.

Если проанализировать составы преступлений, предусмотренные действующим УК РФ, можно выделить ряд деяний, для которых характерна демонстративность, повышающая их общественную опасность:

- насильственные преступления против личности: убийство, доведение до самоубийства, причинение вреда здоровью, побои, истязание, изнасилование и насильственные действия сексуального характера;
- действия, сопровождающиеся нарушением общественного порядка и иными демонстративными действиями, выражающими пренебрежительное отношение к общественным ценностям: нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, выражающееся в оскорблении чувств верующих, хулиганство, вандализм, надругательство над телами умерших и местами их захоронения,

реабилитация нацизма в форме осквернения символов воинской славы России;

– преступления террористического характера и иные деяния, посягающие на общественную безопасность: террористический акт, захват заложника, массовые беспорядки, акт международного терроризма и др.

Целесообразным является установление повышенной ответственности за совершение данных преступлений при наличии признаков демонстративности. Данный квалифицирующий признак может быть сформулирован следующим образом: «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет"), либо с использованием технических средств аудиовизуальной фиксации процесса совершения деяния с целью распространения или публичной демонстрации полученных материалов».

При этом характер действий, обозначаемых терминами «распространение» и «публичная демонстрация» с использованием в ИТС, в этих и других статьях УК РФ должен определяться с учетом ранее изложенных особенностей толкования данных понятий.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2013. 672 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2012. 544 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.
5. Horsman G. A forensic examination of the technical and legal challenges surrounding the investigation of child abuse on live streaming platforms: A case study on Periscope // Journal of Information Security and Applications. Vol. 42. P. 107–117. DOI: 10.1016/j.jisa.2018.07.009.
6. Mlakić D., Baghaee H.R. A Physical Model for Information Transmission // IEEE Systems Journal. 2020. P. 1–7. DOI: 10.1109/JSYST.2020.3004697.
7. Sandberg S., Ugelvik T. Why Do Offenders Tape Their Crimes? Crime and Punishment in the Age of the Selfie // The British Journal of Criminology. 2017. Vol. 57. Iss. 5. P. 1023–1040. DOI: 10.1093/bjc/azw056.
8. Steward D.R., Littau J. Up, Periscope: Mobile Streaming Video Technologies, Privacy in Public, and the Right to Record // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2016. Vol. 93. Iss. 2. P. 312–331. DOI: 10.1177/1077699016637106
9. Studer G. Live Streaming Violence over Social Media: An Ethical Dilemma // Charleston Law Review. 2017. Vol. 11. Iss. 4. P. 621–645.

10. Thorburn E.D. Social Media, Subjectivity, and Surveillance: Moving on From Occupy, the Rise of Live Streaming Video // *Communication and Critical/Cultural Studies*. 2014. Vol. 11. P. 52-63. DOI: 10.1080/14791420.2013.827356.

Об авторе:

ГРЕБЕНЬКОВ Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 4152-7699, AuthorID: 616739, ORCID 0000-0001-5028-090X, e-mail: grebenkov@gmail.com

WEBCAST OF A CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

A.A. Grebenkov

Southwest State University, Kursk

The object of the study is a new social phenomenon of Internet broadcasting and the use of this technological innovation by criminals to publicly demonstrate their activities. The purpose of the study is to establish the identification of signs in the presence of which the Internet broadcast of any illegal actions forms a public demonstration of the process of committing a crime, as well as the establishment of a set of crimes for which it can be considered an aggravating circumstance. The study used a formal legal method and a case study method. It is concluded that it is advisable to establish increased responsibility for the commission of these crimes in the presence of signs of demonstrativeness, which can be used in further research and in lawmaking.

Keywords: *interactive communication, online systems, computer networks, criminal sanctions.*

About author:

GREBENKOV Alexander – PhD in Law, Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University (Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya st., 94), SPIN-code: 4152-7699, AuthorID: 616739, ORCID 0000-0001-5028-090X, e-mail: grebenkov@gmail.com

Гребеньков А.А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2022. № 1 (69). С. 121–128.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИНЦИПЕ ГУМАНИЗМА

Ю.А. Дронова, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обращено внимание на значение принципа гуманизма и его место в системе принципов права. Показано, что этот принцип существует в правовой системе как основополагающая идея и как конкретная правовая норма в уголовном праве. Отмечено проявление принципа гуманизма в правовых ситуациях, которые обычно не рассматриваются с таких позиций. Обоснована необходимость соблюдения баланса проявления принципа гуманизма применительно к участникам правоотношений на примере решения вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности. Проанализировано действие принципа гуманизма при применении мер уголовной ответственности.

Ключевые слова: гуманизм, высшие принципы, общеправовые принципы, формы существования принципа гуманизма, соотношение морали и права, пересмотр судебных актов, альтернативные способы защиты прав, принцип гуманизма в семейных и связанных с ними правоотношениях, гуманизм при порядке привлечения судей к дисциплинарной ответственности, принцип гуманизма в праве на судебную защиту, принцип гуманизма при назначении наказания.

Правовые принципы являются фундаментом всей системы права и законодательства, но при этом многие даже общеправовые принципы не имеют точно выраженной и нормативно закреплённой дефиниции. Содержание таких принципов предполагается достаточно понятным в соответствии с нашими общими представлениями о праве и морали, но применительно к каждой отрасли права такие основополагающие положения получают свое особое содержание.

Наиболее характерно это проявляется применительно к принципу гуманизма, который, бесспорно, относится к общим принципам не только российского права, но и международного.

Принято выделять «две основные формы существования принципов в виде норм и идей» [10, с. 151]. Этот взгляд на правовые принципы получил развитие применительно к отдельным отраслям права. Так, А.С. Федина отмечает: «В качестве принципов гражданского процессуального права надлежит выделять не только принципы, прямо закреплённые в тексте гражданского процессуального закона, но и принципы, получившие поддержку в устоявшейся судебной практике, и идеи правосознания» [11, с. 74].

Относительно принципа гуманизма следует признать, что он существует как в форме идеи, так и в виде конкретной правовой нормы в

Уголовном кодексе РФ, его содержание столь многогранно, что не может быть сведено к конкретным признакам и понятиям.

Сложность определения понятия гуманизма подтверждается даже тем, как объясняется это слово в толковых словарях. В словаре русского языка В.И. Даля вообще отсутствует слово «гуманизм», а в современных толковых словарях оно определяется через понятие «человечность», что также нуждается в толковании и не может служить в должной мере раскрытию понятия гуманизма. Значит, принцип гуманизма как идея должен исследоваться применительно не только к каждой отрасли права, но и к конкретным правовым нормам.

Значение гуманизма как правового принципа представляется настолько очевидным, что не требует специальной аргументации. По аналогии с классификацией прав человека, принцип гуманизма можно считать естественным правовым принципом, то есть таким, который изначально оказывает влияние на формирование правовой системы практически на подсознательном уровне. Но это не означает, что принцип не нуждается в исследовании его содержания и влияния на формирование конкретных правовых норм.

Исследуя проблему принципов права, А.В. Коновалов подразделил все основные принципы на следующие категории: высшие принципы; общеправовые принципы; общеправовые принципы и функциональные принципы [7, с. 197].

По этой классификации высшими принципами названы добросовестность, разумность и справедливость, а гуманизм отнесен к общеправовым принципам [7, с. 201, 247]. Признавая выделение в отдельную группу высших принципов, трудно согласиться с позицией А.В. Коновалова, что гуманизм является не высшим, а только общеправовым принципом. Представляется, что только в единстве принципы гуманизма, справедливости, разумности и добросовестности могут составлять высшие принципы права. Названные принципы по своей сути – даже больше чем принципы, на что авторы ранее обращали внимание, указывая, что справедливость – «это не просто общеправовой принцип, а это и есть сама сущность права, которая определяет содержание как принципов права, так и отдельных правовых норм» [4, с. 119–120]. Такое значение принципов и объясняет выделение их в категорию «высших».

Гуманизм – действительно высший принцип права, поскольку содержание всех других принципов определенным образом корректируется именно с позиций гуманизма. Разумность без гуманизма способна превратить правоприменение в исключительно формальный процесс, не может быть и негуманной справедливостью, а добросовестность без гуманной основы может привести к тому, что цель будет оправдывать средства, как во времена инквизиции. Поэтому соглашаясь с выделением группы высших правовых принципов, следует

признать, что в этом перечне обязательно должен быть принцип гуманизма, а возможно, и некоторые другие принципы. Но поскольку нашей темой является именно гуманизм, не будем аргументировать необходимость признания высшими других принципов, как, например, обеспечение оптимального баланса между частными и публичными интересами.

Примем за основу, что принцип гуманизма как идея основан на человечности и доброте, что по своей сути регулируется не столько правом, сколько моралью. Это достаточно точно выразил А.В. Коновалов: «Принцип гуманизма относится к числу тех, что задают этический вектор правового регулирования и правоприменения, обеспечивая “растворенное” присутствие гуманистической идеи во всех нормах любой отрасли права» [7, с. 260]. Такое понимание гуманизма и обуславливает его особый статус в системе принципов права, что позволяет отметить недостаточное обоснование того, что принцип гуманизма А.В. Коновалов относит не к высшим, а только к общеправовым принципам.

В регулировании общественных отношений одной из проблем является соотношение права и морали. Рассматривая вопрос о нравственно-правовых категориях в гражданском праве, И.А. Крусс обращает внимание «на особую роль норм морали и нравственности в регламентации гражданско-правовых отношений. В первую очередь они находят отражение в основных началах гражданского законодательства. И здесь это не только принцип равенства участников гражданских правоотношений, принцип свободы договора, но практически все принципы представляют собой результат отражения норм морали и нравственности» [8, с. 38]. Соотнеся это с ранее приведенной точкой зрения о том, что именно гуманизм обеспечивает этическое содержание всех правовых норм, можно утверждать, что принцип гуманизма как идея растворен практически во всех других правовых принципах, что не исключает самостоятельного закрепления отдельных составляющих этого принципа в конкретных правовых нормах.

Принцип гуманизма не назван в качестве самостоятельной составляющей права на справедливое судебное разбирательство, но он присутствует в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод практически в каждом требовании. Именно гуманизм лежит в основе права на беспристрастный суд, соблюдении разумных сроков, праве на переводчика и квалифицированную юридическую помощь, а также в том, решение суда было исполнено.

Законность судебного решения зависит от соблюдения норм как материального, так и процессуального права. Значит, принцип гуманизма должен обуславливать содержание соответствующих правовых норм, а также их толкование и правоприменение.

Гуманистическое содержание правовых норм было и остается предметом многих исследований, но тема эта неисчерпаема, поскольку каждая правовая норма может быть «препарирована, как скальпелем», принципом гуманизма с точки зрения содержания и правоприменения. Поэтому, размышляя о принципе гуманизма, обратим внимание лишь на некоторые его проявления в контексте права на справедливое судебное разбирательство.

Можно утверждать, что все изменения в судебной системе и процессуальном законодательстве последних лет обусловлены именно принципом гуманизма. Создание системы самостоятельных апелляционных и кассационных судов в системе общей юрисдикции и соответствующие изменения процессуального порядка являются проявлениями гуманизма. О.В. Жукова, исследуя вопросы пересмотра судебных постановлений в административном судопроизводстве, отмечает, «что право на обжалование является одним из составных элементов права на судебную защиту, его надежной гарантией и условием реализации, единая система пересмотра в административном, гражданском и арбитражном процессе повысит эффективность судопроизводства, обеспечит равную возможность реализации права на судебную защиту» [5, с. 45]. Обеспечение равных возможностей обжаловать судебные акты для граждан и юридических лиц соответствуют принципу гуманизма, поскольку равенство является, как отмечалось ранее, проявлением требований морали и закреплён в правовых нормах. Новый порядок обжалования обеспечивает и равный доступ всех к механизмам пересмотра, а следовательно, не только апелляция, но и кассация стала эффективным средством правовой защиты, поскольку теперь нет процедуры, по которой бы, как раньше, судьи кассационной инстанции «просеивали» жалобы и решали, иногда и недостаточно обоснованно, какую передать на рассмотрение, а по какой отказать. Создание эффективных механизмов защиты прав и охраняемых законом интересов наиболее ясно проявляет принцип гуманизма, он выступает своего рода движущим началом эффективности.

Гуманизм в вопросах защиты прав, свобод и законных интересов проявляется также в создании и развитии различных альтернативных процедур. Прежде всего в аспекте гуманизма следует обратить внимание на возможность прибегнуть к третейскому разбирательству споров. Третейское разбирательство гуманно уже потому, что заинтересованные лица могут выбирать арбитров. Кроме того, сама процедура является не такой формализованной, что как раз позволяет применять арбитрам большие возможности усмотрения. Все это создает более комфортные условия для участников процесса, они не чувствуют себя так напряженно, как в государственных судах, что, безусловно, свидетельствует о более гуманном отношении к участникам процесса. В

перспективе необходимо перенести ряд дел, затрагивающих интересы детей, а главное те, которые нужно рассматривать с участием несовершеннолетних, именно на площадку третейского разбирательства, что будет соответствовать гуманному отношению к детям. Но пока третейское разбирательство не получило необходимого развития, одной из причин этого является установленный законом порядок формирования составов третейских судов. С.А. Алешукина задалась вопросом, надо ли рассматривать порядок формирования третейских судов как содействие или вмешательство, и сделала обоснованный вывод: «Полномочия по формированию арбитража не могут и не должны находиться в ведении государственных органов, будь то исполнительная или судебная власть, и являются ничем иным, как вмешательством в деятельность третейских судов, подрывающим основные принципы независимости и беспристрастности как системы в целом, так и арбитров в частности» [2, с. 66]. Такое положение приводит к тому, что право на рассмотрение дела третейским судом есть, но практически не реализуется, поскольку есть проблема с формированием этих судов, а что может более противоречить принципу гуманизма, чем существование способа защиты права, почти недоступного для использования.

Действие принципа гуманизма особо значимо в сфере семейных и других, связанных с ними правоотношений. В первую очередь, конечно, следует говорить о необходимости введения дополнительных процессуальных правил, отвечающих принципу гуманизма, по делам о защите прав и законных интересов детей. Но эта проблема требует специального глубокого исследования, в данной статье целесообразно только отметить давно назревшую необходимость принятия соответствующих глав о рассмотрении дел, затрагивающих основные права и свободы несовершеннолетних, в Кодекс административного судопроизводства РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ.

Помимо собственно дел, возникающих из семейных правоотношений, принцип гуманизма имеет большое значение для разрешения проблем в сфере, тесно связанной с семейными отношениями. О.Ю. Ильина, рассматривая семейные отношения как предмет регулирования другими отраслями права, обратила внимание на право наследовать фактических супругов: «именно нетрудоспособный фактический супруг, который проживал совместно с умершим и находился на его иждивении, может быть призван к наследованию ... в сложившейся ситуации возможны и пикантные детали: наследодатель на момент смерти мог состоять в браке, но в силу различных обстоятельств проживать не с супругом, а с так называемым фактическим супругом и, кроме всего прочего, содержать последнего» [6, с. 9]. Данная правовая норма о наследовании является ярким проявлением принципа гуманизма, в котором прослеживается и особое бережное отношение к сфере личных отношений.

Особо значим принцип гуманизма в отношениях, связанных с привлечением к различным видам ответственности. Здесь важна не только «милость к падшим», но и гуманизм по отношению к другим, чьи права и интересы затрагивают деяния лица, привлекаемого к ответственности.

Принцип гуманизма, как уже отмечалось, имеет самые различные проявления, в том числе исходя из положения субъектов определенных правоотношений. Конечно, вряд ли корректно говорить о различиях гуманизма для истца и ответчика, подсудимого и потерпевшего, но тем не менее во всех подобных ситуациях можно говорить о необходимом балансе между гуманным отношением к противоборствующим сторонам.

Еще более значим и показателен такой подход к проблеме гуманизма применительно к привлечению судей к дисциплинарной ответственности. Рассмотрим, насколько этот порядок соответствует принципу гуманизма. Прежде всего обратимся к тому, насколько сама дисциплинарная ответственность судей соответствует принципу гуманизма. Вопрос о возможности привлечения к дисциплинарной ответственности судей оценивается неоднозначно с точки зрения влияния на независимость. Но с точки зрения принципа гуманизма, пожалуй, применительно к судьям он реализуется в достаточной мере.

Прежде всего гуманно само понятие дисциплинарного проступка. В соответствии со ст. 12.1 Федерального закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» это виновное деяние, совершенное как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время, которое нарушает положения данного закона и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти, причинило ущерб репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса. Это определение представляется гуманным, так как предполагает не формальное применение готового состава проступка, а оценку действий или бездействия судьи с позиций закона и морали.

Гуманным представляется и порядок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, поскольку это является полномочиями органов судейского сообщества, то есть решают вопрос такие же судьи, которые хорошо понимают специфику работы судьи и сложности этой профессии. По действующему законодательству только советы судей имеют право вносить представление о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, что исключает возможность воздействия на судью председателя суда. Четыре вида дисциплинарного взыскания обеспечивают соответствие наказания тяжести совершенного проступка. Самой жесткой и исключительной мерой дисциплинарного взыскания является досрочное прекращение полномочий судьи. Гуманизм проявляется в том, судья не может быть лишен полномочий только за то, что было отменено или изменено значительное число его постановлений. Это должно быть обусловлено жалобой участников

процесса о нарушении их прав, а также если нарушения носят системный и (или) грубый характер, искажают принципы судопроизводства и очевидно, что такой судья не может далее исполнять свои обязанности. Решение, в соответствии с принципом гуманизма, хотя он и не назван в нормах закона, принимается с учетом всех обстоятельств и данных, характеризующих личность судьи.

Особо принцип гуманизма проявляется в том, что все решения о наложении на судью дисциплинарных взысканий могут быть обжалованы. Решения квалификационных коллегий судей субъектов РФ можно обжаловать в Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, и, что очень важно, этот орган может не только отменить решение, но и изменить меру дисциплинарного взыскания на более мягкую. Помимо этого, все решения о привлечении судей к дисциплинарной ответственности могут быть обжалованы в судебном порядке. Высшим проявлением принципа гуманизма является создание в составе Верховного Суда РФ Дисциплинарной коллегии, которая рассматривает жалобы на решения о досрочном прекращении полномочий судей по правилам гл. 23 Кодекса административно судопроизводства. То, как сформулированы полномочия Дисциплинарной коллегии, позволяет предполагать даже избыточный гуманизм, поскольку возможны только два варианта решений: отменить или оставить в силе. Следовательно, в тех случаях, когда будет установлено, что к судье применено взыскание, не соответствующее тяжести совершенного проступка, то решение квалификационной коллегии просто отменяется, и судья будет не только восстановлен в должности, но не получит никакого взыскания. На это давно обращается внимание, возможно, указанная «избыточность гуманизма» будет устранена.

Проявлением принципа гуманизма следует считать и то, что по действующему законодательству Председатель Верховного Суда РФ не имеет права обратиться в Дисциплинарную коллегию и оспорить решение квалификационной коллегии судей об отказе в применении к судье дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий.

Это лишь основные проявления принципа гуманизма в отношении судей при привлечении их к дисциплинарной ответственности. Теперь необходимо выяснить, как проявляется принцип гуманизма в отношении участников процесса.

Уже было отмечено, что полномочия судьи могут быть прекращены вследствие нарушения прав участников процесса и искажения основных принципов. Решение о прекращении полномочий судьи принимать очень трудно, и здесь, как представляется, главным критерием и должен выступать принцип гуманизма по отношению к участникам процесса. Нередко судьи все нарушения пытаются объяснить большой нагрузкой,

плохой работой аппарата, при этом не считают, что серьезно нарушают права участников процесса и умаляют авторитет судебной власти тем, что с большим опозданием изготавливают в окончательной форме судебные акты, рассматривают дело в отсутствие участников процесса, которые не были надлежаще извещены, переносят рассмотрение дела в связи с неявкой на работу, нарушают тайну совещательной комнаты и многое другое, и, соответственно, просят проявить к ним гуманизм и не лишать полномочий. В подобных случаях нужно руководствоваться принципом гуманизма, который заложен в конституционном праве на судебную защиту, и исключать возможность отправления правосудия с грубым его нарушением.

Приведенные примеры действия принципа гуманизма, когда он находит свое отражение не в букве, а в духе закона, далеко не исчерпывают проблему, а скорее, должны обеспечить понимание того, что нет такой правовой ситуации, которую нельзя рассмотреть с позиций гуманизма.

Но принцип гуманизма имеет и нормативное закрепление в нормах уголовного права.

Действительно, принцип гуманизма непосредственно закреплен в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Традиционное толкование его текстуального выражения сводится к тому, что он проявляет свое содержание как относительно лиц, совершивших преступления, так и в отношении всех остальных членов общества. Относительно первой категории принцип гуманизма воплощается в законоположении «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». В отношении же общества в целом – в норме «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» (ст. 7 УК РФ) [1].

Любые общеправовые и отраслевые принципы права трактуются как основополагающие начала, составляющие фундамент норм соответствующей отрасли права. При этом подразумевается, что при конструировании всех остальных норм данной отрасли права должно учитываться содержание этих основополагающих начал, именуемых принципами права.

Относительно того, насколько принцип гуманизма, закрепленный в ст. 7 УК РФ, впоследствии действительно воплощен в содержании иных норм уголовного законодательства, в специальной литературе можно встретить абсолютно разные точки зрения.

Так, например, Е.Н. Бархатова в своей статье о неочевидных противоречиях между принципами уголовного закона и уголовно-правовыми нормами пишет о том, что практически все принципы уголовного права при попытке их воплощения законодателем в

содержании остальных норм данной отрасли права получают не столь однозначно полное и точное выражение, как того требует их сущностное предназначение. Однако в завершение своей статьи она отмечает, что «пожалуй единственным принципом, реализующимся в полной мере, является принцип гуманизма» [3, с. 79].

Автор, правда, оговаривается, что «данное утверждение справедливо только с учетом моратория, наложенного на применение смертной казни. Если же следовать букве закона, то п. «н» ст. 44 УК РФ противоречит ч. 2 ст. 7 УК РФ, поскольку смертная казнь как вид наказания причиняет физические страдания, имея своей целью физическое уничтожение человека для защиты общества» [3, с. 79].

С одной стороны, нельзя не признать определенную правоту Е.Н. Бархатовой в том смысле, что система наказаний, закрепленная в ст. 88 УК РФ, действительно не содержит наказаний, которые напрямую в своем содержании подразумевали бы причинение лицу, совершившему преступление, физических или нравственных страданий либо же унижение его чести и достоинства. Однако невозможно не отметить, что автор сужает содержание принципа гуманизма, а, соответственно, и идею его последующего воплощения в статьях уголовного законодательства Российской Федерации до только одного его значимого аспекта, связанного с содержанием наказаний.

Авторы другой публикации о спорных вопросах содержания принципа гуманизма в уголовном праве, напротив, отмечают, что «при уголовно-правовом анализе принципа гуманизма ими выявлен ряд серьезных проблем, требующих незамедлительного решения» [9, с. 356].

Такая позиция представляется более обоснованной. Действительно, пристальное рассмотрение вопроса о том, насколько отдельные положения уголовного законодательства РФ в свете его постоянной динамики согласуются с содержанием принципа гуманизма, позволяет прийти к выводу, что расхождение между этими, должными находиться в соответствии, сущностями тем не менее наблюдается. И таких противоречий можно выявить достаточно много в различных институтах уголовного права.

Поскольку содержание данной статьи не предполагает углубление только лишь в какой-то один из уголовно-правовых институтов в аспекте его соответствия содержанию принципа гуманизма, то представляется целесообразным отметить в аспекте постановки проблемы целый ряд таких несоответствий, которые могут быть выявлены при анализе действующего уголовного законодательства и практики его применения.

В качестве первого института, который, как уже отмечалось, нуждается в анализе применительно к заявленной проблематике, выступает собственно система наказаний. Мы уже отмечали, что в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права содержать собственно наказания, сущность

которых напрямую нарушала бы принцип гуманизма, действующее уголовное законодательство Российской Федерации по определению не может.

Однако целесообразным является рассмотрение вопроса о том, насколько принцип, положенный в основу построения системы наказаний (перечисление от наименее строгого к наиболее строгому), и его фактическое выполнение законодателем соотносятся с содержанием принципа гуманизма.

Таких вопросов относительно перечня из 13 наказаний в действующей системе уголовных наказаний в РФ может быть поставлено достаточное количество. Так, например, в качестве первого, а значит, наиболее мягкого наказания в этой системе назван штраф. Следующим в ст. 44 УК РФ поименовано наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. С учетом максимально возможного к назначению размера штрафа (в соответствии со ст. 46 УК РФ он может составлять до 500 млн рублей), а также с учетом степени карательной сущности следующего наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью возникают сомнения в том, что штраф в своем максимальном (или близком к нему) размере вполне может восприниматься как более строгое наказание, чем лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на установленный судом срок.

Тем более штраф, назначенный осужденному, на иждивении которого находится несколько лиц, вполне может в гораздо большей степени затрагивать их имущественные права и интересы, нежели наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Вместе с тем, положения ст. 60 УК РФ, устанавливающей общие правила назначения наказания предписывают правоприменителю возможность назначения более строгого наказания из числа указанных в санкции (а как мы знаем, санкции, в случае, если они являются альтернативными в статьях Особенной части, следуют в своей логике перечисления наказаний тому же самому принципу, который лежит в основе построения системы наказаний в ст. 44 УК РФ), только при условии, что менее строгий вид не сможет обеспечить достижение цели наказания в отношении данного конкретного осужденного. Представим себе, что суд, понимая ситуацию и имея все основания полагать, что наказание в виде штрафа, являясь наиболее мягким способом достичь целей наказания в отношении конкретного осужденного, вместе с тем видит, что данное наказание существенным образом отразится на условиях жизни его семьи, решает, что более гуманным будет избрание одного из следующих по степени строгости видов наказаний из числа указанных в альтернативной санкции. Получается, что в данном случае суд, избрав более строгое

наказание, поступит содержательно в соответствии с требованиями принципа гуманизма, однако по сути дела нарушит при этом букву закона. Можно, конечно, сослаться в данном случае на положение ч. 3 ст. 60 УК РФ о необходимости учета влияния назначенного наказания на условия жизни семьи осужденного. Однако корреляция данного положения с положением ч. 1 этой же статьи о том, что более строгий вид наказания назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания, все же будет оставлять соответствующие сомнения.

Общение с мировыми судьями, обучающимися по программе повышения квалификации, заставляет вспомнить один очень иллюстративный пример в рассматриваемом аспекте. Мировой судья рассматривал уголовное дело в отношении молодого человека, который профессионально занимался спортом. В связи с этим важной составляющей его жизни являлись соответствующие спортивные соревнования разного уровня, в том числе и требующие выезда за пределы территории муниципального образования, в котором он проживал. Первым видом наказания в санкции той статьи, по которой осуждался этот молодой человек, было указано ограничение свободы. Следующим видом наказания являлось лишение свободы. Мировой судья понимал, что назначение наказания виде ограничение свободы существенным образом минимизирует возможность участия осужденного в спортивных соревнованиях различного уровня и, возможно, приведет к гораздо более негативным последствиям для развития личности и процесса исправления, нежели следующее за ограничением свободы наказание виде лишения свободы с применением условного осуждения. Судья осознавал, что риски назначения лишения свободы условно достаточно велики, однако, взвесив все за и против, посчитал более гуманным в данном случае назначить наказание виде лишения свободы с применением нормы об условном осуждении. Можно ли говорить о том, что судья поступил в соответствии с принципом гуманизма? Полагаем, что да. Однако, опять же, очевидно, что в соответствии с буквой закона он вряд ли принял обоснованное решение.

Можно ставить и еще определенный ряд вопросов относительно того, насколько принцип гуманизма воплощается в действующей системе наказаний и принципах ее построения, и приводить иные примеры ситуаций, когда судья, поступив в соответствии с буквой закона, проявит меньший гуманизм к осужденному при назначении наказания, нежели назначит наказание в соответствии с духом принципа гуманизма, но не в соответствии с буквальными требованиями законодательства.

Что касается прямых ссылок на ст. 7 УК РФ, закрепляющую принцип гуманизма, в текстах судебных решений по уголовным делам, то можно отметить, что они встречаются практически в каждом из них. Ссылки на

нее используются для обоснования выбора вида и срока (размера) наказания. Например, так: «При определении вида и размера наказания подсудимому суд руководствуется требованиями ч. 1 ст. 6, ст. 7, ч. 2 ст. 43, ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации» [12].

Еще одним распространенным примером ссылок на ст. 7 УК РФ является ее использование для обоснования применения нормы об условном осуждении: «По убеждению суда, исправление подсудимой возможно без изоляции ее от общества. Назначение в данном случае реального лишения свободы, по мнению суда, не будет отвечать принципам справедливости и гуманизма, в соответствии со ст. 6, 7 УК РФ» [13].

Также можно встретить судебные акты, в которых есть ссылки на ст. 7 УК РФ со стороны обвинения. Так, например, в апелляционном представлении государственный обвинитель указывает, что «при назначении наказания ФИО не соблюдены требования ст. 6 и 7 УК РФ, не учтены обстоятельства совершения преступлений, сумма причиненного государству ущерба, тяжесть, неправильно применена ст. 73 УК РФ» [14].

Однако в приведенных примерах суды достаточно формально адресуются к норме о принципе гуманизма, тогда как предметом настоящей статьи было исследование его содержательного влияния на законодательство и правоприменительную практику.

Таким образом, размышления о принципе гуманизма обозначили проблему, связанную с необходимостью толкования правовых норм, исходя из того, что гуманизм относится к высшим принципам независимо от того, закреплён ли он текстуально в правовой норме или является проявлением духа права.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.01.2022).
2. Алешукина С.А. Формирование состава третейского суда компетентным судом: содействие или вмешательство? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (63). С. 65–70.
3. Бархатова Е. Н. Принципы уголовного закона и уголовно-правовые нормы: неочевидные противоречия. // Сибирский юридический вестник 2020. № 3. С. 79 [Электронный ресурс]. URL: <https://slh-journal.isu.ru/ru/article?id=287> (дата обращения: 25.01.2022).
4. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1 (60). С. 113–120.

5. Жукова О.В. Особенности пересмотра судебных постановлений в административном судопроизводстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 44–49.

6. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.

7. Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2022. 792 с.

8. Крусс И.А. О некоторых нравственно-правовых категориях в гражданском праве России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 37–42.

9. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3. С.356. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-soderzhaniya-printsipa-gumanizma-v-ugolovnom-prave/viewer> (дата обращения: 25.01.2022).

10. Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.

11. Федина А.С. Общая характеристика принципов гражданского процессуального права с точки зрения и значения их формы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (65) С. 74–83.

12. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан № 22-1048/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-23/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4itJlhHRC8l4/?page=40®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+7.+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF+%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_=1644439513084®ular-judge= (дата обращения: 25.01.2022).

13. Приговор Чесменского районного суда Челябинской области № 1-38/2021 от 3 марта 2021 г. по делу № 1-38/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3OT3jLF4nmU9/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+7.+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF+%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_=1644438355188®ular-judge= (дата обращения: 25.01.2022).

14. Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-265/2020 1-40/2021 от 19 марта 2021 г. по делу № 1-265/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tzqqwB4J2eb/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+7.+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF+%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_=1644438355188®ular-judge=

%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_id=1644438355188®ular-judge= (дата обращения: 25.01.2022).

Об авторах:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-cod: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

REFLECTIONS ON THE PRINCIPLE OF HUMANISM

Yu.A. Dronova, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article draws attention to the importance of the principle of humanism and its place in the system of principles. It is shown that this principle exists in the legal system as a fundamental idea and as a specific legal norm in criminal law. The manifestation of the principle of humanism in legal situations, which are usually not considered from such positions, is noted. The necessity of maintaining a balance in the manifestation of the principle of humanism in relation to the participants in legal relations is substantiated by the example of solving the issue of bringing a judge to disciplinary responsibility. The article analyzes the action of the principle of humanism in the application of measures of criminal responsibility.

Keywords: *humanism, higher principles, general legal principles, forms of existence of the principle of humanism, the ratio of morality and law, revision of judicial acts, alternative methods of protecting rights, the principle of humanism in family and related legal relations, humanism in the procedure for bringing judges to disciplinary responsibility, the principle of humanism in the right to judicial protection, the principle of humanism in sentencing.*

About authors:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-cod: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Размышления о принципе гуманизма // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 129–142.

НАНОТЕХНОЛОГИИ: НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАСТОРОЖЕННОСТЬ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Т.В. Кувырченкова¹, В.В. Черевко²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² Институт управления и комплексной безопасности (ИУиКБ) академии
ГПС МЧС России, г. Москва

Рассматриваются нанотехнологии как перспективная область познания, имеющая прикладное значение; международные организации, предпринимающие усилия для обеспечения безопасности применяемых нанотехнологий и наноматериалов. Актуальность темы обосновывается недостаточностью правового регулирования, необходимостью совершенствования законодательства в этой сфере, возможными рисками для здоровья человека и безопасности окружающей среды и потребностью разработки системы тестирования и контроля в этой области.

Ключевые слова: нанотехнологии, наноматериалы, тестирование наноматериалов, безопасность нанотехнологий и наноматериалов, правовое регулирование нанотехнологий; стандартизация нанотехнологий, наноматериалов и продукции наноиндустрии, Организация экономического сотрудничества и развития.

Стремительное продвижение новых технологий предполагает постоянное развитие правовой науки, совершенствование законодательства: восполнение пробелов в действующем законодательстве и принятие новых правовых актов. Это, конечно же, касается и так молниеносно развивающихся нанотехнологий. Право должно не только констатировать новации, а прогнозировать, научно предвидеть вероятные инновационные изменения, стимулировать их развитие и оперативно реагировать на возможные риски для здоровья человека, безопасности окружающей природы.

Во всем мире возрастает внимание к перспективам развития нанотехнологий, наноматериалов. Это одно из прорывных направлений научных идей. Также как в свое время разработка «атомного проекта», давшего бурное развитие многих граничащих в науке направлений, продвижение нанотехнологий однозначно позволит поднять научную мысль на более высокий уровень.

Что собой представляют наноматериалы? Они небольшие по размерам, меньше ширины человеческого волоса в 10 000 раз, но встречаются во многих продуктах, красках, косметике. Особенность их заключается в том, что они имеют различные свойства по сравнению с

объемным веществом. Материалы меняются, когда из объемного превращаются в нано, но происходит это в различных веществах по-разному.

Нанотехнологии – это междисциплинарная область познания, включающая в себя фундаментальную и прикладную науку. Возникновение нанотехнологий и нанонауки началось в конце 50-х годов прошлого столетия, но значимые открытия были сделаны только в 80-е, 90-е гг. Еще в 1959 г. американский физик Ричард Фейнман произнес свою знаменитую речь «Там внизу много места» [2]. Он описал процесс, позволяющий управлять отдельными молекулами и атомами. В ходе этого процесса уменьшения возникают новые физические явления. В 80-х гг. нанотехнологии получили дальнейшее интенсивное развитие после зарождения науки о кластерах, появления сканирующего туннельного микроскопа, открытия фуллеренов и углеродных нанотрубок, а коммерческое, промышленное использование нанотехнологий началось в 2000-х гг. Наносистемы начинают использоваться в конвергентных технологиях. В настоящее время говоря о нанотехнологиях, употребляют выражение «новая промышленная революция» [4].

В то же время наноматериалы могут представлять потенциальную опасность для человека, его здоровья, среды обитания. Например, безопасность промышленных наноматериалов является огромной проблемой для мирового сообщества. Они все чаще используются в такой продукции, как солнцезащитные кремы, косметика, ионно-литиевые батареи, покрытие для стекла и т.д. из-за своих значительно улучшенных свойств, так как имеют наноразмерную структуру. Однако эти особые химические и физические характеристики связаны с возможным риском для здоровья и безопасности человека, окружающей среды. Недостаточно известно, например, как наноматериалы могут повлиять на отходы, не учитываются сейчас вероятные риски. Промышленные наноматериалы требуют дополнительных испытаний, специального тестирования. Стандартный набор тестов, используемых для других химических веществ, не позволит убедиться в их безопасности. Очень мало человечеству пока известно об этих возможных рисках [6].

Мировое сообщество предпринимает определенные шаги в решении вопросов безопасности разработанных в настоящее время нанотехнологий и наноматериалов, пытается оценить возможные риски их дальнейшего использования. Так, физико-химические свойства наноматериалов могут отличаться от обычно рассматриваемых для ненаноматериалов, что затрудняет оценку их риска. Одной из международных организаций, в рамках которой осуществляется координация работ по безопасности применения наноматериалов, является Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). В рамках этой организации принята Программа ОЭСР по

промышленным наноматериалам и Программа рекомендаций по тестированию. В мае 2020 г. был запущен трехлетний проект под названием NANOMET, чтобы активизировать усилия и поддержать ОЭСР. Этот проект финансируется Европейским Союзом (далее – ЕС) [6].

ОЭСР разработала инструменты для определения того, какие методы испытаний подходят (или не подходят) для измерения физико-химического параметра, который считается ключевым для характеристики и идентификации данного типа наноматериала.

ОЭСР проводит бесплатные вебинары по методологиям тестирования и оценки химических веществ для конечных пользователей из числа регулирующих органов и исследовательских организаций. Так, например, 2 декабря 2021 г. ОЭСР провела вебинар о том, как оценить воздействие наноматериалов. Как указано на сайте организации: «Научные знания для оценки воздействия наноматериалов продолжают улучшаться. Например, разрабатываются новые инструменты и модели воздействия на наноматериалы» [6].

Для дальнейшего продвижения развития в этой области ОЭСР составила перечень доступных моделей и инструментов для оценки воздействия наноматериалов на рабочем месте, потребителях и окружающей среде. Первоначально были собраны 54 инструмента и модели, и после углубленного анализа 10 профессиональных, 7 потребительских и 6 экологических инструментов/моделей были рекомендованы или оценены как подходящие для оценки воздействия наноматериалов [6].

В 2011 г. Рабочая группа ОЭСР по продуктивности ресурсов и отходам (WPRPW) приступила к изучению проблем отходов, содержащих наноматериалы. Ею был разработан отчет о четырех процессах обработки отходов: переработка, сжигание, захоронение и очистка сточных вод для публикации «Наноматериалы в потоках отходов» [7].

Кроме этого, в большинстве стран, входящих в состав ОЭСР, ведутся работы по мониторингу содержания наноматериалов в окружающей среде, их возможной токсичности для живого мира, изучаются и экономические аспекты применения нанотехнологий. Это такие страны, как Бельгия, Канада, Дания, Норвегия, Испания, Великобритания, США, Китай, Таиланд, Япония и другие.

В США еще в 2000 г. была принята Национальная нанотехнологическая инициатива (The National Nanotechnology Initiative — NNI), координирующая нанотехнологическую активность 26 федеральных агентств. Это также программа для оценки опасных для здоровья людей химических агентов. Создан Национальный институт по охране труда и здоровья (National Institute for Occupational Safety and Health — NIOSH) для изучения профессиональной гигиены работающих

с наноматериалами. В 2006 г. создана Специальная внутренняя комиссия FDA по нанотехнологии (FDA Nanotechnology Task Force) для оценки безопасности продуктов, содержащих наноматериалы.

В ЕС в 2004 г. была принята Европейская стратегия в области нанотехнологий, где также было указано на необходимость оценки потенциальной опасности нанотехнологий для здоровья человека и окружающей природной среды.

С 29 ноября по 1 декабря 2016 г. в конференц-центре ОЭСР в Париже состоялась совместная научная конференция программы Horizon 2020 по координации и поддержке ProSafe и ОЭСР «Научная поддержка регулирования производства наноматериалов».

Проект ProSafe (02/2015 – 04/2017) представляет собой действие ЕС по координации и поддержке H2020 (CSA), которое регулирует и укрепляет существующие и новые инициативы в области нанобезопасности (оценка рисков, управление) [8].

Некоторые государства - члены Европейского союза вместе с другими странами сотрудничали в рамках проекта ProSafe, предполагающего, в том числе, исследования в области окружающей среды, здоровья и безопасности в области нанотехнологий.

Результатами проекта стали: Белая книга ProSafe как основной результат проекта в области нанобезопасности, объединившая результаты проектов NANoREG и ProSafe, в которой даны 15 рекомендаций для политиков и регулирующих органов; результаты, включенные в отчет о совместной научной конференции OECD-ProSafe в Париже в 2016 г. (документ и Белая книга); заключительный отчет ProSafe, где представлен общий обзор всех результатов ProSafe и общая информация о проекте [8].

Этот проект получил финансирование от исследовательской и инновационной программы Horizon 2020 ЕС.

В Российской Федерации также растет внимание к сфере нанотехнологий. Так, была создана «Российская корпорация нанотехнологий», в 2006 г. Правительством Российской Федерации одобрена программа координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов, принят Федеральный закон от 19.07.2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий», в 2007 г. Главным государственным санитарным врачом РФ принято Постановление «О надзоре за продукцией, полученной с использованием нанотехнологий и содержащей наноматериалы», в 2008 г. создано «Нанотехнологическое общество России», в задачи которого входит «реализация государственной политики в сфере нанотехнологий, развитие инновационной инфраструктуры в нанотехнологиях, реализация проектов создания перспективных нанотехнологий и наноиндустрии», а также «просвещение российского общества в области нанотехнологий и формирование благоприятного общественного мнения в пользу

нанотехнологического развития мнения страны» [5]. С целью участия российских ученых в рамочных программах ЕС в России с 2004 г. приказом Минобрнауки создана сеть национальных контактных точек (НКТ) на базе ведущих научных организаций и вузов по тематическим направлениям. Российской Федерацией подписаны международные договоры, относящиеся к охране труда работников, осуществляющих разработку и практическое внедрение наноматериалов (в рамках МОТ, под эгидой ООН, в рамках сотрудничества в Совете Европы и ЕврАзЭС и др.). Исследованием в этой сфере занимается более 150 научных организаций, а вот промышленное использование полученных результатов недостаточно активно, поэтому доля России на мировом рынке наноиндустрии очень мала.

Как уже было сказано выше, нанотехнологии позволяют решать множество проблем в различных областях науки: медицины, биологии, физики, химии, но они же и представляют определенные риски, связанные с непредсказуемостью воздействия на человека, окружающую среду. Могут привести и к утрате контроля над ними. Поэтому исследуя нанотехнологии, параллельно нужно изучать и возможные негативные последствия от их применения.

Европейское законодательство в отличие от национального некоторых стран (США, Канада, Япония) регламентирует, что именно производитель должен организовать и проводить экспертное тестирование на предмет безопасности нанопродукции для окружающей среды и здоровья человека. В национальном законодательстве это возлагается на контрольно-надзорные органы. В России в принятом Постановлении Главного государственного санитарного врача РФ от 23 июля 2007 г. № 54 «О надзоре за продукцией, полученной с использованием нанотехнологий и содержащей наноматериалы» юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, производящим и импортирующим нанопродукцию рекомендовано:

- указывать в информации для потребителей сведения об использовании при изготовлении продукции нанотехнологий или наноматериалов;

- при предоставлении документов для проведения санитарно-эпидемиологической экспертизы продукции представлять сведения об использовании нанотехнологий или наноматериалов с подтверждением безопасности их использования для человека.

Руководителям управлений Роспотребнадзора по субъектам Российской Федерации и главным врачам ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии» в субъектах Российской Федерации при выявлении в ходе осуществления государственного санитарно-эпидемиологического надзора и проведения санитарно-эпидемиологической экспертизы продукции или технической документации использования

нанотехнологий или наноматериалов направлять соответствующую информацию в Роспотребнадзор.

Создать рабочую группу по подготовке Концепции надзора за производством, использующим нанотехнологии, и оборотом продукции, содержащей наноматериалы.

Но эти положения приняты в виде рекомендаций, что объясняется недостаточной изученностью негативного воздействия наноматериалов на человека.

Также Приказом Роспотребнадзора от 14 июля 2009 г. № 431 была утверждена Концепция научного обеспечения органов и организаций Роспотребнадзора. Концепция призвана способствовать развитию новых, перспективных направлений научных исследований на основе межотраслевой и межведомственной кооперации (оценка риска, безопасность нанотехнологий и наноматериалов, молекулярная биология, биотехнология и др.) и эффективному внедрению результатов исследований в деятельность органов и организаций Роспотребнадзора; разрабатывать, внедрять и оценивать безопасность применения нанотехнологий и наноматериалов. В Концепции также говорится о том, что при планировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ организации науки Роспотребнадзора должны ориентироваться на решение задач, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, а также на разработку приоритетных направлений научных исследований в области эпидемиологического мониторинга, биотехнологии и биоинженерии, геномных и постгеномных технологий, безопасности нанотехнологий и наноматериалов, ГИС-технологий, биобезопасности и противодействия терроризму, управления риском здоровью населения и технологий снижения риска и уменьшения последствий природных и техногенных катастроф и др.

Приказом Росстандарта от 27 сентября 2010 г. № 266-ст утверждены «Рекомендации по стандартизации. Нанотехнологии. Принципы, объекты стандартизации и виды документов в области стандартизации нанотехнологий, наноматериалов и продукции наноиндустрии». Таким образом, развитие в сфере нанотехнологий направлено на принятие определенных стандартов, методологий, применение которых позволит получить научно обоснованные результаты. Все эти документы носят в конечном итоге рекомендательный характер.

Но процесс формирования российского законодательства еще не завершен. В.Ю. Туранин и С.И. Иванова в 2011 г. указывали на то, что «отсутствует правовая основа, комплексно и всесторонне охватывающая нанотехнологии и возникающие отношения в данной сфере, что затрудняет процесс наращивания инфраструктуры наноиндустрии и в целом тормозит развитие инновационной деятельности в России» [9, с. 3].

А.П. Анисимова в 2010 г. замечала, что «открытым остается вопрос об урегулировании правом обеспечения экологической безопасности при получении и использовании в производстве наноматериалов, использовании наночастиц в готовой продукции. Как известно, в последнее десятилетие в мире широко проводятся исследования и ведутся разработки по широкой номенклатуре развития наноиндустрии. Наряду с тем, что использование нанотехнологий, бесспорно, является одним из самых перспективных направлений науки и техники, немаловажным является и изучение вопросов потенциальной опасности использования наноматериалов и нанотехнологий, а также разработка критериев их безопасности для здоровья человека» [3, с. 146].

Недостаточно изучены и возможные биологические эффекты поступления наночастиц в организм человека. Общегосударственные стандарты по охране труда в области нанотехнологий не проработаны [1, с. 222].

В ряде стран ЕС и США активно ведутся работы по разработке нормативной и методической базы, направленной на оценку безопасности производства и использования продуктов нанотехнологий.

Таким образом, многие вопросы правового регулирования нанотехнологий до настоящего времени не получили разрешения. Некоторые авторы обращают внимание на особенность предмета правового регулирования нанотехнологий, который имеет комплексный характер, так как включает общественные отношения, возникающие в сфере интеллектуальной собственности, научно-технической деятельности, инновационной деятельности и в области формирования государственной политики [9, с. 2]. В этом заключается и особенность применения нескольких методов правового регулирования и их выбора для каждого конкретного правоотношения. В основном правоотношения в этой сфере регулируются правовыми нормами подзаконных актов, утвержденных Правительством России, федеральными органами исполнительной власти и иными федеральными органами. Принятые в России федеральные законы не регулируют весь комплекс правоотношений, возникающих в области нанотехнологий. Возможно, это связано с их стремительным продвижением, когда право оперативно не реагирует на инновационные изменения. Указанная проблема поднималась еще несколько лет назад некоторыми авторами, проводящими исследования в этой сфере, но не получила своего решения до настоящего времени. Полагаем, что она требует скорейшего разрешения, так как это в первую очередь связано с безопасностью человека и окружающей среды.

Список литературы

1. Актуальные проблемы трудового права: учебник для магистров / М.И. Акатнова, А.А. Андреев, Э.Н. Бондаренко и др.; отв. ред. Н.Л. Лютов. М.: Проспект, 2017. 688 с.

2. История развития нанотехнологии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polnaja-jenciklopedija.ru/nauka-i-tehnika/nanotehnologii-i-nanomaterialy.html> (дата обращения 06.02.2022).

3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» (постатейный) / под ред. А.П. Анисимова. М.: Деловой двор, 2010. 267 с.

4. Нанотехнологии: промышленная революция 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <https://xaker.ru/2010/08/19/53014/> (дата обращения: 06.02.2022).

5. Национальные программы развития нанотехнологий в странах распространения [Электронный ресурс]. URL: <http://nanoplatfrom.by/concept-global-trends/national-programme.html/> (дата обращения: 06.02.2022).

6. Официальный сайт ОЭСР. Безопасность производимых наноматериалов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/science/nanosafety/> (дата обращения: 06.02.2022).

7. Официальный сайт ОЭСР. Наноматериалы в потоках отходов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/chemicalsafety/nanomaterials-in-waste-streams-9789264249752-en.htm/> (дата обращения: 06.02.2022).

8. Официальный сайт ОЭСР. Проект ProSafe: научно обоснованная поддержка регулирования производства наноматериалов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/chemicalsafety/nanosafety/prosafe-project.htm/> (дата обращения: 06.02.2022).

9. Туранин В.Ю., Иванова С.И. Нанотехнологии в России: проблемы правового регулирования // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 52–53.

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЧЕРЕВКО Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Института управления и комплексной безопасности (ИУиКБ) академии ГПС МЧС России (г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4), SPIN-код: 1516-4488, AuthorID: 1021804, e-mail: Cherevkovv@bk.ru

**NANOTECHNOLOGY: THE NEW INDUSTRIAL REVOLUTION
AND THE WARINESS OF THE WORLD COMMUNITY**

T.V. Kuvyrchenkova¹, V.V. Cherevko²

¹ Tver State University, Tver

² Institute of Management and Integrated Security (IUiCB) of the Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow

The article considers nanotechnology as a promising field of knowledge with applied significance; international organizations making efforts to ensure the safety of applied nanotechnology and nanomaterials. The relevance of the topic

is justified by the lack of legal regulation, the need to improve legislation in this area, possible risks to human health and environmental safety and the need to develop a testing and control system in this area

Keywords: *nanotechnology, nanomaterials, testing of nanomaterials, safety of nanotechnology and nanomaterials, legal regulation of nanotechnology; standardization of nanotechnology, nanomaterials and nanoindustry products, Organization for Economic Cooperation and Development.*

About authors:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

CHEREVKO Vladimir – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Institute of Management and Integrated Security (IUIKB) of the State Fire Service Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Boris Galushkin St., 4), SPIN-code: 1516-4488, AuthorID: 1021804, e-mail: Cherevkovv@bk.ru

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В. Нанотехнологии: новая промышленная революция и настороженность мирового сообщества // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 143–151.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Д.П. Либозаев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются проблемы, связанные с использованием стилистических приемов при составлении обвинительного заключения.

Определяются и анализируются различные стилистические приемы изложения содержания обвинительного заключения и даются практические рекомендации по их применению.

Ключевые слова: обвинительное заключение, стилистические приемы, показания обвиняемого, доказательственная информация.

В обвинительном заключении формулируются окончательные решения по уголовному делу, принятые на предварительном следствии, дается политическая и юридическая оценка действий обвиняемого и его личности. Помимо профессиональных участников уголовного процесса названный процессуальный акт читает обвиняемый и его содержание слушают граждане, присутствующие в судебном заседании и, что немаловажно, присяжные заседатели.

Для того чтобы обвинительное заключение оказало воздействие на формирование политического, правового, нравственного сознания обвиняемого и граждан, его текст должен быть ясным, понятным и убедительным. Кроме того, четкость, ясность и убедительность обвинительного заключения существенно усиливает позицию стороны обвинения в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу.

Ясности, понятности и убедительности обвинительного заключения способствует использование при его составлении различных стилистических приемов, под которыми следует понимать способы организации письменных, речевых сообщений, а также типизированный отбор языковых средств [4, с. 9].

Изучение практики составления обвинительных заключений позволяет выделить следующие стилистические приемы изложения содержания обвинительного заключения.

1. Установление оптимальной последовательности в изложении обстоятельств и доказательств.

Определяя последовательность изложения фактов и доказательств, необходимо учитывать количество и тяжесть совершенных обвиняемым преступлений, их взаимосвязь, содержание показаний обвиняемого и характер имеющихся доказательств [5, с. 531].

Во многих случаях психологически оправданно начинать изложение фактических обстоятельств дела с описания наиболее тяжкого преступления. Если же, исходя из характера совершенных преступлений, можно более отчетливо понять преступную линию поведения обвиняемого или описание предшествующего преступления облегчает понимание последующих, можно описывать фактические обстоятельства и приводить доказательства в хронологическом порядке, соответствующем времени совершения отдельных преступных действий. Во многих случаях целесообразно вначале привести доказательства, относящиеся к нескольким преступлениям, эпизодам, а также данные, от результатов оценки которых существенно зависит судьба дела. Так, если обвиняемый заявил о своем алиби, о каких-либо признаках имеющегося у него психического заболевания, то желательно сразу же дать анализ доказательств, подтверждающих или опровергающих эти доводы. Оценка подобных фактических данных в середине или конце текста может отрицательно повлиять на восприятие гражданами предшествующих доказательств, ибо слушающий, не получив ответ на существенный вопрос, произвольно будет ожидать его, не уделяя внимания другим аргументам [8].

2. Предварительное формулирование темы сообщения.

Восприятие значительного по объему текста будет более понятным, если вначале сформулировать тезис или иное положение, которое служит своеобразной темой сообщения, а затем привести доказательства или другие сведения, раскрывающие тему. Предварительное изложение доказываемых обстоятельств и других суждений, которые предстоит подтвердить, детализировать, будет выполнять функцию определенной установки, настраивать на восприятие содержания текста, следующего за тезисом.

Затруднено восприятие обвинительного заключения, в котором относительно самостоятельные по смыслу фрагменты начинаются с описания фактических данных или с приведения доказательств, а затем дается обобщение. Например, нередко в описательной части обвинительного заключения вначале приводятся фактические обстоятельства совершения преступления, а затем в краткой форме с использованием уголовно-правовой терминологии указывается сущность содеянного. Такой порядок изложения фактических обстоятельств вынуждает присяжных ожидать, чем это закончится, что не способствует направленности восприятия, особенно в случаях, когда изложение фактических обстоятельств занимает много места в документе.

Нельзя в связи с этим не отметить такой технико-стилистический прием, как использование абзацев. Абзац фактически выполняет функцию названия раздела. Неправильная расстановка абзацев затрудняет чтение текста и его понимание [4, с. 112].

С абзаца может начинаться изложение тезиса, смысловой темы отрывка или эпизода преступной деятельности. Вполне приемлема практика выделения с помощью абзаца каждого нового доказательства.

3. Членение тезисов, фактических данных и других суждений.

Трудно сделать вывод о доказанности (недоказанности) определенных положений, если в одном тезисе указано много обстоятельств, которые необходимо обосновывать. Громоздкий тезис, в свою очередь, вызывает необходимость приведения многих подтверждающих или опровергающих его доказательств. В таких случаях слушателям ставится затруднительная задача самим разобраться, какие именно фактические данные устанавливают определённые обстоятельства.

Для того чтобы текст был понятным и ясным, необходимо расчленять сложные по смыслу тезисы на более краткие. Раскрывая содержание показаний и других доказательств, желательно также расчленить их на отдельные смысловые фрагменты. Так, если обвиняемый виновным себя признал частично, то целесообразно отдельно изложить его показания, выводы, свидетельствующие о признании им вины, и показания, в которых он не подтверждает свою виновность.

4. Отражение связи доказательств с доказываемыми фактами.

К хаотичному изложению фактических данных приводят также недостатки в группировке, систематизации доказательств. Например, формулируется лишь несколько доказываемых положений, имеющих общий характер; излагаются все фактические данные, содержащиеся в одном источнике, независимо от их относимости к определенному доказываемому обстоятельству; доказательства приводятся не в подтверждении объективно существующих фактов, а в значительной степени «привязываются» к фактам, о которых дал показания обвиняемый.

Во избежание бессистемности в изложении доказательств их необходимо группировать по отношению к доказываемым обстоятельствам. При этом один и тот же источник доказательств может приводиться несколько раз, если получаемые из него сведения доказывают различные обстоятельства. Одинаковые по смыслу данные, содержащиеся в различных источниках, могут быть объединены в одно суждение [3].

5. Детализация изложения.

Тому, кто слушает содержание обвинительного заключения, должно быть ясно, в чем конкретно обвиняемый признал себя виновным и какие обстоятельства отрицает. В некоторых обвинительных заключениях в случае частичного признания обвиняемым своей вины конкретизируется лишь та часть показаний, в которых обвиняемый не подтверждает отдельные обстоятельства, или же те показания, которые подтверждают

обвинение. Конкретизация правдивых, по мнению следователя, показаний усиливает систему доказательств, повышает убедительность выводов и решений. Нельзя также не отметить, что, хотя правдивые показания представляются в момент составления документа очевидными, подтвержденными другими доказательствами, такие показания не следует игнорировать, потому что на следующей стадии судопроизводства они могут оказаться неочевидными [1].

Прием детализации состоит в том, что при изложении фактических данных приводятся некоторые детали, способствующие формированию убеждения в достоверности этих данных.

6. Концентрированное изложение фактических данных, обосновывающих доказываемые обстоятельства.

По возможности лучше один раз изложить тезис и подтверждающие (опровергающие) его данные. Снижает психологическое воздействие текста неоднократное обращение в различных его местах к одним и тем же доказываемым обстоятельствам, что, в свою очередь, влечет за собой «рассеивание» доказательств. Наиболее часты, по нашему мнению, случаи возвращения к одному и тому же при опровержении показаний обвиняемого. Например, анализируются доказательства, делается вывод о доказанности обвинения, а в заключительных строках обвинительного заключения вновь говорится о том, что такие-то доводы обвиняемого доводы обвиняемого «не подтверждаются», «опровергаются» и т. п. Тем самым ослабляется вся предшествующая аргументация. У граждан может возникнуть мнение о том, что обвинительное заключение – это изложение дискуссии между следователем с одной стороны и обвиняемым с другой. Но ведь в подобных случаях мало опровергнуть показания обвиняемого, необходимо привести в определенном месте и другие доказательства, подтверждающие его виновность.

Концентрированное изложение доказательств состоит не только в сосредоточении их в одном месте, но и в целенаправленном развертывании всей системы доказательств.

7. Отделение сведений о фактах от результатов оценки этих фактов.

Смешение фактических данных и оценочных суждений отрицательно влияет на достоверность излагаемых данных, строгость их оценки, а также может вызвать сомнение в объективности описания фактов [7]. Нередки случаи такого смешения при записи показаний. Например, в изложении показаний обвиняемого ряд обстоятельств приводится с его слов, в отношении же других используется слово «якобы», при записи показаний свидетеля указывается, что из его показаний «усматривается», после чего фиксируются не только сущность показаний, но и тесно переплетающиеся с ними оценочные суждения.

8. Установление соразмерности в изложении обвинительных и оправдательных доказательств.

Если имеются приблизительно одинаковые по своему объему обвинительные и оправдательные фактические данные, устанавливающие определенные обстоятельства, то проявлением необъективности будет краткое описание одних и подробное – других [2].

9. Установление связи между частями текста.

Направленности восприятия текста обвинительного заключения способствует наличие связи между предыдущим и последующими суждениями, фрагментами текста. При этом имеют значения не только логические связи между ними, но также использование в качестве стилистических средств слов и словосочетаний, устанавливающих эти связи. С этой целью в тексте нередко используются, например, такие сочетания слов: «указанные обстоятельства», «кроме того», «этот вывод подтверждается тем» и т. п. Словосочетания, предложения, служащие для связи суждений, частей текста, не содержат новой информации, но они необходимы для того, чтобы сделать текст более доходчивым.

10. Использование избыточной информации.

В тексте обвинительного заключения не должно быть стилистически неоправданных повторений сведений о фактах и других суждений, а также иной избыточной информации. Но было бы неправильно во всех случаях отказываться от умеренного введения в текст «излишней» информации. Краткость изложения при составлении процессуальных документов состоит не в том, чтобы всегда сокращать текст, написать поменьше, а в том, чтобы каждое слово, предложение были эффективны, способствовали ясности, понятности и убедительности документа [6, с. 104]. Для облегчения восприятия текста необходимо, чтобы в обвинительном заключении имелась информация хотя и относящаяся к делу, но избыточная, т. е. такая, без которой можно было бы обойтись при доказывании вины обвиняемого. Дело в том, что даже отвечающий всем требованиям логики текст может с трудом восприниматься, особенно на слух, потому что он в информационном отношении «перенасыщен». Поэтому стремление к краткости изложения не должно вредить убедительности документа. Такое неоправданное стремление наблюдается при изложении показаний обвиняемого, а также сходных по содержанию фактических данных, устанавливаемых различными источниками. Так, в случаях, когда обвиняемый полностью признает себя виновным, некоторые следователи после описания фактических обстоятельств преступления во избежание повторов не приводят показаний обвиняемого, а пишут, что «обвиняемый виновным себя признал полностью и в своих показаниях подтвердил изложенные выше обстоятельства». Этот способ изложения может и не привести к потере информации, но объективность таких «показаний» неубедительна хотя бы потому, что обстоятельства совершения преступления, на которые делается ссылка, излагаются с использованием лексики делового стиля,

а также правовой терминологии, которые, как правило, не свойственны живым показаниям. Поэтому в таком изложении ни обвиняемый, ни присутствующие в зале судебного заседания «не узнают» показаний. Кроме того, обвиняемый дает показания по устанавливаемым обстоятельствам, а не подтверждает их.

11. Подчеркивание суждений.

Значение существенных обстоятельств, выводов может быть стилистически подчеркнуто. В этих целях могут использоваться такие, например, словосочетания: «...опровергаются еще и тем...», «...подтверждается не только признанием обвиняемого, но и ...», «...как на допросе, так и на очной ставке обвиняемый показал...», «...целиком и полностью подтверждает...» и. т. д.

12. Использование особенностей речи допрошенных лиц.

Для повышения убедительности приводимых показаний желательно пользоваться некоторыми словами и выражениями обиходно-разговорной речи, словами диалектными, просторечными. Могут быть приведены отдельные отрывки показаний допрошенных лиц в таких основных случаях: если необходимо подчеркнуть существенное сообщение допрошенного лица, выраженное в краткой, однозначной и яркой форме; если предметом оценки является не только содержание, но и речевая форма показаний; когда важное сообщение передано допрошенным с чужих слов. Более убедительным будет такой пересказ показаний, в котором без особой необходимости не используется лексика официально-делового стиля. Поскольку разговорной речи свойственно употребление кратких предложений, нежелательно усложнять их синтаксис и в документе.

Один из существенных недостатков в изложении показаний состоит в злоупотреблении средствами официально-делового стиля речи. Так, нередко показания признавшего свою вину обвиняемого по своему стилю почти не отличаются от резолютивной части обвинительного заключения.

13. Правильное использования лексических, грамматических средств языка.

Ясность, понятность, убедительность обвинительного заключения в значительной степени зависят от соблюдения при его составлении языковых норм.

Рассмотренные приемы не исчерпывают перечня средств стилистического характера, использование которых повышает убедительность обвинительного заключения. Закономерная тенденция к стандартизации «языка» обвинительного заключения не может сковывать творческого отношения к речевым средствам, возможности которых неограничены.

Список литературы

1. Белицкий В.Ю. К вопросу о содержании обвинительного заключения // Вестн. Барн. юрид. ин-та М-ва внутр. дел России. 2009. Вып. № 2 (17). С. 49–51.
2. Владыкина Т.А. Нарушение права обвиняемого на защиту при составлении обвинительного заключения // Уголовное право. 2015. № 6. С. 80–85.
3. Гармаев Ю.П. Проверка содержания обвинения, изложенного в обвинительном заключении, и рекомендации по составлению проекта обвинительного приговора // Администратор суда. 2013. № 3. С. 29–33.
4. Голуб. И.Б. Стилистика русского языка. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2017. 448 с.
5. Гриненко А.В. Постатейный научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 968 с.
6. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. 2е изд. М.: Норма: ИНФРАМ, 2018. 496 с.
7. Марихова Н.И. Типичные нарушения, допускаемые органами предварительного расследования, являющиеся препятствием для рассмотрения судом уголовного дела по существу // Молодой ученый. 2018. № 47. С. 95–99.
8. Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 28–33.

Об авторе:

ЛИБОЗАЕВ Дмитрий Петрович – старший преподаватель кафедры уголовного права процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова 33), SPIN-код: 5873-3667, AuthorID: 831116, e-mail: jurfaktver_nauka@mail

STYLISTIC TECHNIQUES FOR DRAFTING AN INDICTMENT

D.P. Libozaev

Tver State University, Tver

The problems associated with the use of stylistic techniques in the preparation of the indictment are considered. Various stylistic methods of presenting the content of the indictment are determined and analyzed and practical recommendations for their application are given.

Keywords: *indictment, stylistic techniques, testimony of the accused, evidentiary information.*

About author:

LIBOZAEV Dmitry – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 5873-3667, AuthorID: 831116, e-mail: jurfaktver_nauka@mail

Либозаев Д.П. Стилистические приемы составления обвинительного заключения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 152–158.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр
судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации,
г. Москва

Рассматриваются основные вопросы организации судебных психологических экспертиз информационных материалов (СПЭ ИМ) как нового направления судебной экспертизы. Роль СПЭ ИМ при расследовании преступлений заключается в установлении фактов психологической природы, связанных с совершением противоправных действий с помощью информационных материалов или электронных средств коммуникации, что позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Раскрываются основания для выбора вида судебной экспертизы и особенности подготовки материалов к исследованию.

Ключевые слова: *судебная психологическая экспертиза, психолого-лингвистическая экспертиза, информационные материалы, назначение экспертизы.*

Эффективность судебно-экспертной деятельности существенно зависит от полноты и качества предоставляемых на экспертизу объектов и ее информационного обеспечения. Накопление информации, ее постоянное усложнение обуславливают привлечение экспертом различных информационных ресурсов, обеспечивающих результативность и объективность его деятельности. Поэтому повышается роль информационного обеспечения судебной экспертизы. В качестве основных блоков оно включает такие виды обеспечения, как организационно-правовое, научно-методическое (научные знания и методы; архивы, фонды, экспертные базы данных, Интернет, экспертные методики) и техническое [12]. Рассмотрим основные особенности блока организационно-правового регулирования.

Судебная экспертиза назначается в случаях, когда требуются специальные знания в области науки, техники, искусства, ремесла (ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4]). Общеправовое основание назначения судебной экспертизы и его частное основание, отражающее специфику конкретной задачи и потенциальную доказательственную

значимость результатов экспертизы, позволяют определить сферу специальных знаний и вид судебной экспертизы. Психологическое исследование информационных материалов является новым направлением, осуществляется как в виде однородной судебно-психологической, так и комплексной психолого-лингвистической экспертизы в зависимости от конкретных задач [16]. Основанием назначения экспертизы является необходимость установления имеющих значение для принятия решения по делу фактов психологической природы, которые относятся к содержанию и направленности информационных материалов, используемых при совершении правонарушения, либо коммуникативных действий, зафиксированных на электронных носителях. Именно содержание и направленность материалов имеют значение для их правовой оценки.

В настоящее время потребность в психологическом исследовании информационных материалов возникает при расследовании преступлений различного состава: по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (ст. 280, 280.1, ч. 1 ст. 205.2, ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК РФ), совершением развратных действий с помощью Интернета (ст. 135 УК РФ), коррупционными преступлениями (ст. 290, 291 УК РФ), доведением и склонением к самоубийству (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ), рекламой наркотиков (ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3], пропагандой нацистской символики (ст. 20.3 КоАП), нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 КоАП РФ), распространением информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних [7]. Виды судебной экспертизы могут классифицироваться как по категории дела, так и по предмету экспертного исследования [15]. Круг задач экспертизы одного предметного вида является типовым, определяется его доказательственным значением, ограничен пределами специальных знаний и процессуальными полномочиями эксперта. Рекомендуемые вопросы к экспертам размещаются в ведомственных изданиях и на официальных сайтах государственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ), в частности на официальном сайте ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, который является головным научно-методическим учреждением системы СЭУ Минюста России. Вскоре такая информация будет доступна на едином сайте СЭУ Минюста России.

Судебно-психологическая экспертиза по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях, а равно комплексные экспертизы с участием психолога входят в перечень видов судебных экспертиз, установленный Правительством Российской Федерации, которые могут выполняться только в государственных судебно-экспертных учреждениях [11].

В компетенцию эксперта не могут входить вопросы правового характера и те, разрешение которых невозможно на современном уровне развития науки. Это отмечено Верховным Судом России: «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается. Перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи...» [9, п. 4].

В компетенцию эксперта входит установление юридически значимых свойств информационного материала, которые получили отражение в исследуемом объекте, его контексте и коммуникативной ситуации. Экспертом может быть установлена только та цель автора, которая выражена в информационном материале, в речи или коммуникативных действиях, а не цель или мотив противоправной деятельности, если таковые в явном виде не сообщены говорящим. Предметом экспертизы информационных материалов не могут являться:

- умысел участников коммуникации, автора исследуемого информационного материала (как квалифицирующий признак субъективной стороны деяния) и мотив совершения деяния;
- оказанное воздействие на неопределенную аудиторию;
- правдоподобие сообщаемой информации («психологическая достоверность» «психологические признаки достоверности», признаки искажения сообщаемой информации, конструирования ложных сообщений, скрываемых обстоятельств) [19]. Последнее касается сведений, сообщаемых в любой процессуальной или непроцессуальной форме [17].

При определении вида экспертизы целесообразно исходить из положений, связанных с объемом специальных знаний экспертов лингвиста и психолога. Объектами лингвистической экспертизы являются материалы, имеющие звучащую и визуальную форму, обязательно содержащие речь (устную или письменную) на русском языке, объектами психологической экспертизы – материалы, фиксирующие коммуникативную деятельность субъекта или используемые им, независимо от кода (речевого, неречевого). На психолого-лингвистическую экспертизу, как правило, направляются материалы, имеющие совокупность вербальной и невербальной информации. Показания к назначению такой экспертизы:

- коммуникация невербальная преимущественно или полностью;

– установлению подлежат: не выраженные в речи (языковыми средствами) коммуникативные цели и социально-психологическая направленность материала, признаки психологического воздействия.

Одним из важных этапов организации судебной экспертизы является подготовка материалов и объектов для ее производства. От качества подготовительной работы зависят полнота и всесторонность исследования, надежность результатов. Ряд необходимых действий по подготовке материалов к исследованию может совершить только лицо, назначающее экспертизу.

Исследованию подлежат информационные материалы на русском языке, а также имеющие короткие словесные составляющие не на русском языке (их значение, как правило, общеизвестно либо составляет фоновые знания эксперта (нацистские, расистские лозунги и приветствия и др.). Если язык оригинального текста не является русским (например, звучащие тексты на арабском, таджикском языках), эксперту необходимо предоставить его официально заверенный перевод. В таком случае будет исследоваться текст объекта в переводе (с указанием данных переводчика и источника перевода).

Объекты, размещенные в информационном пространстве, должны быть извлечены из него. Эксперту должен быть предоставлен акт осмотра предметов или интернет-ресурсов и цифровой носитель информации с зафиксированными на нем объектами. В акте осмотра должно быть отражено, где объекты были обнаружены, как к ним получен доступ. Пленумом ВС РФ указано, что «при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней..., следует учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней» [10]. Эти же положения содержатся в методике судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [14]. Поэтому объект экспертизы должен быть зафиксирован в контексте употребления (размещения), например, вместе с сопровождающими комментариями, подписями, публикациями или высказываниями других пользователей, а также публикацией, послужившей информационным поводом. При исследовании сайта или личного кабинета (аккаунта) пользователя экспертам должна быть предоставлена отображаемая на момент осмотра веб-страница с текстом и изображениями либо электронная копия содержимого веб-сайта с сохраненной внутренней структурой.

Учитывая изменчивость электронных объектов, содержащиеся на них письменные доказательства могут быть зафиксированы с помощью специалиста в области компьютерных технологий и представлены в электронном виде.

Для исследования видеоматериалов требуется предоставить в

распоряжение эксперта зафиксированный на цифровом носителе видеофайл с изложением информации о коммуникативной ситуации, обстоятельствах его распространения и актом прослушивания и осмотра видеофайла с дословной фиксацией устного текста.

Материалы, выявленные в сети Интернет, сопровождаются в документе о назначении экспертизы названием, именем пользователя, указанием на автора, сведениями о начале и окончании текста, адресом электронного ресурса, а также полной датой и временем обнаружения и фиксации.

При необходимости исследования информации, извлеченной из мобильных устройств, экспертам должны быть предоставлены данные в пригодном для просмотра и анализа виде (коммуникация представляется в хронологическом порядке и разделенной по коммуникантам). Аналогичные требования относятся к форме представления информации, извлекаемой из личных переписок и чатов социальных сетей.

При постановке вопросов к экспертам следует избегать формулировок «в представленных материалах», а конкретизировать объекты исследования. Либо сопровождать вопрос уточнением: если содержится, то в каких именно объектах? Объекты должны быть перечислены и поименованы в документе, инициирующем проведение экспертизы.

В работе эксперт использует различные информационные ресурсы и средства (в том числе лингвистические, правовые, организационные в виде словарей, баз данных, методик, пособий, методических рекомендаций, справочной информации). Доступность источников информации различна (ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон № 149-ФЗ) [6]. Неограничен доступ к нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина; о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан и организаций такой информацией; иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена федеральными законами (ст. 8 Федерального закона № 149-ФЗ).

Значимой в целях экспертизы является информация об авторе и публикаторе материала, которая может быть общедоступной, иметь характер публичных данных, а может иметь ограниченный доступ, быть доступна только правоохранительным органам. В первом случае эксперт может получить информацию из открытых источников (например, данные о СМИ, веб-сайте, писателе, политике, общественном деятеле; политической, общественной организации и др.). К такой информации

относятся также сведения, содержащиеся в Федеральном списке экстремистских материалов, размещенном на официальном сайте Минюста России, в Перечне некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [5], Едином федеральном списке организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими), Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, справочно-правовых системах.

В случае ограниченного или закрытого доступа к информационному ресурсу необходимая информация должна быть предоставлена эксперту инициатором судебной экспертизы. Это могут быть справки об авторе материала, организации, вступившие в законную силу судебные акты и другие документы. Необходимые сведения запрашиваются экспертом процессуально (ч. 3 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [2].

Информационному обеспечению производства СПЭ ИМ также способствует научно-методическое обеспечение, в которое входят экспертные методики и методические рекомендации [13, 14 и др.], а также разрабатываемый государственный стандарт «Судебно-психологическая экспертиза информационных материалов. Термины и определения», который вскоре будет представлен для обсуждения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (с изм. и доп. от 01.07.2021 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от

информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 11.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.11.2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и от 28 июня 2011 года № 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 г. № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009. 486 с.

13. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий: влияние на содержание показаний. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 52 с.

14. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

15. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118> (дата обращения: 21.12.2021).

16. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14 (1). С. 35–43 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43> (дата обращения: 21.12.2021).

17. Секераж Т.Н. Современные возможности судебной психологической и комплексной экспертизы при исследовании видеозаписей процессуальных и непроцессуальных действий // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. № 16 (1). С. 100–113 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-100-113> (дата обращения: 21.12.2021).

18. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 98–107 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-4-98-107> (дата обращения: 21.12.2021).

19. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и [др.] Информационное

письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 64–73 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-64-73> (дата обращения: 21.12.2021).

Об авторе:

СЕКЕРАЖ Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы Федерального бюджетного учреждения Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России) (109028, Москва, Хохловский пер., д. 13, стр.2), SPIN-код: 2446-6908, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

SOME FEATURES OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL REGULATION AND INFORMATION SUPPORT OF FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF INFORMATION MATERIALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

T.N. Sekerazh

Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice,
Moscow

The article deals with the main issues of the organization of psychological analysis of information materials as a new direction of forensic examination. The role of the forensic psychological examination of information materials in the investigation of crimes is to establish facts of a psychological nature associated with the commission of communicative actions which allows you to establish the circumstances to be proved. The grounds for the type of examination and the specifics of the preparation of materials and objects for research are revealed.

Keywords: *forensic psychological examination, psychological and linguistic examination, information materials, appointment of expertise.*

About author:

SEKERAZH Tat'yana – PhD in Law, associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (109028, Moscow, Khokhlovsky l., 13/2). SPIN-code: 2446-6908, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Секераж Т.Н. Некоторые особенности организационно-правового регулирования и информационного обеспечения судебных психологических экспертиз информационных материалов в уголовном процессе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 159–166.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТОВАРА В НЕЗАВЕРШЕННОМ, РАЗОБРАННОМ ВИДЕ ДЛЯ ТАМОЖЕННЫХ ЦЕЛЕЙ

Ю.Б. Субботин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются проблемные аспекты практики таможенного контроля товаров, поставляемых в незавершенном, разобранном виде. От правильной классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), представляемых в подобном виде для таможенного декларирования, зависит применение мер тарифного и нетарифного регулирования. Невозможность однозначной формализации ТН ВЭД в таких ситуациях часто приводит к отсутствию единообразного подхода в интерпретации товаров для таможенных целей и судебным спорам.

Ключевые слова: таможенный контроль, классификация товара, товар в некомплектном, незавершенном виде, основное свойство комплектного, завершенного товара.

Для классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД) за основу формирования национальной структуры упомянутой номенклатуры товаров взята Гармонизированная система описания и кодирования товаров, практикующаяся в странах мирового рынка, участвующих во внешнеэкономической деятельности. Это обстоятельство должно упрощать взаимодействие международных партнеров, в том числе с точки зрения единообразного понимания и тождественного описания идентичных товаров.

Однако в практике таможенного контроля правильности классификации товаров встречаются случаи, когда в силу различных субъективных подходов к решению одной и той же задачи можно получить разный результат. Причем каждый из вариантов решения задачи нельзя назвать ошибочным, так как он имеет собственное обоснование.

Технология электронного декларирования товаров, которая с недавнего времени была внедрена в практику таможенного оформления и контроля, позволяет ускорить процессы подачи таможенной декларации на товары, контроля и выпуска товаров, взаимодействовать таможенному органу с заинтересованными лицами, имеющими отношение к товару, с иными государственными органами контроля на основе безбумажного документооборота, сориентировать на применение определенных форм таможенного контроля.

Однако в рамках этой технологии невозможно формализовать принятие решения искусственным интеллектом в части классификации товара. Данное решение зависит от ряда индивидуальных признаков по каждому товару, которые, в свою очередь, могут быть связаны с иными факторами, признаки

которых проявляются только в ходе контроля, запрограммировать которые изначально не представляется возможным.

Классификация товара, между тем, имеет решающее значение для принятия по нему мер тарифного и нетарифного регулирования, решения о выпуске товара.

Особо сложный случай для классификации товара может иметь место при его декларировании в незавершённом, разобранном виде.

Применение основного правила 2а интерпретации ТН ВЭД основано на том, что «любая ссылка в наименовании товарной позиции на какой-либо товар должна рассматриваться и как ссылка на такой товар в некомплектном или незавершенном виде при условии, что, будучи представленным в некомплектном или незавершенном виде, этот товар обладает основным свойством комплектного или завершённого товара, а также должна рассматриваться как ссылка на комплектный или завершённый товар, представленный в несобранном или разобранном виде» [1].

Примечательно, что сами правила интерпретации ТН ВЭД служат для юридических целей как в нашей стране, так и за рубежом. С их использованием можно формировать доказательную базу правильности классификации того или иного товара. Однако в тексте правила 2а отсутствует четко сформулированный юридический барьер, перешагнув который можно перейти от кодирования товара по его частям к коду товара завершённого. В данном случае могут складываться пограничные ситуации, где разные эксперты субъективно могут оказаться в разных сторонах от упомянутого барьера, трактуя каждый по-своему понятие «основное свойство комплектного или завершённого товара».

В качестве примера из практики можно привести декларирование товара «система кондиционирования воздуха», представленного в незавершенном, разобранном виде в составе одного чиллера (холодильной машины) и одного фанкойла (вентиляторного доводчика), неоднократно декларируемого в таможенные одной известной фирмой.

Данный товар был классифицирован декларантом, в соответствии с правилом интерпретации 2а, в качестве установки для кондиционирования воздуха, представленной в незавершенном, разобранном виде, в товарной позиции ТН ВЭД с нулевой ставкой ввозной таможенной пошлины.

Исходя из технической документации, представленной на момент декларирования, было установлено, что подобные установки кондиционирования в административных зданиях, на предприятиях, в торговых центрах представляют собой единую систему только после их монтажа с увязкой (врезкой) в общую систему водоснабжения с соответствующей насосной группой.

Таким образом, на момент таможенного декларирования фактически были представлены части установки для кондиционирования, которые должны были классифицироваться в своих собственных отдельных товарных позициях, причём холодильная машина – в товарной позиции, облагаемой 10 % ставкой ввозной таможенной пошлины.

Несмотря на очевидный экономический ущерб от недоплаты причитающихся таможенных платежей, декларант занял позицию по представлению товара в незавершенном, разобранном виде, обладающего свойствами завершённого, собранного товара.

Данная позиция кажется весьма спорной, так как на момент таможенного декларирования говорить об установке в виде системы невозможно, так как система по своему определению представляет собой ряд взаимосвязанных, взаимодополняющих элементов, находящихся во взаимодействии и подчиненных выполнению одной определенной цели.

Чиллеры, как правило, устанавливаются на крыше здания, а фанкойлы распределены по помещениям, причем одна холодильная машина обеспечивает по своей мощности десятки фанкойлов, а в представленном соотношении (один к одному с фанкойлом) на практике не применяется.

Со всей очевидностью, данные компоненты предназначались для реализации на внутреннем рынке вне связи друг с другом.

Таким образом, чиллер и фанкойл по документам на товар в каждой поставке были сгруппированы попарно в качестве «системы», чтобы обнулить ввозную таможенную пошлину на чиллер, классифицируя его под «прикрытием» установки в незавершенном, разобранном виде.

Хотя таможене не удалось доказать свою позицию в ходе судебного спора в связи с отсутствием юридически закрепленных четких критериев интерпретации товара «в незавершенном, разобранном виде», в последующем подобные поставки прекратились.

В качестве критерия, характеризующего основное свойство завершенного товара, могла бы быть принята предельная доля стоимости декларируемых компонентов системы в общей стоимости установки для кондиционирования, применяемой на практике.

Таким образом, в основу интерпретации товаров для таможенных целей, представляемых в незавершенном, разобранном виде, обладающих свойствами комплектного, завершенного товара, следует заложить и юридически закрепить стоимостной критерий декларируемых товаров, что позволит исключить коррупционную составляющую при принятии соответствующих решений.

Список литературы

1. Основные правила интерпретации ТН ВЭД [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/directions_files/221/221421cb54562d37038e1002e38383c3.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

Об авторе:

СУББОТИН Юрий Борисович – кандидат технических наук; доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

INTERPRETATION OF GOODS IN UNACHIEVED, PARSED TYPE FOR CUSTOMS INTEGER

Y.B. Subbotin

Tver State University, Tver

The problematic aspects of the practice of customs control of goods supplied in an unfinished, disassembled form are analyzed. The application of tariff and non-tariff regulation measures depends on the correct classification of goods in accordance with the Commodity Nomenclature for Foreign Economic Activity (TN VED), presented in this form for customs declaration. formalization of TN VED in such situations often leads to a lack of a uniform approach in the interpretation of goods for customs purposes and litigation.

Keywords: *customs control, classification of goods, goods in incomplete, unfinished form, the main property of a complete, completed goods.*

About author:

SUBBOTIN Yuriy – a candidate of the technical sciences; the assistant professor of the pulpit to constitutional, administrative and customs right of Tver State University (170100, Russia, Tver, Zheljabova st., 33); eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Субботин Ю.Б. Интерпретация товара в незавершенном, разобранном виде для таможенных целей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 167–170.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

А.В. Щербаков

Академия права и управления ФСИН России
(Псковский филиал), г. Псков

Система отношений в области патентного права заслуживает особого внимания в гражданско-правовом законодательстве. В современных реалиях стремительно возрастает количество прорывов в промышленном производстве и изобретений в иных сферах жизнедеятельности человека и общества. Для того чтобы изобретатель был уверен в охране своих интеллектуальных прав, в законодательство были введены нормы, регулирующие правовые отношения патентных прав, способы их реализации и защиты. Автором обозначены проблемы реализации патентных прав отдельной категорией граждан – отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, не дающие им в полной мере осуществлять их патентные права, и определены оптимальные возможности для их реализации.

Ключевые слова: патентное право, осужденные, интеллектуальная деятельность, места лишения свободы.

В целом, уровень патентования в России гораздо ниже относительно текущих лидеров по патентам, таких мировых держав, как США, Германия, Китай. Стоит отметить, что в странах, занимающих призовые места в мире по количеству патентов, постоянно происходит пересмотр текущих норм правового регулирования института патентования [1, с. 81–83]. Например, в связи с недавно возникшей пандемической ситуацией, вызванной появлением нового вируса COVID-19, в новое гражданское законодательство Китая были внесены изменения и дополнения, касающиеся порядка и условий патентования новых лекарственных препаратов и средств дезинфекции.

Это позволяет более рационально принимать решения по допуску лекарств к общественному применению и обезопасить общество от вредных и опасных для жизни и здоровья препаратов. Если рассматривать количество реализованных патентных прав спецконтингентом, находящимся в условиях строгой изоляции в пенитенциарных учреждениях нашей страны, можно констатировать тот факт, что данный институт гражданского права не находит своего применения в полной мере [2].

Имеются неоднократные случаи получения патентов в сфере производства в деятельности отечественного пенитенциарного ведомства с помощью изобретений осужденных. Анализ имеющейся

статистики 2016 г. позволяет сформулировать и сгруппировать основные познания в области изобретений, которые были сделаны осужденными за последние 20 лет, – 22 промышленных результата в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), из них: 12 изобретений, 6 полезных моделей и 4 промышленных образца. Пять патентов остались действительными с 1 февраля 2016 г. [3, с. 39].

К таким результатам интеллектуальной деятельности относятся: изобретения «Колесно-пальчиковые грабли» и «Грабли-ворошилки» (ФКУ ИК-2 УФСИН России по Рязанской области) [4, с. 9–13], полезная модель «Сувенирный шар» (ФКУ ИК-6 УФСИН России по Смоленской области). Спецконтингент, находящийся в местах лишения свободы, а также граждане, приговоренные судом к наказаниям, не связанным с лишением свободы, не могут быть ограничены в интеллектуальных правах, в том числе в праве на изобретательство.

Граждане, совершившие уголовные преступления и отбывающие за них наказания в местах лишения свободы, не могут быть ограничены в личных неимущественных правах на селекционные достижения и топологии интегральных микросхем. Но для создания других видов промышленных изобретений, таких как культуры клеток животных или растений или штаммы микроорганизмов, на территории исправительных учреждений не существует специальных лабораторий, что говорит нам о невозможности реализации таких изобретений. Изучение специальной литературы по теме исследования позволяет утверждать, что указанные права реализуются только при возникновении производственных отношений по поводу данных объектов. Однако граждане, приговоренные судом к альтернативным видам наказания, такими правами могут обладать в полном объеме.

Следует также отметить, что при получении результатов интеллектуальной деятельности осужденными на производстве, они приобретают только личные неимущественные интеллектуальные права на такие изобретения. Законодатель приравнивает такие результаты к служебным достижениям (ст. 1370 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Следовательно, изобретения подготовленные лицами из их числа, будут принадлежать пенитенциарному ведомству.

Изучая результаты интеллектуальной деятельности осужденных, можно смело заявлять, что на сегодняшний день в отечественном пенитенциарном ведомстве существуют серьезные проблемы, во-первых, по реализации патентных прав спецконтингентом, а во-вторых, по их гражданско-правовому регулированию, которое практически отсутствует.

Как справедливо в своих научных работах отмечают А.Р. Аюпова и Н.Г. Хабиров, в отечественном гражданском законодательстве не

существует отдельных норм, которые обозначали бы порядок действий для осужденных, отбывающих уголовные наказания в пенитенциарных учреждениях, которые желали бы воплотить свои творческие идеи и получить на них патент [5].

Нельзя оставить без внимания и такую проблему, как специфическая атмосфера, из-за которой осужденному проблематично реализовать свои творческие идеи в научный проект «изобретение» для его презентации в федеральный орган (это одно из условий принятия изобретения для получения на него патента), так как:

1) затруднено нахождение в обособленном месте осужденного с определенным количеством предметов, необходимых для изобретения;

2) разрешено использовать лишь определенные предметы и вещи;

3) режим, установленный в пенитенциарном учреждении, который не позволяет творчески реализоваться личности осужденного (свободное время, время нахождения у необходимого станка для производства изобретения и т.п.).

Для унаследования патентных прав нужно придерживаться определенных жестких правил [6]. Сегодня процесс является определенно сложным не только для лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, но и для обычных граждан. Изучая образ жизни осужденных, находящихся в местах строгой изоляции от общества, можно задаться таким вопросом, как им реализовывать свое патентное право.

Гражданско-правовое законодательство предусматривает услуги патентного поверенного, что делает менее трудоемкой процедуру получения патента (ст. 1247 ГК РФ).

В нашей стране законодательно закреплён данный статус в отдельном Федеральном законе от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных».

Достаточно важным фактором является то обстоятельство, что заявитель в патентных ведомствах каждой юрисдикции имеет право выбрать патентного поверенного, зарегистрированного в данной юрисдикции. Такое лицо вправе представлять доверителей не только в Роспатенте, но и в судебных спорах (за исключением уголовных процессов). Также исследованием установлено, что патентный поверенный должен иметь высшее образование, но не обязательно юридическое, хотя такое требование может быть установлено для иных лиц, представляющих интересы в судах.

С патентным поверенным осужденный может заключать договор об оказании услуг или договор поручения. И главным условием, которое отмечено в отечественном гражданском законодательстве, является заключение договора поручения и выдача доверителем поверенному доверенности на совершение действий, обусловленных договором поручения (п. 1 ст. 975 ГК РФ).

Нотариальное удостоверение доверенности является обязательным критерием для ее использования. В соответствии с отечественным гражданским законодательством (п. 3 ч. 2 ст. 185.1 ГК РФ) доверенность лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, удостоверенная начальником соответствующего исправительного учреждения, приравнивается к нотариально удостоверенной, через начальника исправительного учреждения можно ее заверить абсолютно бесплатно.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, обладают такими же правами заниматься интеллектуальной деятельностью, как и обычные граждане нашей страны.

2. Их права прямо не ограничиваются законом, однако нередко возникают проблемные случаи, мешающие реализации права на изобретение, основной причиной являются условия отбывания наказания.

3. Правовое регулирование гражданско-правовых отношений с участием осужденных должно носить комплексный характер, поскольку осуществляется не только гражданским, но и уголовно-исполнительным законодательством.

4. Осужденные лишены части своих гражданских прав, а кроме того из-за отбывания наказания ограничены или лишены возможности пользоваться имеющимися правами. Эти ограничения полностью соответствуют целям уголовного наказания и являются адекватной мерой в ответ на совершение осужденными преступных деяний (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)).

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством (ч. 8 ст. 12 и ч. 4 ст. 89 УИК РФ) для оказания юридической помощи осужденному предусмотрены краткосрочные свидания с лицами, имеющими право оказывать такую помощь. Имея свой определенный пенитенциарный опыт по оказанию правовой помощи осужденным, автором отмечается, что патентные поверенные могут не иметь высшего юридического образования, однако в большинстве случаев администрацией исправительных учреждений в краткосрочных свиданиях с данным лицом будет отказано, что заставляет осужденных вынужденно обращаться к третьим лицам для реализации своих патентных прав.

К сожалению, ФСИН России и Роспатент никак не взаимодействуют между собой в патентовании изобретений, от этого партнерского соглашения данные ведомства только бы выиграли, в связи с чем появляется необходимость рассмотреть вопрос на законодательном уровне о возможном сотрудничестве. Также исследованием установлено, что сегодня для спецконтингента, находящегося в местах лишения

свободы, основной проблемой является установленный режим отбывания наказаний, в связи с чем необходимо внести поправки именно в уголовно-исполнительное законодательство, после которых у лиц, занимающихся интеллектуальной деятельностью, должна появиться возможность воплощать свои промышленные идеи в специально отведенное время. Предлагаемые изменения сводятся к корректировке и реализации патентных прав отдельной категорией граждан, находящихся в пенитенциарных учреждениях при отбывании уголовных наказаний в виде лишения свободы.

Для повышения мотивации осужденных к созданию промышленных изобретений, а так же в случае успешной реализации патентных прав, администрации исправительных учреждений представляется целесообразным учитывать подобную деятельность при решении вопросов об условно-досрочном освобождении или замене не отбытой части наказания более мягким видом.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность интеллектуальной деятельности граждан, нарушивших законодательство Российской Федерации и отбывающих уголовные наказания в отечественных пенитенциарных учреждениях.

Список литературы

1. Аюпова А.Р. Некоторые проблемы российского патентного права // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11 (53). Ч. 1. С. 81–83.
2. Агентства интеллектуальной собственности получают прибыль от заключенных, стремящихся сократить свои сроки // Global Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/903850.shtml> (дата обращения: 02.08.2021).
3. Бармашов В.И. Проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности: сборник материалов круглого стола. 30 марта 2016 г. / отв. ред. и авт. предисл. В.В. Трофимов. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 38–41.
4. Владимирова О.А. Роль институтов представительства и доверенности в деятельности УИС // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5. С. 9–13.
5. Государственная регистрация изобретения и выдача патента на изобретение, его дубликата // Роспатент - Федеральная служба по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru> (дата обращения: 03.07.2021).
6. Мировые показатели деятельности в области интеллектуальной собственности: в 2018 году число заявок на регистрацию патентов, товарных знаков и промышленных образцов достигло рекордных уровней // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/pressroom/ru> (дата обращения: 01.07.2021).

Об авторе:

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент; начальник кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе; Псковский филиал Академии ФСИН России, (Россия, г. Псков, Зональное шоссе, 28); SPIN-код: 5789-1236, AuthorID: 745265, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE IMPLEMENTATION OF PATENT RIGHTS BY PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

A.V. Shcherbakov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service
of Russia (Pskov branch), Pskov

The Institute of Patent Law occupies a special place in civil law relations. In modern realities, the number of breakthroughs in industrial production and inventions in other spheres of life is rapidly increasing. In order for the inventor to be confident in the protection of his intellectual rights, the norms regulating the legal relations of patent rights, ways of their implementation and protection were introduced into the legislation. The author identifies the problems of the implementation of patent rights by a separate category of convicts serving a criminal sentence in the form of imprisonment, which do not allow the convicts to fully exercise their patent rights, and determines the optimal opportunities for their implementation.

Keywords: *patent law, convicts, intellectual activity, places of imprisonment.*

About author:

SHCHERDAKOV Andrey – PhD in Law, associate professor; Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch) (Russia, Pskov, Zonal highway, 28), head of the Department of organization of the regime and operational-search activity in the UIS; SPIN-code: 5789-1236, AuthorID: 745265, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

Щербаков А.В. Правовая характеристика реализации патентных прав осужденными к лишению свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 171–176.

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья обозначает позицию автора, выраженную в рамках общественных консультаций доклада Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры». Анализируется соответствие положений доклада документам стратегического планирования Российской Федерации. Автор выражает несогласие с предложенной регулятором стратегией запрета операций с криптовалютами на территории РФ. Формулируются конкретные направления правового регулирования в сфере выпуска, обращения, а также налогообложения криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюты, майнинг, цифровая валюта, финансовые технологии, налогообложение операций с цифровыми валютами.

Проблемы правового регулирования криптовалют являются одними из самых актуальных в сегодняшней правовой системе. Как верно отмечается Банком России, в последний год в мире наблюдается стремительный рост рынка криптовалют. В частности, по данным ЦБ РФ, объем сделок российских граждан с криптовалютами ежегодно оценивается в 5 млрд долларов США. При этом Россия относится к числу мировых лидеров майнинговых мощностей [20].

В своем докладе от 20 января 2022 г. «Криптовалюты: тренды, риски, меры» [20] (далее – доклад) Банк России высказал обеспокоенность в отношении имеющейся ситуации, поскольку, по мнению регулятора, распространение криптовалют создает существенные риски для благосостояния россиян, стабильности финансовой и банковской систем РФ, а также ограничивает возможности государства по противодействию противоправной деятельности.

В этой связи, как полагает регулятор, необходимо осуществить следующие меры, общим вектором которых должен стать запрет на использование криптовалют на территории Российской Федерации. В частности, в докладе Банком России предлагается:

1. Ввести запрет на организацию выпуска и (или) выпуск, организацию обращения криптовалюты и установить ответственность за его нарушение; отдельно озвучивается предложение о запрете майнинга криптовалют как вида деятельности, влекущего непроизводительный расход электроэнергии и формирующего инфраструктуру для проведения операций с криптовалютами;

2. Ввести запрет на вложения финансовых организаций в криптовалюты и связанные с ними финансовые инструменты, а также запрет на использование элементов российской финансовой инфраструктуры для операций с криптовалютами и установить ответственность за нарушения данного запрета.

3. Ввести ответственность за нарушение запрета на использование криптовалют в качестве средства платежа для резидентов РФ [20].

Обнародование доклада вызвало горячий отклик общественности [23], в связи с чем органы публичной власти [24, 26] также оперативно обозначили свою позицию по спорной проблеме.

В частности, Минцифры России, в целом разделяя обеспокоенность регулятора о наличии рисков финансирования посредством криптовалют противоправной деятельности и построения финансовых пирамид, вместе с тем указало на важность дальнейшего развития блокчейн-индустрии в РФ, поддержки российской ИТ-отрасли [21].

В свою очередь, Правительством Российской Федерации была подготовлена «дорожная карта» концепции регуляторно-ограничительного режима операций с криптовалютами на территории страны [22].

В связи с возникшей дискуссией полагаем целесообразным определить степень соответствия позиций сторон документам стратегического планирования Российской Федерации в сфере финансовых технологий.

К таковым прежде всего относится национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [13], реализация которой обеспечивает достижение стратегически важных задач, обозначенных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6], а также Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г. [12] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», взаимоувязанная и взаимообусловленная с другими государственными программами РФ (например, такими как «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [9], «Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)» [11], «Экономическое развитие и инновационная экономика» [8], «Информационное общество» [7] и иными) реализуется до 2024 г. и включает в себя шесть федеральных проектов, одним из которых является проект «Нормативное регулирование цифровой среды».

Применительно к ИТ-отрасли также хотелось отметить Стратегию развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г., определившую базовые принципы, цели и задачи развития отрасли информационных

технологий, а также основные направления такого развития, в частности: стимулирование работы высококвалифицированных специалистов ИТ-отрасли в России, популяризация информационных технологий как сферы деятельности, улучшение условий развития ИТ-бизнеса, в том числе за счет бюджетных средств и инвестиций и иные [10].

Однако, на наш взгляд, важнейшим документом в ряду обозначенных является Перечень поручений Президента РФ по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере от 10 октября 2017 г. Пр-2132 [14]. В указанном акте Правительству РФ совместно с Банком России поручалось обеспечить внесение в законодательные акты РФ изменений, предусматривающих:

1) определение статуса цифровых технологий, их понятий (в том числе «технология распределенных реестров», «криптовалюта»);

2) установление требований к организации и осуществлению производства, основанного на принципах криптографии в среде распределенных реестров («майнинг»), включая регистрацию хозяйствующих субъектов, осуществляющих такую деятельность, а также определение порядка её налогообложения;

3) регулирование публичного привлечения денежных средств и криптовалют путем размещения токенов по аналогии с регулированием первичного размещения ценных бумаг.

В целях реализации данного поручения, иных документов государственного стратегического планирования ЦБ РФ в 2018 г. были приняты Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов [15]. При этом в качестве одного из основных направлений деятельности Банка России в области финансовых технологий было определено осуществление надлежащего правового регулирования данной сферы, которое предполагалось системным, гибким и адаптивным с точки зрения создания необходимых условий для применения передовых финансовых технологий, а также с точки зрения совершенствования механизмов защиты прав потребителей цифровых финансовых услуг.

Таким образом, документами стратегического планирования Российской Федерации поступательное развитие отрасли информационных технологий определяется в качестве одной из приоритетных государственных задач, в связи с чем системное, гибкое и адаптивное правовое регулирование информационных технологий, в том числе в финансовой сфере, также является важнейшей целью государственной политики.

Как представляется, наличие фактических экономических отношений, связанных с правами на криптовалюты, их обращением, а также майнингом, с участием резидентов Российской Федерации является очевидным. Данное обстоятельство делает не только целесообразным, но и безусловно необходимым наличие

соответствующего правового регулирования. Вместе с тем необходимо признать, что должное правовое регулирование отсутствует.

Прежде всего в настоящий момент законодательство не закрепляет легальное определение криптовалют. Регулятор для целей доклада отнес к ним необеспеченные криптовалюты и стейблкоины, включающие цифровые валюты, а также цифровые финансовые активы, которые могут использоваться в иностранной юрисдикции для платежей. Однако при формулировании дефиниции «криптовалюта» подлежат учету нормы не только Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], но и таких нормативных актов, как Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2], Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3], Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4], в которых цифровая валюта обозначена как имущество, объект прав, отсутствующий, однако, в этом качестве в Гражданском кодексе Российской Федерации [1].

Хотя вопросы организации выпуска, непосредственного выпуска (майнинга) и обращения криптовалют не урегулированы в российском законодательстве, ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ закрепляет основные направления такого регулирования. В этой связи позиция Правительства РФ и Минфина РФ по детализации указанных положений применительно к криптовалютам соответствует документам стратегического планирования Российской Федерации и заслуживает всяческой поддержки.

Примечательно, что в Государственной Думе Федерального Собрания РФ с декабря 2020 г. находится на рассмотрении проект Федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [17]. Согласно законопроекту, цифровая валюта признается имуществом, устанавливаются правила ее налогообложения и порядок амортизации в этих целях. Предусматривается обязанность лиц, имеющих право распоряжаться цифровой валютой, информировать налоговые органы о наличии такого права, представлять отчет об операциях и об остатках цифровой валюты и пр. Также проектом предусматривается введение нового состава налоговых правонарушений, а именно «Неуплата или неполная уплата сумм налога по операциям, расчеты по которым осуществлялись с использованием цифровой валюты». Предполагаем, что внесение указанных изменений в НК РФ будет являться значимым событием как для налоговой системы РФ, так и для финансового рынка России.

Что касается майнинга как отдельного вида экономической деятельности, полагаем возможным присоединиться к позиции ведомств, предлагающих признать первый в качестве предпринимательской деятельности, с необходимостью нормативного регулирования порядка ее осуществления, присвоением соответствующего ОКВЭД и регламентацией порядка налогообложения. В целях последнего возможно использование опыта государств – членов Евразийского экономического союза, например, Республики Казахстан [25, с. 67–75] или Республики Беларусь [16].

Определенный исследовательский интерес в этой связи представляет также Проект Федерального закона «О системе распределенного национального майнинга», который был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 25.01.2018 г. и возвращен субъекту законодательной инициативы 21.02.2018 г. [18]. Основанием для возврата законопроекта послужила необходимость получения на проект заключения Правительства РФ, поскольку вопросы участия государства в регулируемых проектом отношениях предполагали использование средств федерального бюджета, в том числе в связи осуществлением государственными органами контрольно-надзорных функций за деятельностью операторов майнинга [19].

Вместе с тем структура данного документа, представленная следующими положениями, заслуживает внимания. Сферой деятельности закона определялось регулирование отношений по осуществлению прав на организацию и осуществление производства, основанного на принципах криптографии в среде распределенных реестров цифровых транзакций (майнинг) национального цифрового финансового актива, имеющего хождение на территории Российской Федерации, и иных отношений, связанных с майнингом, включая налогообложение указанной деятельности. В качестве основных понятий в нем указывались такие, как «распределенный реестр», «правила распределенного реестра цифровых транзакций», «майнинг», «цифровая транзакция», «валидация цифровой записи» и прочие. Также в проекте закона предусматривался порядок регистрации пользователей в системе распределенного реестра и ряд других важных моментов.

Вместе с тем вряд ли данный законопроект можно признать надлежащим образом проработанным, в том числе с точки зрения соблюдения требования обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации. В этой связи задача установления правовых требований к осуществлению производства, основанного на принципах криптографии в среде распределенных реестров (майнинг), включая регистрацию хозяйствующих субъектов, осуществляющих такую деятельность, а также определение порядка ее налогообложения, сформулированная в

Перечне поручений Президента [14], не может быть признана исполненной.

Резюмируя свою позицию по докладу ЦБ РФ, автор выражает несогласие с предложенной регулятором стратегией запрета использования российской инфраструктуры и посредников для операций с криптовалютами, а также инфраструктуры, обеспечивающей выпуск, обращение и обмен криптовалюты. Указанное несогласие автор обосновывает несоответствием позиции регулятора документам стратегического планирования Российской Федерации.

Представляется очевидным, что развитие фактических цифровых отношений опережает их правовое регулирование. В этой связи чрезвычайно важным представляется научное осмысление модифицированных финансовых правоотношений, а также их правовая детерминация, поскольку обратное тормозит развитие финансовой системы и создает угрозу экономической безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (последняя редакция) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (последняя редакция) «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817; № 30. Ст. 4717; 2020. № 30. Ст. 4884.
7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (ред. от 31.03.2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 316 (ред. от 27.05.2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Экономическое развитие и инновационная экономика"» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Научно-технологическое развитие Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 г. № 2036 (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли

информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденные Правительством РФ 29.09.2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

13. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 16 от 24.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере от 10 октября 2017 года Пр-2132 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84852/ON_FinTex_2017.pdf. (дата обращения: 12.08.2021).

16. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Проект Федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 30.01.2022).

18. Проект Федерального закона № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/373645-7> (дата обращения: 21.08.2021 г.)

19. Ответ Правового управления ГД ФС РФ на соответствие требованиям статьи 104 Конституции РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/373645-7> (дата обращения: 21.08.2021 г.)

20. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12623> (дата обращения: 30.01.2022).

21. В Минцифры не согласились с идеей запретить криптовалюты [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220128/kriptovalyuta-1770015736.html> (дата обращения: 30.01.2022).

22. В правительстве подготовили «дорожную карту» по регулированию криптовалют. Как власти видят легализацию в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/28/01/2022/61f2b3589a794715631d17eb> (дата обращения: 30.01.2022).

23. Дуров предупредил о последствиях запрета криптовалют в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/01/2022/61ebaeb99a7947d85a6c972e (дата обращения: 30.01.2022).

24. Иван Чебесков рассказал о регулировании рынка криптовалют на конференции РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/press->

center/?id_4=37756-

ivan_chebeskov_rasskazal_o_regulirovanii_rynka_kriptovalyut_na_konferentsii_rbk (дата обращения: 30.01.2022).

25. Проскурина К.Ю. Налогообложение цифрового майнинга в Республике Казахстан // *Налоговед.* 2021. № 10. С. 67–75.

26. Путин прокомментировал позицию ЦБ по криптовалютам, указав, что в этой сфере у РФ есть конкурентные преимущества [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/648001/> (дата обращения: 30.01.2022).

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-код 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE STRATEGY FOR REGULATING THE CIRCULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

O.I. Yustus

Tver State University

The article expresses the author's position expressed in the framework of public discussions of the report of the Bank of Russia "Cryptocurrencies: trends, risks, measures". The author analyzes the compliance of the provisions of the report with the strategic planning documents of the Russian Federation; the author expresses disagreement with the strategy proposed by the regulator to ban transactions with cryptocurrencies in the territory of the Russian Federation. The author formulates specific areas of legal regulation in the field of issuance, circulation, as well as taxation of cryptocurrencies.

Keywords: *cryptocurrencies, mining, digital currency, financial technologies, taxation of transactions with digital currencies.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD in Law, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-code 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. К вопросу о стратегии регулирования обращения криптовалют на территории Российской Федерации // *Вестник ТвГУ. Серия: Право.* 2022. № 1 (69). С. 177–184.

Вопросы истории государства и права

УДК 34.043 : 378

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.185

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ-ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1917 – 1991 ГГ.)

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы правопреемства тверских образовательных организаций, включенных в итоге нескольких организационных мероприятий в состав Тверского педагогического института в советский период истории. Этот институт был переименован впоследствии в Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина, а в 1971 г. преобразован в Калининский государственный университет.

Ключевые слова: *Тверской государственный университет, учительская семинария П.П. Максимовича, институт народного образования, Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина, правопреемство.*

Настоящая статья является третьей в цикле работ по исследованию вопросов правовой и исторической преемственности тверских образовательных организаций, в ходе исторического развития системы образования ставших предшественниками Тверского государственного университета, а с позиций сегодняшнего времени – этапами в его истории. Хронологические рамки настоящей работы охватывают период с ноября 1917 г. по декабрь 1991 г.

Соответственно, источниковую базу исследования составляют прежде всего нормативно-правовые акты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, затем – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а с 1922 г. – также и нормативно-правовые акты Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Кроме того, в составе источниковой базы представлены локальные акты самого образовательного учреждения.

Нормативная база функционирования образовательных учреждений страны претерпела в рассматриваемом периоде кардинальные изменения. Общая характеристика этой базы не входит в предмет настоящего исследования, поэтому мы будем обращаться лишь к отдельным нормативно-правовым актам и актам ненормативного характера, в наибольшей степени касавшихся именно тверских образовательных организаций.

Коренным образом в советский период отечественной истории на общегосударственном, региональном и местном уровнях была изменена

система управления образованием. Первые месяцы после установления в Центральной России советской власти текущие управленческие вопросы решали органы Министерства народного просвещения. Вопросы принципиального характера перешли в ведение Народного комиссара просвещения и созданной 9 ноября 1917 г. Государственной комиссии по народному просвещению [1].

Принципиально изменилась также система образовательных учреждений страны, включая Тверской край.

Первые годы советского периода стали временем завершения существования некоторых основанных в Твери ранее образовательных педагогических организаций. В терминологии настоящего исследования мы можем отметить, что они были представлены тремя «линиями»: первую «линию» представляли учебные заведения, являвшиеся правопреемниками открытой П.П. Максимовичем в 1870 г. частной учительской школы. Вторая «линия» – это созданные в 1912 г. земские постоянные Педагогические курсы. Третья «линия» – основанный в июне 1917 г. и начавший учебные занятия в октябре 1917 г. Тверской учительский институт [12, С. 116].

Рассмотрим все указанные «линии» учебных заведений. Прежде всего речь идет об организации, созданной в качестве школы П.П. Максимовича. Как уже отмечалось ранее [11, с. 120–126] в 1917 г. был начат процесс преобразования земской учительской школы в государственную учительскую семинарию. Полное завершение этого процесса пришлось уже на советский период истории. Впрочем, полноценное функционирование учебного заведения как семинарии продолжалось всего один учебный год. При этом семинария частично изменила тот статус, который был предусмотрен Министерством народного просвещения Российской Республики. В частности, в связи с ликвидацией в декабре 1917 г. – феврале 1918 г. губернского, уездных и большинства волостных земских учреждений Тверской губернии [6, с. 20] прекратилось организационное и финансовое участие тверского земства в деятельности семинарии. На уровне РСФСР исключительно государственный (правительственный) статус учебных заведений был установлен постановлением Совета народных комиссаров в мае 1918 г. [5]

В 1919 г. функционирование учительской семинарии было прекращено в связи с включением ее в состав института народного образования. Таким образом, прекратила свое существование первая «линия» тверских педагогических учебных заведений.

Вторая «линия», представленная Постоянными курсами, останется в работе без рассмотрения. Отметим лишь, что курсы в начале советского периода изменили свой организационно-правовой статус. Эта «линия» также прекратилась осенью 1919 г., поскольку курсы вошли в состав института народного образования.

Тверской учительский институт после ноябрьских событий 1917 г. продолжил свою работу. Его директором оставался Н.Д. Никольский. Весной-летом 1918 г. рассматривался вопрос о переводе института в другой город (по данным Н.Д. Никольского – в Иваново-Вознесенск) [8, с. 56]. Лишь усилиями заведующего тверским губернским отделом народного образования Л.В. Слуцкого удалось сохранить институт для Твери.

Осенью 1918 г. Тверской учительский институт был переименован в Тверской педагогический институт. За переименованием стояли определенные правовые, организационные и методические изменения. Учебное заведение получило возможность строить свою деятельность «по типу высшего учебного заведения» [7, с. 59].

Дело, очевидно, заключалось в том, что в августе 1918 г. на Всероссийском съезде деятелей по подготовке учителей, санкционированном Наркоматом просвещения, был принят новый четырехлетний учебный план, отличавшийся от трехлетнего учебного плана учительских институтов. Новый статус Тверского института как педагогического, а не как учительского, позволил воспользоваться новым учебным планом. По сути институт с функциональной стороны представлял собой вуз, не получив при этом соответствующего официального статуса.

Учтем, что в 1918 г. отсутствовал официальный перечень высших учебных заведений. Советский законодатель относил к таковым университеты, высшие технические и медицинские школы и факультеты [2]. Судя по всему, у руководства Тверского пединститута в 1918 г. отсутствовали основания официально объявить вузовский статус учебного заведения.

В 1919 г. во многих регионах РСФСР стали создаваться институты народного образования. В августе этого года в Москве прошел Съезд по реформе педагогических учебных заведений.

В Твери непосредственная организационная работа по созданию института координировалась губернским отделом народного образования (губоно). Губоно сформировало организационное бюро из представителей Тверского педагогического института (Н.Д. Никольский), Тверской учительской семинарии им. П.П. Максимовича (А.Я. Закс) и Педагогических курсов (Л.И. Эдельштейн). Губоно в этом оргбюро представлял В.М. Чистяков. Осенью 1919 г. были приняты решающие организационные меры, в частности, избран педагогический совет института народного образования во главе с Н.Д. Никольским. Основной базой размещения нового учебного заведения стал первый корпус бывшей школы Максимовича.

Таким образом, Тверской институт народного образования впервые в истории объединил в организационных рамках одного учебного заведения три основные педагогические организации Твери. Он является

их бесспорным правопреемником, причем не только в правовом, но и в историческом аспекте. Вскоре институт получил от Наркомата просвещения РСФСР статус «ударного» [8, с. 62].

В отношении организационных и правовых характеристик нового тверского педагогического учебного заведения сложно сделать определенные выводы. Понятно, что по своим размерам, по количественным показателям он был крупнее любого из своих предшественников. Вместе с тем четкие нормативные указания о его положении в системе образования отсутствуют. Можно сделать лишь не слишком определенный вывод о том, что Тверской институт народного образования был дальше от статуса высшего учебного заведения, нежели Тверской педагогический институт образца 1918 г. Косвенным признаком этого является ликвидация школы 2-й ступени, функционировавшая при педагогическом институте в качестве базы практики. Вместо этого вскоре была создана школа 1-й ступени, рассчитанная на младших учеников. Напомним, что согласно декрету Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР советская трудовая школа 1-й ступени предназначалась для обучения детей в возрасте от 8 до 13 лет, а школа 2-й ступени – для детей в возрасте от 13 до 17 лет [4].

В 2021 г. была проведена очередная реорганизация системы образования РСФСР. Этот год вошел в историю советской системы образования как время четкого определения статуса высшего учебного заведения [3].

В рамках предмета настоящей работы нас интересует вопрос преобразования институтов народного образования. Они преобразовывались либо в педагогические институты, получавшие статус вуза, либо в педагогические техникумы, имевшие статус среднего учебного заведения. Применительно к Твери и Тверскому институту народного образования плановая комиссия отдела педагогического образования Главного управления профессионально-технических школ и высших учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР приняла решение о создании сразу двух учреждений: института и техникума. Они создавались вместо ИНО и на его базе. Тем самым обеспечивалась преемственность Тверского педагогического института и Тверского института народного образования. При этом пединститут являлся высшим учебным заведением. Создание «параллельно» с институтом педагогического техникума снимает любые сомнения в вузовском статусе института.

В середине 1920-х гг. была осуществлена «пролетаризация» контингента студентов института. Был существенно облегчен доступ в университет представителям городских рабочих категорий населения и затруднен или закрыт полностью – для представителей других категорий

населения. Одним из инструментов «пролетаризации» стала деятельность рабочего факультета.

В 1928-1929 гг. государственные органы РСФСР рассматривали вопрос о перебазировании педагогического института из Твери в другой город. В итоге тверской вуз удалось отстоять.

В связи с переименованием в 1931 г. г. Твери в Калинин институт получил название Калининского. В 1936 г. пединституту было присвоено имя уроженца Тверского края председателя Центрального исполнительного комитета СССР М.И. Калинина.

Работа Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина была прервана в середине 1941 г. в связи с оккупацией г. Калинина фашистскими войсками. После освобождения города 16 декабря 1941 г. были проведены ремонтно-восстановительные работы. 1 марта 1942 г. учебные занятия в педагогическом институте возобновились.

Во второй половине 1960-х гг. партийно-советское руководство Калининской области во главе с Н.Г. Коротковым неоднократно ставило перед государственными органами СССР и РСФСР вопрос о преобразовании педагогического института в университет. Длительный и в целом безуспешный процесс преобразования ускорился и завершился положительным результатом после активных усилий ректора пединститута В.В. Комина.

29 июля 1971 г. Совет министров СССР принял постановление о создании в г. Калининe университета. Университет согласно данному постановлению организовывался «на базе Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина» [9], что обеспечивало полную преемственность данных учебных заведений. Вскоре общесоюзные и республиканские органы власти во исполнение данного решения приняли соответствующие документы.

1 сентября 1971 г. Калининской государственный университет начал свою работу. Он стал 20-м по счету в списке университетов в РСФСР: «1970–1990 гг. стали периодом становления первого университета в Калининской области. Они были сложными в плане реорганизации структуры вуза, изменения учебных планов, создания кадрового потенциала, наращивания материально-технической базы» [7, с. 133–134].

Наиболее значительным для Калининского государственного университета событием последних лет советского периода истории стало возвращение исторического имени. 17 июля 1990 г. указом Президиума Верховного совета РСФСР г. Калининe было возвращено его историческое название – Тверь. Распоряжением Совета министров РСФСР от 26 ноября 1990 г. и приказом Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы от 10 декабря 1990 г. Калининской государственный университет был переименован в

Тверской государственный университет. В январе 1991 г. был издан соответствующий приказ ректора университета [10, с. 222].

В целом советский период истории был отмечен значительным развитием организационно-правового статуса Тверского государственного университета. Ключевыми вехами на этом пути стали организационное объединение трех тверских педагогических учебных заведений (1919 г.), получение статуса вуза (1921 г.), преобразование в университет (1971 г.), возвращение исторического имени (1990 г.). Имеющиеся документы нормативного и ненормативного характера свидетельствуют о сохранении правовой преемственности на каждом из указанных этапов развития.

Список литературы

1. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об учреждении Государственной комиссии по народному просвещению» от 09.11.1917 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=uY2WQ&base=ESU&n=42141#1VcBLxS8UD7wgFpB3> (дата обращения: 12.02.2022).
2. Декрет СНК РСФСР от 01.10.1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых высших учебных заведений Российской Республики» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789.
3. Декрет СНК РСФСР «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» от 2.11.1921 г. № 486 [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 12.02.2022).
4. Декрет ВЦИК РСФСР от 16.10. 1918 г. «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18543#Ynq7LxS4gikZznJQ1> (дата обращения: 12.02.2022).
5. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 30.05.1918 г. «О передаче в ведение Наркомпроса всех начальных, средних, высших общеобразовательных и специальных учебных заведений (кроме тех, которые преследуют исключительно технические цели), а также учреждений дошкольного воспитания и внешкольного образования» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 39. Ст. 507.
6. Акимов Т.М. Земства Центральной России в период революционных потрясений: март 1917 - май 1918 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний: автореф. дис. ... канд. Ист. Наук. Владимир, 2007. 22 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/zemstva-tsentralnoi-rossii-v-period-revoljutsionnykh-potryasenii-mart-1917-mai-1918-gg-na-ma> (дата обращения: 12.02.2022).
7. Бодрова Ю.В., Винник А.В., Ермишкина О.К., Макарова Е.А., Смирнов С.Н., Цыганова А.В. Первый университет в регионе: к 50-летию преобразования Калининского государственного педагогического института в Калининский государственный университет. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2021. 365 с.

8. Никольский Н.Д. Очерки по истории Тверского учительского института // Мои университеты: сборник воспоминаний выпускников и сотрудников университета / под ред. С.Н. Смирнова, О.К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. 264 с.

9. Постановление Совета министров СССР «Об организации Калининского государственного университета» №. 536 от 29.07.1971 г. // История Тверского государственного университета в документах / под ред. С.Н. Смирнова, О.К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 165.

10. Приказ ректора от 15.01. 1991 г. № 22 «Об объявлении приказа» // История Тверского государственного университета в документах / под ред. С.Н. Смирнова, О.К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 222.

11. Смирнов С.Н. Вопросы правовой преемственности организаций-предшественников Тверского государственного университета (февраль – октябрь 1917 г.) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 120–126.

12. Смирнов С.Н. Создание Тверского учительского института в 1917 году: к вопросу о юридической характеристике этапа истории Тверского государственного университета // Вестник Тверского государственного университета. Серия Право. 2017. № 2. С. 110 – 121.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

ISSUES OF LEGAL SUCCESSION OF TVER STATE UNIVERSITY'S PREDECESSOR ORGANIZATIONS (1917 - 1991)

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The issues of succession of Tver educational organizations included as a result of several organizational measures into Tver Pedagogical Institute in the Soviet period of history are considered. This institute was later redesignated as Kalinin State Pedagogical Institute named after M.I. Kalinin, and in 1971 it was transformed into Kalinin State University.

Keywords: *Tver State University, P.P. Maksimovich, Institute of Public Education, Kalinin State Pedagogical Institute. M.I. Kalinin, succession.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Вопросы правовой преемственности организаций-предшественников Тверского государственного университета (1917 – 1991 гг.) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 185–191.

КОРРУПЦИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ СССР ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

О.К. Хотькина

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний», г. Рязань

Анализируются формы и меры противодействия коррупции в послевоенное время в пенитенциарной системе СССР. Выводы и предложения автора основаны на изучении исторических документов пенитенциарной системы СССР 1940–1950 г.г. и зарубежной практики борьбы с коррупцией в Сингапуре, Германии, Нидерландах, Казахстане. В результате исследования были определены основные направления и принципы при планировании мер по профилактике коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, издержки коррупции, пенитенциарная система, антикоррупционные меры.

Научное сообщество и органы власти на всех уровнях активно обсуждают вопросы, связанные с построением эффективной системы противодействия коррупции в России. Неоднократно отмечалось, что коррупция власти мешает экономическому, политическому, социальному и правовому развитию страны.

Актуальность выбранной темы объясняется необходимостью комплексного анализа антикоррупционных мер, в том числе с использованием исторического и сравнительно-правового инструментария посредством научно обоснованного подхода к организации борьбы с коррупцией [8, с. 59].

Научная новизна работы обуславливается тем, что на основе системного анализа издержек коррупции и ее негативных последствий, в частности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, основываясь на отечественном опыте и зарубежной практике борьбы с коррупцией, изучен исторический период пенитенциарной системы СССР 1940–50 гг., выбраны наиболее подходящие зарубежные механизмы борьбы с коррупцией. Критерию научной новизны также соответствует собственное авторское видение решения поставленных проблемных вопросов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов статьи как источника дополнительных знаний в ходе обучения в ведомственных учебных заведениях и в служебной деятельности сотрудников ФСИН России при минимизации коррупционных рисков.

Настоящее исследование в целом носит информационный характер без уяснения исторических причин проявления коррупции в ГУЛАГе. Возможно, оно послужит поводом для дальнейшего более детального исследования в указанных направлениях.

Актуальность коррупции не исчерпывает себя временными и территориальными рамками: история России и зарубежных государств на протяжении всего развития свидетельствует об этом. Поэтому считаем крайне необходимым использовать анализ исторического опыта борьбы с коррупцией при планировании и законодательном совершенствовании антикоррупционных мер.

Бесспорным является суждение о том, что коррупция вносит существенный дисбаланс в деятельность всех государственных институтов, в том числе и в функционирование уголовно-исполнительной системы, назначение которой исполнять наказания и реализовывать меры уголовно-правового характера, а не порождать новые преступления. Следовательно, коррупция в пенитенциарной системе нивелирует основные принципы её функционирования, препятствует реализации одной из основных задач уголовно-исполнительной системы – обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Наличие коррупционных схем снижает ее полезность для общества, подрывая доверие населения к системе исполнения наказаний. В свою очередь государство теряет возможность эффективно осуществлять надзорные функции и противодействовать росту злоупотреблений должностными полномочиями. Не менее существенный вред, а в какой-то степени даже наиболее реальные и негативные последствия, коррупция наносит экономической безопасности страны, поскольку связана со значительным объемом издержек и упущенных выгод, которые государство вынуждено нести в результате коррупционных проявлений при осуществлении должностных полномочий сотрудниками органов исполнительной власти.

Анализ литературы по исследуемому вопросу позволяет заключить, что в целом издержки коррупции в пенитенциарной системе можно подразделить на прямые и косвенные. Прямые представляют собой непосредственно суммы взяток и объемы хищений государственной собственности в денежном выражении. Гораздо более вариативны косвенные (или альтернативные) издержки коррупции. К ним можно отнести:

– снижение ВВП в результате неэффективного расходования и распределения бюджетных ассигнований (так, выплачиваемая коррумпированному сотруднику заработная плата фактически превращается в некупаемые трудом затраты, поскольку работник не вносит вклад в создание ВВП, а работает исключительно для собственного обогащения);

- увеличение расходов на содержание преступников и их ресоциализацию (в случае привлечения нарушителя к уголовной ответственности государство берет на себя все расходы по содержанию преступника в тюрьме и последующую социальную адаптацию);

- потери от выбытия из числа трудоспособного населения осужденного за взятки и хищения (как в плане создаваемой им прибавочной стоимости и уплачиваемых налогов на период пребывания в исправительном учреждении, так и в плане постпенитенциарной адаптации и проблем с последующим трудоустройством);

- затраты на содержание контрольно-надзорных органов, призванных проводить плановые и внеплановые проверки и ревизии для выявления фактов коррупции;

- увеличение государственных расходов на финансирование деятельности уголовно-исполнительной системы ввиду дефицита бюджета системы, вызванного хищениями и растратами, и др.

Оценить объем издержек прямых, а тем более косвенных весьма проблематично, поскольку коррупционные правонарушения всегда относились к высоко латентной преступности. По данным некоторых исследований, в том числе под руководством С.М. Иншакова, уровень как естественной, так и искусственной латентности составляет от 50 до 95 %, а соотношение латентной преступности к зарегистрированной можно обозначить как 20 к 1 [4, с. 69].

Для исследования уровня издержек коррупции в уголовно-исполнительной системе России считаем целесообразным обратиться посредством экстраполяции к историческому периоду развития коррупционных проявлений в системе ГУЛАГ. Долгое время данные, характеризующие деятельность пенитенциарной системы СССР, были недоступны для общественности, но с момента открытия государственных архивов стало возможно проанализировать многие аспекты ее функционирования.

Согласно исследованиям историков, экономические и должностные преступления в лагерях достигали невиданных масштабов. Можно выделить следующие разновидности коррупции в ГУЛАГе того времени:

- хищение и перепродажа лагерного имущества администрацией лагерей (зачастую в сформированных для этого преступных группах);

- подделка финансовых документов (платежных ведомостей и счетов);

- хищение и перепродажа лагерной администрацией личных вещей заключенных (одежды и продовольствия);

- рассылка подложных писем родственникам заключенных с целью снятия средств с их личных счетов;

- дача взятки чиновникам в лагерной иерархии для беспрепятственного осуществления вышеуказанных преступлений и др.

Анализ издержек коррупции, в частности в ГУЛАГе, осложнен тем, что значительная масса растрат и хищений государственной собственности оставалась не выявленной. Как отмечают современные исследователи, эта характерная черта коррупции соответствует и настоящему времени, подтверждая высокую степень латентности коррупционных преступлений. Несмотря на фрагментарность сведений послевоенного времени, ученые отмечают высокую достоверность отчетов того периода о потерях от коррупции, поскольку именно в этот период наибольшее внимание уделялось контрольно-ревизионной деятельности. Так, только за полугодие 1947 г. в Управлении общего снабжения ГУЛАГа в коррупции были обвинены около 9,3 тыс. работников пенитенциарных учреждений. Общая сумма ущерба превышала 11 млн рублей. В Производственном управлении в 1947 г. убытки от коррупции составили 15,4 млн руб. Отдельно отражались недостатки выданной заключенным одежды на сумму 5,4 млн руб. Таким образом, общая сумма убытков за девять месяцев 1947 г. составила 28,4 млн руб. [2, с. 169; 3].

Что касается современного состояния коррупции и ее негативных последствий, то ущерб от данного вида преступлений в России с каждым годом постоянно возрастает. Так, в 2020 г. размер причиненного материального ущерба от преступлений коррупционной направленности по расследованным преступлениям составил 58,4 млрд рублей. В 2019 г. размер установленного ущерба от коррупционных преступлений составлял 55,1 млрд рублей (или 8,8 % от общей суммы ущерба, причиненного всеми видами преступлений) [6].

С целью сокращения издержек коррупции в ГУЛАГе использовались две основные группы инструментов: финансовые и надзорные. К группе финансовых методов относились инспектирование и проверки финансовой отчетности, осуществляемые ревизионно-инспекторским отделением. Эти методы позволяли выявлять нарушения в торгово-снабженческом и счетно-бухгалтерском аппарате: за 1948 г. из указанных подразделений за растраты и хищения было уволено 9,4 тыс. чел., возбуждено несколько тысяч уголовных дел. Надзорные методы осуществлялись через агентурно-осведомительные сети, состоящие из агентов, резидентов, секретных осведомителей и информаторов. В 1940 г. вступил в силу Приказ НКВД СССР № 149 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР». В связи с этим уже в 1947 г. в лагерях и колониях находилось 139 тыс. осведомителей (при общей численности заключенных 1,97 млн человек), из которых около 79 тыс. должны были предоставлять информацию о должностной коррупции и хозяйственных преступлениях администрации [2, с. 172].

Данные об издержках коррупции в ГУЛАГе позволяют судить о значительной численности сотрудников, привлекаемых к

ответственности за преступления, подпадающие под коррупционные (5,7 % от общего их числа). Существенны были и размеры хищений даже без учета косвенных издержек, которые, принимая во внимание численность коррупционеров, составили бы внушительную сумму. Можно сделать вывод о том, что финансовые и надзорные методы снижения издержек коррупции в целом показывали довольно высокую эффективность, о чем свидетельствует и количество выявленных преступлений, и тот факт, что к 1952 г. общий объем ущерба от коррупции в ГУЛАГе снизился [2, с. 176].

Однако надо отметить, что опыт противостояния преступности, в том числе и в рассматриваемый период времени, подтверждает то, что применение одних лишь надзорных методов с использованием негласных форм работы (в том числе агентуры) не может быть эффективным, а является только одной из форм борьбы с преступностью, который также порождает условия для весьма значительных издержек.

Последующая глобальная реформа политической системы в стране, переход к рыночной экономике, формирование демократических принципов функционирования государства, признание и утверждение прав и свобод человека повлекли существенные изменения и в пенитенциарной системе.

В настоящее время Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации продолжает масштабную борьбу со взяточничеством и злоупотреблением должностными полномочиями в своих рядах.

Система методов противодействия коррупции и минимизации ее последствий регулярно дополняется новыми инструментами: профилактика неслужебных связей; тщательная проверка биографии лиц, занимающих руководящие должности в УИС; акцент не на репрессиях, а на возмещении ущерба на стадии расследования; контроль за несоответствием расходов сотрудников уголовно-исполнительной системы их доходам; разработка планов противодействия коррупции; создание подразделений, занимающихся антикоррупционным мониторингом [7, с. 123].

Анализ опыта зарубежных стран по борьбе с коррупцией позволил дополнить представленный перечень антикоррупционных методов следующими:

- создание единого специального органа по борьбе с коррупцией (по опыту Сингапура) или подразделения по борьбе с коррупцией в рамках профильного министерства (по опыту Казахстана), что позволит придать работе по противодействию коррупции в УИС большую системность;
- гласность в вопросах обнаружения коррупции, обсуждение последствий коррупционных действий и представление данных об издержках коррупции по отраслям и органам власти (по опыту

Нидерландов, где один из самых низких уровней коррупции в системе государственной службы в мире);

– компенсация высоких требований к сотруднику уголовно-исполнительной системы соответствующим государственным жалованием и другими выплатами и социальными гарантиями, обеспечивающими стабильность рабочего места, продвижение по службе, а также достойный уровень жизни (по опыту Германии) [5].

Процесс реформирования государственно-правовых институтов исполнительной власти продолжается.

В связи с этим изучение этапов становления и преобразований пенитенциарной системы, которые проходили хотя и в иные исторические периоды и в других политических системах жизни общества, но при относительно стабильных и продолжительных российских условиях: географических и природно-климатических особенностях, специфики российского менталитета, многонациональности населения и других – приобретает особое значение для реформирования современной уголовно-исполнительной системы. История государства и права СССР в период так называемого апогея сталинизма по-прежнему остается предметом серьезных научных споров, публицистической полемики, что выступает дополнительным стимулом для научных исследований столь сложного и неоднозначного вопроса, как взяточничество и коррупция в условиях тоталитарного контроля государства [1].

Исследование исторических аспектов функционирования пенитенциарной системы России является немаловажным условием для реформирования уголовно-исполнительной системы в современный период. Развитие демократических начал и гуманизация общества, становление приоритета личности и гражданского общества ставит перед уголовно-исполнительной системой новые задачи и приоритеты, которые получили свое закрепление в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г.

Реализация уже существующих методов борьбы с коррупцией в комплексе с лучшей зарубежной практикой и эффективным отечественным опытом будут способствовать сокращению прямых и косвенных издержек коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и повышению эффективности ее функционирования.

Системность, комплексность и научный подход в противодействии коррупции должны стать той основой, на которой будет строиться и вся система антикоррупционного законодательства, и комплекс антикоррупционных мер.

Список литературы

1. Богданов С.В., Орлов В.Н. Некоторые аспекты Советского государства со взяточничеством и с коррупцией в первые послевоенные годы // Современное право. 2012. № 2. С. 148–152.
2. Бородин Л. И., Грегори П., Хлевнюк О.В. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2008. С. 320.
3. Докладная записка заместителя начальника ГУЛАГ А.Н.Новикова начальнику ГУЛАГ В.Г.Наседкину о работе Отдела кадров ГУЛАГ за 1946 г. 18 января 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 904. Л. 1-31.
4. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 839 с.
5. Моисеев В.В., Прокуратов В.Н. Противодействие коррупции в современной России: монография. М., 2014. 427 с.
6. Москва, 23 апреля // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11228045> (дата обращения: 20.11.2021).
7. Пономарева Е.В. Экономические составляющие коррупции в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 118–124.
8. Хотькина О.К. Теоретические основы информационно-аналитического обеспечения профилактики коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 8 (219). С. 56–60.
9. Хотькина О.К. Отличительные особенности коррупционных проявлений в уголовно-исполнительной системе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 37–41.

Об авторе:

ХОТЬКИНА Ольга Константиновна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Россия, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1), SPIN-код: 6965-4070, AuthorID: 761555, e-mail: O_Khotkina@mail.ru

CORRUPTION IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE USSR IN THE POSTWAR PERIOD

O.K. Khotkina

Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia,
Ryazan

The article analyzes the forms and measures of combating corruption in the post-war period in the penitentiary system of the USSR. The author's conclusions and suggestions are based on the study of historical documents of the USSR penitentiary system of 1940-1950. and foreign practice of combating corruption in Singapore, Germany, the Netherlands, Kazakhstan. As a result of

the study, the main directions and principles were determined when planning measures to prevent corruption in the penal system of the Russian Federation.

Keywords: *corruption, the costs of corruption, the penitentiary system, anti-corruption measures.*

About author:

Khotkina Olga – PhD in Law, the senior teacher of department of criminology and crime prevention organization The Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Russia, 390000, Ryazan, Sennaya st., 1), SPIN code: 6965-4070, AuthorID: 761555, e-mail: O_Khotkina@mail.ru

Хотькина О.К. Коррупция в пенитенциарной системе СССР послевоенного времени // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 192–199.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 340.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.200

К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЮРИДИЧЕСКИМИ КЛИНИКАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуются вопросы оказания бесплатной юридической помощи различными участниками государственной и негосударственной систем, анализируются статистические данные деятельности участников БЮП в Тверской области, дается оценка положений законопроекта о внесении изменений в закон о бесплатной юридической помощи в РФ, обосновывается самобытность юридических клиник как участников негосударственной системы, их значимость в реализации образовательного процесса и нецелесообразность формализации их деятельности.

Ключевые слова: *бесплатная юридическая помощь, юридическая клиника, адвокатура, малоимущие граждане, образовательный стандарт, законопроект.*

Конституция РФ и принятые в рамках международно-правовых актов обязательства РФ определяют существование на всех уровнях организации власти комплексных, организационных и финансовых начал обеспечения оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам и иным социально незащищенным слоям населения. 15 января 2022 г. исполняется 10 лет реализации Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – 324-ФЗ), вследствие чего представляется возможным подвести определенные итоги и обозначить перспективы развития данного направления деятельности всех участников сформировавшейся системы.

С точки зрения правопонимания и в первую очередь конституционного правопонимания право на получение бесплатной юридической помощи (далее – БЮП) производно от права на получение квалифицированной юридической помощи и выступает своего рода гарантией обеспечения принципа равенства всех перед законом и судом [6, с. 5]. В частности, ч. 1 ст. 48 Конституции РФ провозглашает, что каждому гарантировано право получать квалифицированную юридическую помощь, а в случаях, прямо предусмотренных законом, юридическая помощь должна быть оказана бесплатно.

Возникновение бесплатной юридической помощи как правового и социального явления нельзя связывать только с принятием в 2011 г. 324-ФЗ. Право на бесплатную юридическую помощь в России исторически сопряжено с развитием института адвокатуры. Так, в соответствии со ст. 22 Положения об адвокатуре РСФСР от 20 ноября 1980 г. [3] предусматривалось оказание в том числе и бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан. В дальнейшем Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] продублировал право на бесплатную юридическую помощь, хотя и существенно ограничил перечень случаев ее оказания. Однако необеспеченная со стороны государства необходимыми материальными и организационными ресурсами адвокатура была недостаточно мотивирована к выполнению обозначенной задачи.

С конца 2000-х годов в рамках образовательной среды, в профессиональном юридическом сообществе стали активно внедряться институты бесплатной юридической помощи. Поскольку первоначально государство дистанцировалось от данной проблемы, и финансовое и информационное сопровождение осуществлялось по линии международных и иностранных общественных объединений и некоммерческих организаций. Интерактивные методы обучения, применяемые практикующими юристами при оказании БЮП, нравственно-идеологическая составляющая и новизна данного направления деятельности обусловили его популярность среди образовательных организаций, их преподавателей и студентов, вследствие чего на юридических факультетах ведущих вузов страны стали формироваться юридические клиники, финансируемые за счет собственных средств вузов, грантовой помощи и добровольных пожертвований. Таким образом, не имея должного нормативно-правового обоснования своего существования и организации деятельности до 2011 г., юридические клиники прочно вошли в практику образовательных методов обучения будущих юристов. Юридические клиники стали первоначальной площадкой апробации всех интерактивных методик, применяемых сегодня в образовательной деятельности, и определили свое будущее место в образовательном стандарте по направлению подготовки «Юриспруденция». Была создана такая клиника и на базе юридического факультета ТвГУ, которая за 10 лет до принятия соответствующего закона уже была востребована как студентами, так и малоимущими гражданами, получающими необходимую помощь. Юридическая клиника ТвГУ имела свой штат, нормативное и материальное обеспечение, сформировавшуюся клиентуру и устоявшиеся формы деятельности:

– «адвокат по переписке»: ответы на письма осужденных;

- выездные консультации: консультации студентов под руководством преподавателей в общественных приемных и других присутственных местах;
- представительство в суде, составление юридических документов и др.

Вместе с тем основания и формы оказания помощи, а также категории граждан, имеющих право на БЮП были в определенной степени неоднородны, поскольку определялись локальными актами существующих юридических клиник. Как следствие, в профессиональном сообществе осознается необходимость введения унифицированных правил организации и деятельности различных участников системы бесплатной юридической помощи. И уже в 2005 г. в государстве проводится эксперимент по созданию первоначально государственной системы оказания бесплатной помощи малоимущим гражданам [4], оформившийся в дальнейшем в деятельность государственных юридических бюро [5]. В 2011 г. с принятием 324-ФЗ сформировались две самостоятельные системы:

1) государственная система бесплатной юридической помощи, участниками которой выступают федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро; адвокаты, нотариусы и другие субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь;

2) негосударственная система бесплатной юридической помощи, участниками которой являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи.

Субъектам РФ было делегировано право самостоятельно определять механизм реализации государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, в том числе посредством издания законов и иных нормативных правовых актов, устанавливающих дополнительные гарантии реализации права граждан на БЮП. Как следствие, в Тверской области была создана необходимая нормативно-правовая база, включающая в себя Закон Тверской области от 24 июля 2012 г. № 68-ЗО «О бесплатной юридической помощи в Тверской области», Постановление Правительства Тверской области от 11 декабря 2012 г. № 761-пп «О реализации Закона Тверской области от 24 июля 2012 г. № 68-ЗО «О бесплатной юридической помощи в Тверской области» и признании утратившим силу Постановления Администрации Тверской области от 10 февраля 2010 г. № 35-па». В рамках обозначенных актов определены исполнительные органы государственной власти Тверской области, входящие в государственную систему бесплатной юридической помощи, порядок взаимодействия

участников данной системы, порядок принятия решения об оказании в экстренных случаях бесплатной юридической помощи гражданам РФ, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, порядок оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, а также порядок предоставления гражданам справки о наличии среднедушевого дохода семьи или дохода одиноко проживающего гражданина ниже величины прожиточного минимума для получения бесплатной юридической помощи.

Необходимое нормативное обеспечение было создано и по линии адвокатуры. В частности, решением Совета Адвокатской палаты Тверской области утверждено Положение «О порядке оказания юридической помощи бесплатно и участия адвокатов в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда», утвержден список адвокатов, участвующих в оказании бесплатной юридической помощи, в который по состоянию на 2021 г. включено 78 адвокатов с указанием их регистрационных номеров и адвокатских образований, в которых они осуществляют свою профессиональную деятельность. Примечательно, что в аналогичном списке на 2022 г. заявлено уже 116 адвокатов [7].

Участниками негосударственной системы БЮП в регионе являются 3 юридические клиники: юридическая клиника Тверского филиала МГЭИ, юридическая клиника ТвГУ и юридическая клиника АНО «Институт Верхневолжья». Негосударственных центров бесплатной юридической помощи в регионе не создано.

В качестве исполнительного органа государственной власти Тверской области, уполномоченного в области обеспечения права граждан РФ бесплатной юридической помощью, выступает Министерство социальной защиты населения Тверской области. Общая координационная работа по данному направлению деятельности осуществляется Управлением Минюста России по Тверской области. Периодически в регионе проводятся заседания органов исполнительной власти, общественных и координационных советов, на которых обсуждаются вопросы оказания бесплатной юридической помощи гражданам. В частности, 24 ноября 2021 г. состоялось заседание Координационного совета при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Тверской области, в рамках которого были освещены статистические данные по оказанию бесплатной юридической помощи в Тверской области, проблемы реализации 324-ФЗ, а также обозначены предложения по совершенствованию законодательства в части расширения перечня категорий граждан, имеющих право на БЮП. Так, на обозначенном заседании прозвучали следующие цифры статистики: исполнительными органами государственной власти Тверской области и подведомственными им учреждениями оказана бесплатная юридическая помощь в 15 000 случаев, адвокатами оказана

бесплатная юридическая помощь в 249 случаях, юридическими клиниками в совокупности бесплатная юридическая помощь была оказана в 300 случаях. Расходы областного бюджета по выплате компенсации расходов составили 98 526 рублей (за 1 полугодие 2021 г.) из 500 000 рублей, запланированных в соответствующем финансовом периоде.

Представляется, что приведенная статистика не отражает реальной востребованности граждан в юридической помощи. Высокий показатель органов государственной власти обусловлен с определенной долей вероятности тем, что в качестве таковой помощи рассматривается любая консультация, выдаваемая соответствующим органом в пределах его компетенции по факту обращения к нему граждан. Приблизительно одинаковое количество случаев оказания бесплатной юридической помощи, заявленное адвокатами и юридическими клиниками, напротив, свидетельствует о том, что граждане неохотно обращаются к участникам системы. Такая ситуация обусловлена совершенно разными факторами, начиная от ментальности и заканчивая недостаточной информированностью населения. К сожалению, в обществе устоялась позиция, что всё, что дается даром – не ценится, а бесплатная помощь рассматривается как неквалифицированная или некачественная. Негативные последствия связаны во многом и с недобросовестной рекламой, а подчас и мошенническими действиями юридических фирм, заявляющих о бесплатных консультациях, которые в последующем сводятся к составлению юридических документов за баснословные деньги. Информационное сопровождение также осуществляется неграмотно. В частности, соответствующая информация часто размещается в сети Интернет на сайтах органов власти или иных ресурсах, доступ к которым у заинтересованных граждан (пожилого или малоимущего населения) фактически ограничен. Другой вариант – звонок или голосовое сообщение по телефону о том, что у граждан есть право на бесплатную помощь. Однако выборка абонентов сети не осуществляется, вследствие чего население страны опять вводится в заблуждение относительно случаев и категорий граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь.

Примечательно, что законодатель не оставляет попытки регламентировать вопрос оказания бесплатной юридической помощи, в том числе в области организации и деятельности юридических клиник как участников негосударственной системы БЮП. В июне 2021 г. в ГД ФС РФ был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в РФ» [8]. Основная цель законопроекта обозначена в пояснительной записке к нему и связана с необходимостью учета создания, деятельности и прекращения деятельности юридических клиник, то есть мониторингом деятельности юридических клиник с целью формирования объективных

и достоверных данных об их количестве и объемах деятельности. В частности, предлагаемые изменения коснутся порядка создания юридических клиник исключительно в качестве структурных подразделений образовательной организации высшего образования, формы отчетности юридических клиник перед Минюстом России и его территориальными органами, утверждения формы документов, необходимых для мониторинга деятельности по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения, а также требований к лицам, участвующим в оказании юридической помощи юридическими клиниками. Предлагаемые изменения не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, «желание всех посчитать» обосновано и в определенной степени целесообразно, однако ресурсы, затрачиваемые для данных целей, несоразмерны. Юридические клиники как часть образовательной системы, как часть студенческой самореализации всегда отличались индивидуальностью, свободой деятельности, отсутствием формализма. Стремление же привести всех участников БЮП к единым формам взаимодействия и отчетности лишит их самобытности. За период существования и деятельности юридические клиники сформировали необходимые нормативные локальные акты, определяющие порядок проведения консультаций, порядок отбора студентов, задействованных в работе клиник. И вмешательство государства в данные вопросы нецелесообразно. В частности, законопроект предлагает допускать к участию в работе клиник только студентов, прошедших обучение не менее половины срока получения образования и не имеющих академической задолженности. Бакалавриат по направлению подготовки «Юриспруденция» предусматривает нормативный срок обучения в 4 года, как следствие – к работе в юридической клинике могут привлекаться студенты, начиная с 3-го курса. Соответственно, студенты 1–2-го курсов не должны привлекаться, а студенты 4-го курса, как показывает практика, увлечены в большей степени подготовкой к государственной итоговой аттестации и дальнейшим трудоустройством. Таким образом, существенно ограничивается количественный потенциал юридических клиник. Не проработан вопрос и с академической задолженностью: должна ли она учитываться на момент принятия в клинику или в момент оказания помощи, и что делать, если она возникнет в будущем, имеет ли значение предмет, по которому у студента имеется академическая задолженность (как-то: физкультура или дисциплины уголовно-правового цикла, притом что юридические клиники не консультируют по уголовным делам). Представляется, что данные вопросы должны решаться на уровне юридических клиник и образовательных организаций, при которых они созданы, поскольку качество и квалифицированность оказываемой юридической помощи обеспечивают не столько студенты, сколько

преподаватели, ответственные за обучение студентов и деятельность юридических клиник.

Требование о направлении уведомления, в котором будет указываться подробная информация о деятельности юридической клиники, адресе приема, перечне правовых вопросов, по которым оказывается помощь, и иные сведения, также создаст дополнительные трудности. Сегодня юридическая клиника ТвГУ осуществляет прием граждан в тех помещениях, где имеется спрос: библиотеки, МФЦ, общественные приемные. Обозначенные помещения принадлежат чаще всего органам власти или подведомственным им учреждениям, что потребует заключения договора безвозмездного пользования (ссуды). Наличие конкретного перечня вопросов, по которым будет оказываться помощь, повлечет уменьшение и так небольшого количества обращающихся граждан. Как правило, юридические клиники не спрашивают справок о доходах или иного подтверждения статуса малоимущих граждан. И такая свобода усмотрения, отсутствие формализма, простота обращения способствуют доверительному отношению граждан к юридическим клиникам. Формализация и бюрократизация деятельности юридических клиник поставит на первое место форму, а не содержание работы, как это имеет место в настоящее время при оказании бесплатной юридической помощи адвокатами. В частности, чтобы получить компенсацию за свой труд в рамках оказания юридической помощи, необходимо составить заявку на оплату труда, соглашение об оказании бесплатной юридической помощи между адвокатом и обратившимся доверителем, договор между адвокатом и органом власти об оплате труда и компенсации расходов адвокату, оказывающему бесплатную юридическую помощь, акт о выполнении соответствующей работы. И это все документы не по существу вопроса обратившегося доверителя.

Отдельно следует отметить значение юридических клиник в формировании необходимых профессиональных компетенций будущих юристов. Клиническое образование гармонично встраивается и дополняет учебный процесс, делая его более интерактивным и практикоориентированным. Занятия в юридической клинике способствуют воспитанию нового поколения юристов, осознающих право в социальном контексте, а также взвешенному выбору своей будущей профессиональной деятельности. Кроме того, юридическая клиника является базой для прохождения студентами учебной практики.

Таким образом, бесплатная юридическая помощь как социально-правовое явление и юридическая клиника как основной участник негосударственной системы имеют нереализованный потенциал. Популяризации данного направления деятельности в большей степени будет способствовать прозрачность и доступность данной формы помощи гражданам, а ее качество будет определяться привлечением к

данной работе заинтересованных представителей профессионального сообщества.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон РСФСР от 20.11.1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» (не действует) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 22.08.2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» (не действует) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 03.12.2009 г. № 991 «О государственных юридических бюро» (не действует) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кручинин Ю.С., Арапов В.В. Вопросы реализации государственной системы бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Адвокат. 2012. № 12. С. 5–12.
7. Список адвокатов, участвующих в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи [Электронный ресурс]. URL: <https://adv-tver.ru/grazhdanam> (дата обращения: 30.01.2022).
8. Законопроект № 1199017-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1199017-7> (дата обращения: 30.01.2022).

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

ON THE PROVISION OF FREE LEGAL ASSISTANCE BY LEGAL CLINICS (ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL CLINIC OF THE LAW FACULTY OF TVER STATE UNIVERSITY)

S.A. Aleshukina

Tver State University, Tver

The article examines the issues of providing free legal assistance by various participants in the state and non-state system, analyzes the statistical data on the activities of participants in the FCLA in the Tver region, assesses the

provisions of the draft law on amending the law on free legal aid in the Russian Federation, substantiates the originality of legal clinics as participants in the non-state system, their importance in the implementation of the educational process and the inexpediency of formalizing their activities.

Keywords: *free legal aid, legal clinic, advocacy, poor citizens, educational standard, bill.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-code: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками (на примере юридической клиники юридического факультета Тверского государственного университета) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 200–208.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ПРАВОВЕДЕНИЮ СТУДЕНТОВ НЕПРОФИЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

О.С. Карпенюк

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор исследует интерактивные методы обучения студентов непрофильных факультетов правоведению, которые оптимизируют процесс обучения, формируют правосознание у студентов, помогают овладеть такими навыками, как критическое мышление, умение аргументировать и отстаивать свою позицию, осознанный поиск и анализ информации. В статье приводятся конкретные методы интерактивного обучения и результаты их применения при чтении дисциплины правоведения студентам биологического факультета Тверского государственного университета.

Ключевые слова: активные методы обучения, интерактивная лекция, правовые дисциплины, процесс обучения.

Основная сложность в преподавании правоведения студентам непрофильных факультетов – отсутствие интереса у студентов.

Правоведение видится им как что-то отдаленное, совершенно ненужное, неважное и неинтересное, никак не относящееся к их профессиональному образованию. Поэтому студенты рассматривают свое присутствие на лекциях и занятиях как формальное действие, а порой даже как наказание или искупление «грехов», в результате которого они получают прощение (награду) в виде зачета. Такое отношение проявляется в пассивности студентов, их «уходе в телефон» во время лекции, разговорах с соседом по парте.

Между тем, формирование правовой культуры и понимания сущности права – это неотъемлемая часть высшего образования. Видеть роль права в регулировании социальных отношений и соблюдать законы важно независимо от факультета и специальности студента.

Чтобы заинтересовать студентов биологического факультета и повысить их правосознание во время лекций, автор этой статьи включил в лекционный материал активные и интерактивные элементы, а также использовал опыт чтения интерактивных лекций Р.Г. Мельниченко [4].

Прежде чем перейти к описанию использованных методов, определимся с понятиями активных и интерактивных методов обучения. В литературе, посвященной внедрению и использованию активных и интерактивных методов обучения, они противопоставляются пассивному методу [1; 3, с. 340].

Пассивный метод обучения представляет собой одностороннюю связь «преподаватель – студент»: преподаватель говорит, а студент

слушает. Задача студента – внимать преподавателю, не шуметь и не отвлекать от чтения лекции.

Активный метод, в отличие от авторитарного пассивного, предполагает наличие обратной связи от студента. Студент и преподаватель находятся в диалоге, студент становится одним из активных субъектов образовательного процесса.

В интерактивном методе обучения к взаимодействию «преподаватель – студент» добавляется взаимодействие между студентами. Основа интерактивного метода обучения также диалог как между преподавателем и студентом, так и между студентами. Студент не только получает новую информацию, «образовывается», но и сам учит других студентов.

Использование активных и интерактивных методов обучения помогает повысить мотивацию студентов учиться, создать комфортную обстановку в аудитории, включить студентов в образовательный процесс, улучшить усвоение теоретических знаний и развить профессиональные навыки [3, 5].

Автор этой статьи, чтобы преодолеть пассивность студентов, включил в лекции такие элементы:

- риторический вопрос;
- схематическое изображение сказанного на доске;
- обращение к аудитории «Есть ли вопросы?» после каждого блока лекции;
- дискуссии по проблемным вопросам;
- рефлексия.

Интерактивный способ предполагает смену ролей преподавателей и студентов. Активность студентов возрастает, а преподавателя – уменьшается [2, с. 91]. Поэтому монологическая часть лекции длилась не более 10–15 минут.

В начале лекции студентам объявлялся план, перечислялись блоки, из которых будет состоять лекция, и их краткое содержание. По окончании каждого блока студентам предлагалось задать вопросы.

Предложение задать вопросы помогает достичь нескольких целей. Во-первых, отделить блоки лекции, упростить их восприятие. Во-вторых, переключить студентов на диалог, дать им отдых от прослушивания монолога. В-третьих, проверить включенность аудитории, насколько хорошо студенты восприняли материал.

На первых лекциях на предложение: «Пожалуйста, ваши вопросы» автор обычно слышал следующий ответ: «Вопросов нет. Нам всё понятно». Такой ответ говорит о низкой результативности лекции, он означает, что студенты пассивны и не воспринимают материал. Это нельзя оставлять без внимания.

Для побуждения аудитории задавать вопросы Р.Г. Мельниченко предлагает использовать следующий прием: обратиться к любому студенту с предложением задать вопрос [4, с. 13]. Если студент отказывается задавать вопрос – объяснить ему, что это не просьба, а задание сформулировать вопрос к услышанному материалу.

Другой способ привлечения внимания аудитории – задать риторический вопрос. Автор отступал от правила, согласно которому ответ на риторический вопрос должен быть неожиданным и неочевидным для аудитории. Тем не менее вопросы в середине монолога помогали создать небольшой диалог с аудиторией. Главный секрет – выдержать паузу. Нужно дождаться ответа аудитории прежде чем самому ответить на вопрос.

Схематичное отображение основных моментов лекции на доске помогает переключать внимание студентов с фигуры преподавателя на то, что он пишет. Фиксация на доске задействует зрительную память, что также способствует лучшему запоминанию материала.

В конце лекции преподаватель предлагал студентам ответить на дискуссионный вопрос. Цель дискуссии – развить у студентов навык убедительной речи, научить вести аргументированный спор. Задача преподавателя как модератора дискуссии – выявить в аудитории противоположные позиции, вывести их на доску и помочь определить позицию, которая одержит верх. В дискуссии преподаватель уходит на второй план, студенты взаимодействуют друг с другом.

Еще одна форма взаимодействия студентов — это объяснение лекционного материала. Если студент не понял какую-то часть лекции, можно предложить объяснить материал другому студенту. Для этого преподаватель просит поднять руки студентов, которые поняли материал, а непонявшему студенту предлагается выбрать того, кто еще раз объяснит сложный вопрос. Таким образом можно проверить уровень понимания материала студентами, а также помочь лучше усвоить лекцию.

В конце лекции студентам задаются вопросы: «Как вам лекция? Что понравилось? Что не понравилось?». Это завершающий этап – рефлексия, получение обратной связи от студентов.

В обратной связи студенты отмечали, что лекции отличаются от других дисциплин тем, что между ними и преподавателем был диалог, общение. Им нравилась заинтересованность преподавателя в их мнении, возможность задать вопрос во время лекции. Некоторые студенты говорили, что они не заметили, как пролетело время занятия.

Из отрицательного – студентам не нравилось, что преподаватель заставляет задавать вопросы, когда у студентов их нет. Недовольство связано с непониманием студентов, зачем нужны вопросы.

Интерактивное обучение развивает у студентов способность критически мыслить, вести дискуссию, формулировать свою позицию и

аргументировать её. У студентов формируются навыки самостоятельного поиска знаний, анализа обстоятельств и решения проблем. Соответственно, выполняется задача по подготовке специалистов, которые способны самостоятельно анализировать большой объем информации, принимать решения и реализовывать их.

Список литературы

1. Деева Е.М. Применение современных интерактивных методов обучения в вузе: практикум. Ульяновск, УлГТУ, 2015. 116 с.
2. Каспина Р.Г., Плотникова Л.А. Новые стандарты обучения: применение интерактивных форм // Учет и статистика. 2016. № 2 (42) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-standarty-obucheniya-primenenie-interaktivnyh-form> (дата обращения: 11.01.2022).
3. Кругликов В.Н. Интерактивное обучение в высшей школе // Материаловедение. Энергетика. 2012. № 2-1 (147) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnoe-obuchenie-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 11.01.2022).
4. Мельниченко Р.Г. Разработка и реализация интерактивного курса в высшей школе: учебное пособие. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. 128 с.
5. Пафифова Б.К. Ситуационно-ролевые игры как одна из форм интерактивных методов обучения в высшей школе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsionno-rolevye-igry-kak-odna-iz-form-interaktivnyh-metodov-obucheniya-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 11.01.2022).

Об авторе:

КАРПЕНЮК Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6136-5900, e-mail: Karpenyuk.OS@tversu.ru

INTERACTIVE METHODS OF TEACHING LAW TO NON-CORE FACULTY STUDENTS

O.S. Karpenyuk

Tver State University, Tver

The author explores interactive teaching methods for students of non-legal faculties of jurisprudence, which optimize the learning process, form the legal consciousness of students, help to master such skills as critical thinking, argumentation and defending one's position, search and analysis of information. The article presents specific methods of interactive learning and the results of their application when reading the discipline of jurisprudence to students of the Faculty of Biology of Tver State University.

Keywords: *active method of teaching, interactive lecture, legal subjects, learning process.*

About author:

KARPENYUK Olga – PhD in Law, associate professor of the Department of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 6136-5900, e-mail: Karpenyuk.OS@tversu.ru

Карпенюк О.С. Интерактивные методы обучения правоведению студентов непрофильных факультетов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 209–213.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСЦИПЛИНЫ «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО»

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена воспитательным аспектам, формируемым у студентов-первокурсников дидактическими приемами, используемыми при преподавании дисциплины «Конституционное право»

Ключевые слова: воспитание, дидактика, компетенции, игровое обучение, критическое мышление.

Дисциплина «Конституционное право» изучается студентами, обучающимися по направлению «Юриспруденция» по профилю «Правопользование и правоприменение», в течение двух семестров первого года обучения. Первый год студенчества должен способствовать созданию таких условий, при которых обучение будет происходить не спонтанно, стихийно, интуитивно, не формироваться только комплексом дидактических и воспитательных мероприятий, выполняемых коллективом преподавателей, тьютором, студенческим самоуправлением, а способствовать созданию среды самоорганизации и самообучения, которая характерна для обучения взрослого человека.

Первый курс является годом перехода студентов от детства к взрослости. При этом студенты-юристы первого года обучения, как свидетельствуют исследования ряда авторов, пока еще слабо анализируют, синтезируют и оперируют понятиями. Их способность к аналитико-синтетической мыслительной деятельности недостаточно сформирована. Для них характерна зависимость от группового мнения, ригидность «я-концепции», консервативная самодостаточность, реактивная агрессивность. Достаточно часто первокурсники преувеличивают собственные недостатки и ошибки [2].

Студенто-центрированный подход к обучению был поставлен как одна из одобряемых концепций образования, выработанных Болонским процессом. При этом особое внимание уделено результатам обучения, которые выражаются лингвистически в глаголах «что делает» студент: воспроизводит, сопоставляет, формулирует, видит коррупциогенные факторы и пресекает коррупциогенное поведение, пресекает противоправные действия, составляет юридические документы и т.п. Студент должен научиться понимать цели обучения. Достижение овладения компетенциями, предусмотренными программой бакалавриата 40.03.01 невозможно без осуществления воспитательного воздействия в процессе использования дидактических методов. В Федкральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [1]

образование определено как процесс воспитания и обучения. Ориентир на личность студента переводит воспитательный компонент образовательной деятельности в воспитательную компоненту.

Дисциплина «Конституционное право» ставит целью выработки компетенции ОПК-3: «способен участвовать в экспертной юридической деятельности в рамках поставленной задачи». Для участия в экспертной деятельности необходимо выработать умение определять цель и задачи такой деятельности. Как отмечено в различных исследованиях, постановка цели более конкретна, а определение задач объемно, разнопланово, может носить творческий характер. Воспитательные аспекты в выработке умения определять задачи как раз и должны быть основаны на правовом сознании студента. Его гражданская и патриотическая позиция проявляется в обозначении круга задач экспертизы нормативно-правового акта. Одним из способов является способ задавания вопросов: «какая цель правового регулирования?», «какой способ оптимален для такой цели?», «какой характер правовой нормы способствует предполагаемому результату регулирования отношений?», «каковы возможные последствия применения норм?», «как соотносятся нормы данного акта с иными, регулирующими данный вид отношений?» и т.п. Умение определять круг вопросов базируется на воспитании различных самоорганизующих, интеллектуальных свойств личности студента. Здесь предполагается развивать дивергентное мышление. Конвергентный тип мышления, сформированный школой, для такого вида деятельности не является определяющим. Достигается развитие дивергентного мышления методиками, включающими креативные элементы. Так, например, в игровой форме между командами происходит состязание, кто больше вопросов придумает. Воспитание любознательности, выработка логики предполагают личностное отношение первокурсника к экспертной деятельности. Важным видом деятельности является выявление недостатков нормативно-правового акта (далее – НПА), которые могут быть выражены с гражданской позиции, общественной ценности закона (НПА). В этом случае используется форма игры, например «Парламентские дебаты». Иной стороной выявления недостатков нпа является обнаружение положений, не соответствующих основному закону государства. Используется дискуссия «Конституционный Суд». В такой дискуссии, в отличие от предыдущей игры, где есть представители законотворческой инициативы и их оппоненты, роли распределяются на судей, заявителей, экспертов по направлениям, председательствующего в заседании. В названных формах закладываются основы еще одной компетенции – ОПК-7: «способен соблюдать принципы этики юриста, в том числе, в части антикоррупционных стандартов поведения», которая подразумевает использование норм профессиональной этики. Также названная компетенция позволяет проявить антикоррупционное поведение. Умение отдельно

выделить коррупциогенные факторы НПА способствует воспитанию широты воззрения на действие норм права, формированию правовой культуры будущего юриста.

Помимо названных преимуществ игры в воспитании студента-первокурсника как будущего профессионала, необходимо отметить, что такой дидактический подход формирует не только словестно-логическое, но и практически-действенное мышление. Это ведет к воспитанию активной жизненной гражданской позиции, профессионального равнодушия, уверенности в правильности действий, снижению реактивной агрессивности, преодолению патогенного мышления.

Описанные выше игры применяются во втором семестре, поскольку воспитание студентов в первые месяцы учебы ставит перед собой задачи адаптации к работе в коллективе, выработки нравственного социально одобряемого поведения. Некоторым студентам сложно переходить от классно-урочной системы обучения к обучению в развивающей среде. Эта среда, где мотивы и оценки поведения строятся не на морали, традиции, бытовом осмыслении правил поведения и пониманий нравственности. Особый характер среды обучения проявляется в оценке поведения и целей обучения с позиции закона, предписаний правовых норм. От первокурсника первых месяцев обучения требуется осмысленный переход в коллектив взрослых людей (однорूपников, сокурсников), где он и преподаватель – участники единого процесса познания. Преподаватель – не учитель. Он не учит, он обсуждает вопросы, провоцирует на самовыражение, дает возможность самому студенту не только принимать решение, но и оценивать самого себя. Одна из важнейших задач воспитания в этот период – адаптация к равенству субъектов образовательного процесса. Студент должен достичь состояния, при котором он не боится выразить свое мнение, задать вопрос, признаться в том, что не понял материал, уточнить непонятное, правильно отреагировать на неправильные ответы других студентов, быть толерантным. В этих целях на занятиях по конституционному праву используется такой метод опроса, как «ответ с оппонированием». Заключается он в том, что устный ответ сокурсника разбирают несколько оппонентов. Их задача письменно зафиксировать все основные тезисы ответа. Затем каждый тезис получает одну из оценок: «верно» – «+», «не верно» – «-», «не относится к сути ответа» – «→». Затем оппонент должен дополнить ответ или исправить ошибочные высказывания. Используется также метод проблемной лекции. Студенты предупреждаются о том, что на лекции преподавателем будут сделаны 5 ошибочных высказываний. Задача студентов состоит в вычленении ложного (ошибочного) высказывания, его копировании на «листок протеста» и быстрой подачи на стол преподавателя. После окончания рассмотрения темы, надо оставить время на прочтение переданных на «листочках протеста» мнений студентов по поводу того, какие высказывания были отнесены к неверным. При этом все студенты реагируют на прочтение голосованием: на вытянутой вверх руке демонстрируют при сжатой в кулак

ладони большой палец либо вверх, что означает согласие с мнением, либо вниз – несогласие. После этого может быть дано задание на дом обосновать правильные ответы, на которые преподаватель дал неверные высказывания.

Для осознания процесса обучения при преподавании дисциплины «Конституционное право» используется задание «Умный вопрос» [3], которое помогает каждому понять смысл формирования нового знания.

Особенностью дисциплины «Конституционное право» является то, что само изучение основ конституционного строя, правового положения человека и гражданина, устройства органов публичной власти несет в себе огромный потенциал патриотизма, гражданственности, нравственности для будущего юриста. На примере осмысления сущности конституционных правоотношений, принципов устройства государства, в котором высшей ценностью названы права и свободы человека, законотворческой деятельности вырабатывается уважение к основному закону страны – Конституции Российской Федерации. Формируется глубокое понимание демократических преобразований в нашем государстве. Становятся понятны многие явления политической жизни, причины их порождающие и возможные юридические последствия, например, такие, как необходимость принят или корректировки правовых норм. При этом негативная оценка действительности и критика рассматриваются на занятиях таким образом, чтобы студенты могли сделать самостоятельные выводы и понять, почему происходят ошибки в понимании ряда явлений. Такой подход помогает развивать компетенцию ПК-1: «способен осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры». Так, например, рассматривается опасность несанкционированных антигосударственных массовых мероприятий. Студенты однозначно дают им негативную оценку, прежде всего основывая свой ответ на нормах законов, на оценивании возможных последствий неправомерного поведения, возможной общественной опасности и общественного вреда. При рассмотрении вопроса о принятии Конституции РФ в 1993 г. представляется цифра отданных голосов «за принятие» – 31 %. На первый взгляд кажется, что эта цифра явно ниже половины населения страны, имеющего право голосовать. При изучении статистики голосования студентам представляется не только эта цифра, но и совокупность всех показателей: в голосовании приняли участие почти 55 % избирателей (что уже делает голосование состоявшимся), из которых 58,5 % проголосовали за новую Конституцию. Фактически студенты сами делают вывод о том, что реально Конституция Российской Федерации принята большинством избирателей и является выражением воли многонационального русского народа.

Воспитательный потенциал дисциплины «Конституционное право» помогает недавним школьникам выстраиванию таксономии целей. Таксономия целей в процессе обучения становится важнейшим этапом на начальной стадии обучения, то есть на первом курсе. Таксономия может

изменяться в связи с осознанием студентом своего потенциала, интересов, прогноза выбора юридической профессиональной специализации. Чем раньше студент воспитает в себе самоконтроль, самоорганизованное поведение, тем раньше он осознает более четкие направления обучения, необходимые для успешной профессиональной деятельности. «Конституционное право» имеет большой потенциал, поскольку формирует юридически обоснованную гражданскую позицию, способствует воспитанию патриотизма, развивает интеллект и эрудицию, создает основу для восприятия правового регулирования в нашем государстве с позиций конституционализма.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
2. Иванов Г.П. Особенности личностных и психологических характеристик студентов юридического факультета. // Прикладная юридическая психология, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnyh-i-psihologicheskikh-harakteristik-studentov-yuridicheskogo-fakulteta/viewer>
3. Рязанова Е.А. Игра на практических занятиях по дисциплине «конституционное право» как один из способов достижения овладения профессиональной компетенцией ПК-6 // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 178 - 182.

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, e-mail: lana_7765@mail.ru

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE DISCIPLINE «CONSTITUTIONAL LAW»

E.A. Ryazanova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the educational aspects that are formed among first-year students by didactic techniques used in teaching the discipline «Constitutional Law»

Keywords: *education, didactics, competencies, game learning, critical thinking.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, e-mail: lana_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Воспитательный потенциал дисциплины «Конституционное право» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 214–218.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.615.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.219

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА МЕЖДУ СУПРУГАМИ (БЫВШИМИ СУПРУГАМИ)

Е.В. Баранова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются алиментные обязательства между супругами (бывшими супругами), проблемы определения размера денежных сумм при назначении алиментов, в том числе в алиментном соглашении супругов.

Ключевые слова: алименты, обязательства супругов, алиментное соглашение.

На конституционном уровне в Российской Федерации провозглашена охрана интересов семьи.

В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) закреплена обязанность по содержанию членов семьи. В данном случае, членами семьи являются супруги, состоящие в законном браке, в соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» [3].

Со дня, когда состоялась государственная регистрация заключения брака, у супругов возникают права и обязанности друг перед другом. Именно правоотношения, возникающие между супругами (бывшими супругами), представляют объект исследования по алиментным обязательствам.

Законодательство постоянно изменяется, так как изменяется уровень жизни населения, изменяются потребности в получении тех или иных благ, и алиментные обязательства между супругами (бывшими супругами) не исключение. Исходя из законодательства, следует, что супруги обязаны материально поддерживать друг друга, согласно п. 1 ст. 89 СК РФ.

Исследуя алиментные обязательства супругов (бывших супругов) как правовой институт, автор не обойдет стороной и их законодательное урегулирование, и особенности применения такого регулирования в судебной практике.

Данная статья не предполагает анализ исполнения алиментных обязательств между супругами. В статье особое внимание будет уделяться практическим проблемам в алиментных обязательствах супругов (бывших супругов), таких как: определение размера алиментов в твердой денежной сумме; какую форму алиментного соглашения выбрать супругам (бывшим супругам); что можно включить в алиментное соглашение; как определить в соглашении размер алиментов,

чтобы в результате интерес и благосостояние каждого из супругов не пострадали, и другим аспектам права.

По действующему законодательству алиментные обязательства супругов (бывших супругов) прописаны в гл. 14 СК РФ. Если происходит отказ от материальной поддержки супруга другим супругом, и в отсутствии соглашения между супругами об уплате алиментов, естественно, спор переходит уже в русло судебного разбирательства. На это имеют право: нетрудоспособный нуждающийся супруг; жена в период беременности и в течение трёх лет со дня рождения общего ребенка; нуждающийся супруг, осуществляющий уход за общим ребёнком-инвалидом до достижения ребёнком возраста восемнадцати лет, или за общим ребёнком-инвалидом с детства первой группы [2]. Следовательно, п. 2 ст. 89; п. 1 ст. 90 СК РФ определили круг лиц, которые имеют право требовать в судебном порядке предоставления алиментов от другого супруга (бывшего супруга), обладающего для этого необходимыми средствами.

На основании п. 4 ст. 30 СК РФ добросовестный супруг тоже может обратиться в суд о взыскании алиментов (если брак признан недействительным).

Несмотря на новые изменения об алиментных обязательствах в Семейном кодексе Российской Федерации, эта тема остается актуальной во все времена. Современное семейное законодательство предусматривает диспозитивное регулирование алиментных отношений. Супруги (бывшие супруги) вправе заключить соглашение об уплате алиментов, нормы же закона, регулирующие предоставление алиментов, возможно применить только при отсутствии соглашения между сторонами. Семейное законодательство предусматривает два порядка по уплате алиментов: по решению суда и по соглашению сторон. Здесь имеется четкое различие согласно действующему законодательству. Если имеется соглашение об уплате алиментов, следовательно, их взыскание через суд не допускается.

Алиментное обязательство – это правоотношение, которое возникает на основании юридических фактов: решения суда либо соглашения сторон, при котором предоставляется содержание нуждающейся в алиментах стороне.

В настоящее время развивается система социального обеспечения, однако данный факт не влияет на актуальность алиментирования, так как две системы служат одной цели – предоставить нуждающимся нетрудоспособным лицам содержание для удовлетворения жизнеобеспечения гражданина.

Алиментное соглашение регламентируется ст. 99 СК РФ и является новеллой. Оно подпадает под определение гражданского договора. Статья 420 Гражданского кодекса Российской Федерации дает определение договора, где договором признается соглашение двух или

нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [1]. Алиментные обязательства специфичны, и специальные правила для них устанавливает семейное законодательство, в то время как гражданское законодательство регулирует порядок заключения, изменения и признания недействительным соглашения об уплате алиментов. Особенность заключения данного соглашения между сторонами состоит в заверении его нотариусом. Алиментное соглашение будет признано недействительным, если не будет нотариально заверено. В соглашении супруги (бывшие супруги) могут определять самостоятельно сумму выплаты алиментов; могут включить в соглашение последующую индексацию алиментов на уровень увеличения прожиточного минимума. Стороны добровольно договариваются о сумме и частоте выплат, и всё это прописывается в соглашении. Действующее семейное законодательство предусматривает только право на алименты для супругов (бывших супругов), состоящих в зарегистрированном браке, и регламентируется это ст. 89, 90 СК РФ, однако отношения между фактическими супругами обычно ничем не отличаются от отношений между лицами, имеющими штамп в паспорте о регистрации брака. Тем самым возникают ситуации, когда закон не способен учесть такое. Одним из вопросов, сохраняющих актуальность в течении длительного времени, является возможность признания законодателем так называемого фактического брака, т.е. сожительства мужчины и женщины при отсутствии государственной регистрации заключенного между ними брака [5].

Способ исправления данной ситуации есть. Выйти из положения можно двумя способами: закрепить на законодательном уровне право женщины на свое содержание, признав совместное проживание вышеуказанных лиц – юридическим фактом, подразумевающим фактически брачные отношения; либо предоставить лицам, не указанным в законе по алиментным обязательствам супругов, возможность заключать алиментное соглашение для своего содержания.

В статье 91 Семейного кодекса Российской Федерации говорится о размере алиментов, взыскиваемых на супругов (бывших супругов) в судебном порядке [2]. Однако, проанализировав данное суждение, следует сказать, что оно спорно, а именно, в части, где говорится о размере алиментов, которого в данной статье Семейного кодекса Российской Федерации не усматривается. Акцентируется внимание здесь только на твердой денежной сумме, подлежащей уплате ежемесячно.

Законодатель предоставил право супругам (бывшим супругам) при отсутствии соглашения между ними обратиться в суд за защитой своих прав. В то же время законодатель не доработал в данной статье и не определил размер денежной суммы, предоставив в дальнейшем вольно трактовать данную статью и суду. Суд может как освободить должника

от алиментных обязательств, учитывая материальное положение сторон, так и уменьшить алименты. При этом, до какой суммы допустимо уменьшение алиментов, законодатель умалчивает. Вследствие данного правового пробела в законодательстве образовалась практическая проблема, которая должна быть урегулирована законодательной нормой права.

Целесообразно внести в ст. 91 СК РФ дополнение, определив денежную сумму к уплате, установив при этом ее минимальный предел в денежном выражении, который не может быть ниже прожиточного минимума в регионе проживания лица, претендующего на алименты, либо не ниже минимального размера оплаты труда согласно федеральному законодательству.

Что касается правоприменения по алиментным обязательствам супругов (бывших супругов), допустимо обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором разъясняется применение законодательства, рассматриваются различные категории дел, где имеются семейно-правовые связи субъектов правоотношений, в том числе по правам и обязанностям. Суды, вынося то или иное решение, всегда придерживаются рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации. На сегодняшний день актуальным является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» [4].

Суды отказывают в иске о взыскании с ответчика алиментов в пользу другого супруга (бывшего супруга), если ответчик будет не в состоянии удовлетворять свои жизненные потребности и потребности членов его семьи, которых он по закону обязан содержать за счет средств, которые останутся после уплаты алиментов.

Суд обязательно учитывает при определении размера алиментов, подлежащих взысканию с ответчика, наличие заработка у истца либо иной доход истца, так же как и ответчика.

В случаях, когда отец осуществляет уход за общим ребенком до достижения им возраста трех лет, если мать ребенка полностью устранилась от его содержания, применяется аналогия закона [2], и в суд уже обращается супруг – отец.

Нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака, так же имеет право на алименты, даже если он стал нетрудоспособным еще до вступления в брак с ответчиком.

Если истец достиг общеустановленного пенсионного возраста, согласно п. 1 ст. 90 СК РФ, он тоже имеет право на алименты. Судом при рассмотрении таких исков всегда изучаются юридически значимые обстоятельства, такие как: длительность брака сторон; периоды брака;

причины, по которым стороны расторгли брак, и, конечно же, нуждаемость в содержании и наличие имеющихся для этого средств у другого супруга (бывшего супруга).

В случае, если нетрудоспособность супруга наступила вследствие злоупотребления им спиртными напитками или наркотическими средствами либо совершения умышленного преступления, приведшего к нетрудоспособности, суд освобождает супруга от обязанности содержать другого нетрудоспособного нуждающегося, а также, если имели место иные обстоятельства, подтвержденные документально: медицинские документы, определение суда, вступившее в законную силу, постановление органа предварительного следствия о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, применив положения ст. 92 СК РФ [2]. В случае непродолжительного брака и при недостойном поведении в семье суд также освободит супруга от обязанности содержать другого супруга. Однако, если супруга стала инвалидом в период брака в связи с тяжелыми родами, суд удовлетворит иск о взыскании алиментов.

Если требование о взыскании алиментов предъявил нетрудоспособный нуждающийся в помощи бывший супруг, суд применит ст. 5 СК РФ, исходя из аналогии закона.

Супружеские отношения создают наряду с морально-психологической основой семейной жизни еще и материальную. Действующее законодательство, которое регулирует алиментные обязательства между супругами (бывшими супругами), не совершенно. В нем есть и недостатки правового характера, так как уровень жизни очень быстро меняется.

В перспективе предстоит внесение предложений по изменению и дополнению семейного законодательства для более эффективного регулирования алиментных обязательств супругов (бывших супругов). Автор данной статьи, к ранее высказанным предложениям по устранению законодательных пробелов в области алиментных обязательств супругов (бывших супругов), предлагает ещё варианты по внесению дополнений в СК РФ:

– внести в абз. 4 п. 1 ст. 90 СК РФ дополнения: после слов «...с момента расторжения брака», дополнить «до вступления нетрудоспособного супруга в новый брак»;

– внести в абз. 5 п. 1 ст. 90 СК РФ дополнения: после слов «...состояли в браке длительное время», дополнить «до вступления бывшего супруга, достигшего пенсионного возраста в новый брак»;

– исключить из п. 2 ст. 89 и п. 1 ст. 90 СК РФ фразу «...обладающего необходимыми для этого средствами».

В настоящее время в законодательстве отдается приоритет алиентам, которые положены несовершеннолетнему ребенку, в том случае, если у мужа нет материальной возможности обеспечивать до

истечения трех лет их общего ребенка и бывшую жену, что является пробелом законодательства, требующим определенной правовой корректировки.

Регулирование алиментных обязательств осуществляется семейным законодательством, соответственно, основные изменения нужно вносить в СК РФ.

С учетом сложившейся практики, нормативное регулирование в семейно-правовых вопросах по алиментным обязательствам супругов (бывших супругов) будет и дальше совершенствоваться.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 18.07.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15.11.1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.

Об авторе:

БАРАНОВА Елена Владимировна – аспирант, кафедра гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elenadvokat@yandex.ru

ALIMONY OBLIGATIONS BETWEEN SPOUSES (FORMER SPOUSES)

E.V. Baranova

Tver State University, Tver

Alimony obligations between spouses (former spouses), problems of determining the amount of money when assigning alimony, including in the alimony agreement of the spouses, are considered.

Keywords: *alimony, obligations of spouses, alimony agreement.*

About author:

BARANOVA Elena – graduate student, Department of Civil Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: elenadvokat@yandex.ru

Баранова Е.В. Алиментные обязательства между супругами (бывшими супругами) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 219–224.

ЗАКОННЫЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Е.И. Баранова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы законного режима имущества супругов, особенности и проблемы определения общего совместного имущества и личного имущества каждого из супругов.

Ключевые слова: имущество супругов, законный режим, личная собственность, совместная собственность.

Споры между супругами являются самыми распространенными семейными имущественными спорами. Действующее законодательство на многие вопросы, связанные с имущественными отношениями между членами семьи, не дает однозначного ответа, что приводит к неблагоприятным последствиям для всех участников гражданского оборота (супругов, приобретателей недвижимости, принадлежавшей супругам, кредиторов и др.).

В ст. 33 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] указано, что законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности и данный режим действует, если брачным договором не установлено иное.

Пункт 1 ст. 34 СК РФ и ч. 1 ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] указывают, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Законный режим имущества супругов может быть изменен брачным договором. Супруги имеют право установить режим совместной, долевой или раздельной собственности как на отдельные его виды или на имущество, которое принадлежит каждому из них, так и на все имущество, принадлежащее супругам. Брачный договор может быть заключен в отношении уже имеющегося имущества, а также любого другого будущего имущества супругов. По обоюдному соглашению между собой, супруги могут расторгнуть либо изменить брачный договор в любое время.

Соответственно, главным условием для возникновения права общей совместной собственности супругов является их зарегистрированный в установленном законом порядке брак. Лица, которые проживают вместе и при этом не регистрируют брак, на право общей совместной собственности на имущество, приобретенное в это время, претендовать не могут. Использование аналогии в подобном случае не допускается.

Следует отметить, что постулаты семейного права, как правило, неизменны в пределах иного отраслевого регулирования: браком признается лишь зарегистрированный союз мужчины и женщины; при вынесении судом решения о лишении родительских прав родители утрачивают все права, основанные на факте родства с ребенком, и т. д. В то же время в некоторых случаях законодатель и (или) правоприменитель занимают иную позицию, свидетельствующую о придании юридической силы иным обстоятельствам, нежели тем, которые императивно обозначены в СК РФ [4, с. 7–8].

Имущественные отношения – очень востребованные и одновременно сложные в семейном праве. Общее имущество супругов, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено, нажитое во время брака, находится в их совместной собственности. Также согласно п. 3 ст. 34 СК РФ на общее имущество супругов может претендовать супруг, если он, находясь в браке, ухаживал за детьми, вел домашнее хозяйство либо у него имелись другие уважительные причины, из-за которых он не мог самостоятельно зарабатывать. К личной же собственности каждого супруга относится имущество, принадлежащее до вступления в брак, либо полученное в период брака безвозмездно, например унаследованное или подаренное. Согласно пояснению Верховного суда Российской Федерации не является общим также имущество, которое было приобретено в период брака, но на личные средства супруга, принадлежащие ему до регистрации брака [3]. При этом не указано, будут ли средства, полученные в случае последующей продажи указанного имущества, личными или все-таки станут общей собственностью супругов, как и все доходы в период брака. Этот же вопрос появляется и в отношении имущества, приобретенного на подаренные во время брака одному из супругов деньги, а также процентов по вкладу, если указанные средства размещаются в кредитной организации.

В настоящее время правовое урегулирование семейных правоотношений имеет большую значимость в обществе. Доходы людей растут, появляются новые виды коммерческой деятельности, дорогостоящие активы, в том числе находящиеся за рубежом, и становится просто необходимым проводить анализ имущественных семейных отношений, определять, кто из членов семьи может претендовать на какое имущество. Особенно неприятны проблемные споры при разделе недвижимого имущества. Каждый случай по-своему исключительный, так как при разводе и разделе имущества тяжело заранее спрогнозировать позицию суда. Здесь необходим единый подход к правовой природе имущественных отношений супругов и к правилам раздела совместно нажитого имущества.

Сложными представляются случаи раздела недвижимого имущества, приобретенного одним из супругов до заключения брака по

договору пожизненного содержания с иждивением или договору ренты, а также дела, где ипотека на покупку недвижимости бралась до брака, а после заключения брака оплачивалась за общие средства супругов. Нередко платежи по договору пожизненного содержания с иждивением или ренты осуществляются за счет общих денежных средств супругов или второй супруг сам осуществляет уход за рентополучателем. В законодательстве относительно этого имеется пробел, и данная ситуация прямо не урегулирована [5].

Большое количество судебных споров возникает из-за оспаривания сделок по распоряжению общим имуществом одним из супругов. Согласно п. 2 ст. 35 СК РФ при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия супруга. Однако в соответствии с п. 3 ст. 35 СК РФ: «для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга», иначе сделка может быть признана недействительной. А все остальные сделки по распоряжению общим имуществом без согласия второго супруга могут быть признаны недействительными, если будет доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о несогласии супруга на ее совершение.

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что в наше время происходит очень много бракоразводных процессов с разделом совместных долгов, так как супруги за время брака успевают обзавестись не только недвижимостью, но и кредитными обязательствами. Также взыскание на имущество супруга-должника может быть обращено по требованию кредитора, но в случае, если этого имущества будет недостаточно, то кредитор может потребовать выделить долю супруга-должника, которая причиталась бы ему в случае раздела общего имущества супругов, чтобы обратиться на нее взыскание.

Суды первой инстанции часто неверно толкуют и применяют нормы материального права и гражданского процессуального законодательства: нет оценки доводам сторон, если в общее имущество вкладывались личные средства, обстоятельства, которые подлежат доказыванию, неверно определены и др.

В заключение хочется сказать, что вопросов относительно правового регулирования общих обязательств супругов, в том числе и при разделе общего имущества, с развитием современного общества, повышением уровня жизни населения с каждым годом становится все больше, в связи с тем, что не на все в законодательстве есть ответ. Растет число судебных споров относительно раздела общего имущества супругов, это

свидетельствует о том, что необходимо вносить изменения в действующее законодательство, так как оно перестает быть эффективным.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019 г.) // РГ. 1994. № 238–239.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // РГ. 1996. № 17.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–8.
5. Эммаусская А.И., Пальцева Е.С. Актуальные проблемы регулирования правового режима имущества супругов // Актуальные исследования. 2021. № 15 (42). С. 32–34 [Электронный ресурс]. URL: <https://apni.ru/article/2197-aktualnie-problemi-regulirovaniya-pravovogo> (дата обращения: 25.12.2021).

Об авторе:

БАРАНОВА Евгения Ивановна – аспирант, кафедра гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: evgenka2606@yandex.ru

LEGAL REGIME OF MARITAL PROPERTY

E.I. Baranova

Tver State University, Tver

The issues of the legal regime of the spouses' property, the peculiarities and problems of determining the common joint property and personal property of each of the spouses are considered.

Keywords: *marital property, legal regime, personal property, joint property.*

About author:

BARANOVA Evgeniya – graduate student, Department of Civil Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: evgenka2606@yandex.ru

Баранова Е.И. Законный режим имущества супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 225–228.

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Э.Ю. Бозова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности мер семейно-правовой ответственности родителей (лиц, их заменяющих), закреплённых в Семейном кодексе РФ. Акцентируется внимание на основной задаче семейно-правовой ответственности родителей (лиц, их заменяющих).

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность, родители, дети.

Сегодня, как и вчера, права детей довольно часто нарушаются родителями или лицами их замещающими. При этом забота о детях, их воспитание – одна из главных обязанностей родителей, закреплённая в Конституции Российской Федерации [1], Конвенции о защите прав детей [2] и Семейном кодексе Российской Федерации [3].

В случае невыполнения родителями (законными представителями) своих обязанностей по отношению к ребенку, а также в случае ненадлежащего их выполнения к ним могут быть применены меры правовой ответственности. Действующее законодательство предусматривает различные меры ответственности родителей (законных представителей): семейно-правовую, административную, гражданскую, уголовную.

Хотелось бы более детально остановиться на семейно-правовой ответственности родителей, так как в последнее время в судебной практике набирают обороты дела об ограничении и лишении родительских прав, а на слуху вопиющие случаи ненадлежащего поведения родителей, в отношении своих детей.

Под семейно-правовой ответственностью понимаются – личные неимущественные и (или) имущественные меры принуждения, ограничивающие осуществление семейных прав, лишаящие семейных прав, устанавливающие дополнительные обременения, предусмотренные семейным законодательством и применяемые судом, иным компетентным органом к участникам семейных отношений, совершившим семейное правонарушение и (или) иное действие, признаваемое семейным законодательством в качестве основания ответственности. Такое определение было дано Ю.Ф. Беспаловым [4, с. 46].

Семейно-правовая ответственность родителей – это единственный механизм защиты нарушенного права ребенка, если родители забывают или уклоняются от выполнения своих родительских обязанностей, при этом привлечение к семейно-правовой ответственности возможно только

государственными органами и при злоупотреблении своими родительскими правами в отношении ребенка.

В Семейном кодексе РФ отражены следующие меры семейно-правовой ответственности: лишение родительских прав, ограничение родительских прав, отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, приостановление права родителей на защиту и представительство интересов ребенка, отказ в восстановлении родительских прав, отказ в предоставлении родителям информации о ребенке, отстранение опекуна или попечителя от исполнения обязанностей по опеке или попечительству, отмена усыновления, лишение права на общение с детьми, лишение родителей права на получение содержания от своих совершеннолетних детей.

Меры семейно-правовой ответственности применимы в тех случаях, когда родители или лица их заменяющие, отказываются от добросовестного исполнения возложенных на них государством обязанностей. При этом только благодаря семейно-правовой ответственности возможно соблюдение прав и свобод, провозглашенных в Конституции РФ и Конвенции о правах ребенка.

В ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации содержится исчерпывающий перечень оснований, которые могут послужить причиной лишения родительских прав, а именно: уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребление своими родительскими правами; жестокое обращение с детьми, в том числе физическое или психическое насилие над ними, покушение на их половую неприкосновенность; родители являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; родители совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Лишение родительских прав – это исключительная мера ответственности родителей. Так, в некоторых случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств, а также с учетом интересов ребенка может отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей.

В первую очередь суд оценивает возможность принятия решения в интересах ребенка, ведь приоритетной формой воспитания ребенка является семья, поэтому необходимо тщательно изучить ситуацию и

приложить значительные усилия, чтобы исправить поведение родителей и восстановить родительско-детские отношения.

Ряд авторов в своих трудах выражают мнение, что некоторые виды семейно-правовой ответственности, такие как лишение родительских прав, выполняют карательную функцию [5, с. 21].

По моему мнению, данный вид ответственности выполняет функцию защиты прав и законных интересов ребенка, а не является наказанием для родителей. При применении мер семейно-правовой ответственности (например, лишение родительских прав) дети фактически утрачивают право на общение с кровными родителями, в отношении которых применены данные меры. Тем самым дети защищены от противозаконных действий своих родителей или лиц, их заменяющих.

При этом стоит отметить, что законодатель совершенно необоснованно установил двойной стандарт для родителей и усыновителей: при практически полной тождественности правоотношений предусмотрел некоторые исключения для усыновителей [6, с. 180].

Лишение родительских прав влечет за собой утрату родителями (одним из них) не только тех прав, которые они имели до достижения детьми совершеннолетия, но и всех других прав, основанных на факте родства с ребенком и вытекающих как из семейных, так и иных правоотношений (в частности, гражданских, трудовых, пенсионных), включая и право на льготы и пособия, установленные для граждан, имеющих детей, право на алиментное обязательство от совершеннолетних трудоспособных детей.

Говоря о семейно-правовой ответственности, необходимо обратить внимание на ее субъектов, которыми выступают участники семейных правоотношений: родители (лица, их заменяющие); члены семьи; органы опеки и попечительства и иные учреждения, на которые возложена обязанность по защите прав ребенка.

Особенностью семейно-правовой ответственности является возможность применения государственного принуждения. Возможность применения мер такой ответственности может исходить как от другого участника семейных правоотношений, так и от государства в лице его органов: органов опеки и попечительства или прокурора. Дела о лишении или ограничении в родительских правах всегда рассматриваются судом с участием органов опеки и попечительства и прокуратуры. Участие данных государственных органов необходимо для максимальной защиты прав и интересов ребенка.

Как же быть, если ребенок усыновлен иностранными гражданами и проживает за пределами РФ? Контроль за соблюдением прав ребенка на территории иностранного государства возложен на консульские учреждения. Однако применение мер семейно-правовой ответственности

к иностранным гражданам крайне сложно из-за различия законодательных норм и ограниченного круга полномочий консульских учреждений. В связи с чем усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников.

Подведем итоги: семейно-правовая ответственность родителей выступает механизмом для защиты и обеспечения гарантированных прав и свобод ребенка. Государственные органы, на которые возложены функция контроля за соблюдением прав ребенка как на территории РФ так и на территории иностранного государства, призваны всецело исследовать семейно-правовые отношения и при необходимости применять механизмы правового воздействия в отношении родителей, нарушивших права детей. Несмотря на достаточно простой механизм применения мер семейно-правовой ответственности, устоявшуюся судебную практику, мы все равно сталкиваемся с уклонением родителей от добровольного выполнения своих родительских обязанностей, предусмотренных действующим законодательством. Возможно, в ближайшее время наступит более позитивная тенденция, ведь наше государство совместно с учебными заведениями проводят постоянные ликбезы для детей с целью не только общего правового просвещения, но и получения возможности защищать свои права. К тому же, дети все чаще стали использовать всемирную сеть, различные мессенджеры не только с целью общения, но и для получения дополнительного обучения. В любом случае, все мы должны помнить, что каждому ребенку нужна семья и мир, где можно смеяться, танцевать, петь, учиться и быть счастливым.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принята от 12.12.1993 г. всенародным голосованием // РГ. 1993. № 237.
2. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г. // РГ. 1995. №11.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1.
4. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 45–52.
5. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 13–23.

6. Шахаева А.М. К вопросу о мерах семейно-правовой ответственности родителей по семейному законодательству РФ // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 2. С. 180.

Об авторе:

БОЗОВА Эллада Юрьевна – аспирант, кафедра гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: e-bozova@mail.ru

FAMILY AND LEGAL RESPONSIBILITY OF PARENTS

E.Y. Bozova

Tver State University, Tver

The feature of measures of family-legal responsibility of parents, fixed in the Family Code of the Russian Federation, is considered.

Keywords: *family legal responsibility, parents, children.*

About author:

BOZOVA Ellada – graduate student, Department of Civil Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: e-bozova@mail.ru

Бозова Э.Ю. Семейно-правовая ответственность родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 229–233.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ЛИШЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Д.А. Гришанов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются отдельные спорные и проблемные вопросы, связанные с участием прокурора в рассмотрении судами дел о лишении граждан родительских прав и ограничении в них. Предлагаются способы решения данных проблем с целью повышения эффективности функционирования указанного института гражданского процесса.

Ключевые слова: прокурор, лишение родительских прав, заключение, ограничение родительских прав, суд, гражданское судопроизводство, вопросы воспитания детей, защита прав несовершеннолетних.

Семейные отношения являются достаточно специфичными, что выражается в их уязвимости и чувствительности в связи с тем, что они, являясь в высочайшей степени частными, допускают вмешательство публичного субъекта, с целью обеспечения интересов той или иной стороны данных общественных отношений, о чем совершенно верно указывает профессор О.Ю. Ильина [8, с. 13].

Вопросы, связанные с лишением и ограничением родительских прав, представляют собой яркий пример необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов. В связи с этим законодатель предусмотрел необходимость участия в судебном разбирательстве по данному вопросу представителей органов прокуратуры, целью которых, помимо прочих, является обеспечение соблюдения интересов и родителей, и ребенка.

Положения п. 2 ст. 70 и п. 4 ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации [2] устанавливают, что гражданские дела, связанные с лишением или ограничением родительских прав, рассматриваются с участием прокурора. В свою очередь, в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [1] устанавливается две формы участия сотрудника органов прокуратуры в рассмотрении указанной категории дел: путем их инициирования и путем дачи заключения по делу. Несмотря на лаконичность легальных формулировок, участие прокурора в рассмотрении судом указанной категории дел не лишено проблем.

ГПК РФ установлена необходимость дачи прокурором заключения по делу о лишении или ограничении родительских прав. Однако какой-либо конкретизации ни в федеральном законодательстве, ни в ведомственных нормативных актах данная функция не получила. До

настоящего времени не урегулированы вопросы о форме (письменная либо устная) и содержания заключения.

В науке к данному вопросу также обращаются достаточно редко. Так, Р.В. Габеева [7, с. 53] и В.Ф. Борисова [6, с. 107], рассматривая вопрос сущности заключения прокурора по указанной категории дел, не пришли к однозначному мнению. Отдельные авторы указали на то, что отсутствие регулирования указанного процессуального правомочия приводит к фактическому пробелу в праве [5, с. 120; 9; 5, с. 292].

В этой связи видится возможным указать, что заключение прокурора по указанной категории дел, на наш взгляд, должно даваться исключительно в письменной форме. В его содержании должна быть отражена мотивированная позиция органов прокуратуры, а также анализ сложившейся судебной ситуации, на основе которого данная позиция сформировалась. В то же время в документе должна найти отражение позиция относительно обоснованности лишения или ограничения родительских прав во взаимосвязи с интересами ребенка.

Исключительно в данном случае заключение можно рассматривать именно как объективный документ, который может являться частью мотивированного решения суда.

Рассмотрим другую проблему. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2013 г. № 200-О [3] орган конституционного контроля указал на то, что само по себе заключение, данное прокурором в ходе рассмотрения дел указанной категории, не является для суда обязательным и не может предопределять решение суда. Таким образом, фактически роль прокурора, как лица, уполномоченного на осуществление надзора за соблюдением законодательства, нивелирована, как и роль заключения, даваемого им.

В этой связи видится необходимым закрепить положения о необходимости обязательного учета и оценки судом данного прокурором заключения по делу о лишении или ограничении родительских прав с целью соблюдения конституционного принципа законности.

Еще одна проблема связана с вопросом об обязательности непосредственного участия прокурора в судебном заседании и рассмотрения данного факта в качестве основания для отмены принятого решения. Например, в науке, высказано мнение о возможности рассмотрения дела без участия прокурора вообще и достаточности лишь предоставления заключения на основании изучения материалов дела [10, с. 58]. Аналогичная позиция нашла закрепление и в ведомственном нормативном акте [4].

В связи с этим видится необходимым закрепить в ГПК РФ положение об обязательности фактического участия прокурора в судебном заседании, дополнив данным положением п. 3 ст. 45 ГПК РФ.

В то же время, считаем, что принятие судебного решения по указанной категории дел без фактического участия прокурора

необходимо рассматривать в качестве причины для его отмены по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ. Объясняется это тем, что в ходе судебного заседания могут быть предоставлены доказательства, не нашедшие оценки в рамках предоставленного заключения, однако могущие повлиять на позицию органов прокуратуры.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что вопросы участия прокурора в делах о лишении родительских прав или ограничении в них имеют существенные нормативные пробелы, что, несомненно, приводит к формальной неопределенности статуса данного участника производства по делу и возможности вынесения неправоудного решения.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 16.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2013 г. № 200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хомякова Максима Александровича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ахметзянов С.И., Лошкарёв А.В. Особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве по отдельным категориям дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4–2. С. 120–122.
6. Борисова В.Ф. Некоторые аспекты участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу // Вестник СГЮА. 2012. № 5 (88). С. 104–110.
7. Габеева Р.В. Участие прокурора в гражданском процессе // Бюллетень Владикавказского института управления. 2006. № 17. С. 50–57.
8. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 13–23.
9. Царева Е.Д. Прокурор в гражданском процессе: формы участия и правовое положение // Скиф. 2021. № 6 (58). С. 290–294.
10. Шериг-Оол А.М. Проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Вестник магистратуры. 2021. № 1–4. С. 58–59.

Об авторе:

Гришанов Данил Александрович – аспирант, кафедра гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: grishanovd21@mail.ru

**SOME PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION
IN COURT PROCEEDINGS IN CASES OF DEPRIVATION
OR RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS**

D.A. Grishanov

Tver State University, Tver

The article deals with some controversial and problematic issues related to the participation of the prosecutor in the consideration by the courts of cases of deprivation of parental rights of citizens and restrictions in them. The ways of solving these problems are proposed in order to increase the effectiveness of this institution of civil procedure.

Keywords: *prosecutor, deprivation of parental rights, imprisonment, restriction of parental rights, court, civil proceedings, issues of child rearing, protection of the rights of minors.*

About author:

Grishanov Danil – graduate student, Department of Civil Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: grishanovd21@mail.ru

Гришанов Д.А. Некоторые проблемы участия прокурора в судопроизводстве по делам о лишении и ограничении родительских прав // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 234–237.

СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.И. Тарасов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор анализирует нормы действующего законодательства и отдельные проблемы применения соглашения об уплате алиментов как инструмента регулирования отношений по содержанию несовершеннолетних детей. Особый акцент автор делает на проблеме соотношения интересов государства и родителей в обеспечении содержания несовершеннолетнего ребенка.

Ключевые слова: семейное законодательство, алиментные обязательства, частные и публичные интересы, содержание несовершеннолетних, соглашение об уплате алиментов.

Семейный кодекс Российской Федерации [2] (далее – СК РФ) предусматривает различные гарантии обеспечения несовершеннолетних членов семьи. Прежде всего, это возложение на родителей ребенка, а в случаях и порядке, предусмотренных законом, и на других членов семьи обязанности по содержанию несовершеннолетнего. Безусловно, именно родители должны обеспечивать ребенка, в связи с чем СК РФ устанавливает порядок уплаты и взыскания алиментов на несовершеннолетних детей, особо определяя формат взыскания алиментов в долевом отношении и (или) в твердой денежной сумме. Нельзя оставить без внимания и нормы административного [3], уголовного [4] законодательства, которые предусматривают основания и меры ответственности для родителей, уклоняющихся от предоставления содержания своим несовершеннолетним детям.

На наш взгляд, законодатель исходит из принципа добросовестности и порядочности родителей, любви к своим детям и заботы о содержании последних. В то же время законодатель не может игнорировать как интересы родителей, так и жизненные обстоятельства, при которых происходит исполнение обязанности по содержанию ребенка. Представляется, что конструкция соглашения об уплате алиментов, предусмотренная в ст. 99 СК РФ, есть средство индивидуального регулирования алиментных обязательств по содержанию членов семьи, и особенно востребована в рамках алиментных правоотношений по содержанию несовершеннолетних.

Заметим, что соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей может иметь различный субъектный состав, в том числе и сам ребенок может выступать стороной договора. В рамках

настоящей статьи не предполагаются исследование и демонстрация всех спорных и дискуссионных вопросов регулирования соответствующих отношений и формирования правоприменительной практики. Рассмотрим лишь некоторые проблемы, нуждающиеся в этом, на наш взгляд, с точки зрения соотношения частных и публичных интересов.

Как и любые семейные правоотношения, обязательства по содержанию несовершеннолетних членов семьи имеют в своей основе принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних (ст. 1 СК РФ). В связи с этим частные интересы ребенка в получении надлежащего и достаточного содержания имеют характер приоритетных, родители же должны прилагать все усилия к тому, чтобы обеспечить условия для физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка (ст. 65 СК РФ). Важно указать, что ответственность за обеспечение условий жизни, необходимых для развития ребенка, возложена на родителей ребенка и Конвенцией ООН о правах ребенка (ст. 27) [1].

Примечательно, что, по общему правилу, родители выступают в семейных правоотношениях на одной стороне, в связи с чем закон не делает разграничения (за исключением отдельных случаев) правового статуса матери и отца ребенка, предполагая при этом единство интересов родителей. Государство же реализует публичный интерес в обеспечении прав несовершеннолетних, устанавливая посредством императивных и диспозитивных предписаний механизм исполнения родителями обязанности по содержанию детей.

Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей есть инструмент, который применяется по доброй воле родителей ребенка, однако не стоит исключать и злоупотребления со стороны законных представителей несовершеннолетнего при исполнении ими обязанности публичного характера.

Несмотря на, казалось бы, исключительно частный характер заключаемого соглашения, и законодатель, и правоприменитель включают вопросы соглашения об уплате алиментов на ребенка в зону своего особого внимания. Так, в СК РФ предусмотрены дополнительные гарантии обеспечения содержания ребенка, в частности, размер алиментов, выплачиваемых на содержание несовершеннолетнего по соглашению, не может быть ниже того размера, который был бы установлен судом (ст. 103 СК РФ); такое соглашение может быть признано недействительным, если его условия существенно нарушают интересы ребенка (ст. 102 СК РФ). Определенные разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике в связи со взысканием алиментов на основании соглашения об уплате алиментов, дал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 56 от 26 декабря 2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [6].

На усиление публичных начал в регулировании отношений, связанных со взысканием алиментов на несовершеннолетних на основании соглашения родителей ребенка, обращает внимание в своих статьях О.Ю. Ильина [7, с. 224–227.]. Разнообразие проблем, возникающих в плоскости применения административного законодательства, в том числе и при ненадлежащем исполнении соглашений об уплате алиментов на детей, вызвало необходимость дополнительных разъяснений, вследствие чего Пленум Верховного Суда РФ издал 27 апреля 2021 г. постановление № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» [5].

Вышеизложенное позволяет однозначно утверждать, что государство постоянно осуществляет контроль за исполнением родителями обязанности по содержанию несовершеннолетних детей, даже в тех случаях, когда размер, формы, способы и порядок выплаты алиментов устанавливаются самостоятельно родителями при нотариальном удостоверении соглашения об уплате алиментов.

Достаточно актуальным для правоприменительной практики является вопрос злоупотребления родителями своими интересами при публичной демонстрации вполне добропорядочного поведения. Речь идет о соглашениях, условия которых предусматривают достаточно высокий размер алиментов, выплачиваемых на содержание детей. Казалось бы, добровольное принятие родителями на себя таких «завышенных» в сравнении с предусмотренными законом обязательств соответствует интересам ребенка. Однако, как свидетельствуют материалы судебной практики, в большинстве случаев воля родителей имеет совершенно иное основание, а именно намерение исключить ответственность родителя по другим обязательствам перед третьими лицами (как известно, алименты выплачиваются в первую очередь при наличии нескольких кредиторов).

Заметим, что доступные материалы судебной практики демонстрируют различные подходы к оцениванию размера алиментов, выплачиваемых на содержание несовершеннолетнего по соглашению, с точки зрения баланса интересов ребенка и интересов кредиторов плательщика алиментов. В частности, Конституционный Суд РФ в одном из своих определений уже десять лет назад выразил позицию: при взыскании алиментов должно исключаться чрезмерное и неразумное обременение лиц, осуществляющих алиментные выплаты, взыскиваемые в твердой денежной сумме [14]. Кстати, Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей [9], обратил внимание на недопустимость установления в соглашении об уплате алиментов значительного размера

алиментов (по конкретному делу это было 300 000 рублей ежемесячно на каждого из троих детей, что существенно превышало размер заработной платы плательщика алиментов), поскольку тем самым прогнозируется неисполнимость соглашения. Заметим, что возможность использования соглашения об уплате алиментов как способа уклонения от исполнения долговых обязательств отмечается многими учеными [10, 11].

Еще одной проблемой, которую полагаем необходимым отметить, являются пределы свободы родителей при определении объема своей обязанности по содержанию несовершеннолетних детей. Как известно, кроме выплаты алиментов родители (один из них) могут быть привлечены к несению дополнительных расходов на ребенка. Если проанализировать положения СК РФ, то алиментные платежи и дополнительные расходы на ребенка представляют собой самостоятельные платежи. Хотя Пленум Верховного Суда РФ, как отмечает О.Ю. Ильина, необоснованно квалифицирует дополнительные расходы как вид алиментных платежей [12, с. 182–188]. Аналогичного мнения придерживается и Л.Б. Максимович, ставя вопрос о «правомерности расширения границ алиментного соглашения за счет включения в него обязательства о дополнительных расходах, своеобразном «социальном пакете», предоставляемом ребенку помимо алиментов» [13, с. 11–12]. При этом ученый абсолютно верно указывает на практическую значимость дискуссии о соотношении алиментов и дополнительных расходов. Ведь законодатель достаточно императивно только соглашению об уплате алиментов, если оно удостоверено нотариусом, придает силу исполнительного листа. «Что касается обязательств по осуществлению дополнительных расходов, то эти обязательства могут быть включены в соглашение, однако в случае их неисполнения получателю потребуется сначала обратиться в суд с соответствующим иском, и только в случае его удовлетворения он получит исполнительный лист» [13, с. 11–12].

Исходя из поставленной нами цели исследования, полагаем возможным отметить, что в такой ситуации интересы и воля родителей при согласовании условий соглашения об алиментах, действительно, не ограничены законодателем, но в плоскости исполнения условий соглашения в части выплаты дополнительных расходов будут действовать правила, установленные законом, даже если родители определили иной порядок.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии проблемы баланса частных и публичных интересов в алиментных обязательствах по содержанию несовершеннолетних детей при наличии соответствующего нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов. С одной стороны, законодатель позиционирует соглашение как инструмент, позволяющий родителям несовершеннолетнего по своему усмотрению и руководствуясь не только интересами ребенка, но и собственными

интересами, определить формы, размер, способы и порядок выплаты алиментов. Но с другой стороны, в положениях СК РФ явно прослеживается публичный интерес, что демонстрируется в императивных нормах, реализация которых предполагает государственный контроль за исполнением родителями публично-правовой обязанности по содержанию детей.

Список литературы

1. Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН от 20.11.1989 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2011 г. № 953-О- [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=UudXewSk9aQ3V3vr&cacheid=C50FCCD404F97BAA614FA402932BD879&mode=splus&base=CJI&n=129622&rnd=38D51EB29FE26942B9B873F3D7FC4FE6#1PsXewSuuXQhhZnN1> (дата обращения: 06.02.2022).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286361/ (дата обращения: 06.02.2022).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/05/05/alimenti-dok.html> (дата обращения: 06.02.2022).
8. Артемьева Ю.А. Оспаривание соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // Проблемы экономики и юридической практик. 2019. Т. XV. С. 224–227.
9. Ивановская Н.В. Реализация принципов и положений Конвенции ООН о правах ребенка в законодательстве об алиментном содержании детей в РФ и странах ЕС // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы междунар. круглого стола. Минск, 16-17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Н. Годунов (гл.ред.) и др. Минск: БГУ, 2020. С. 136–142.
10. Ильина О.Ю. Гармонизация частных и публичных интересов на горизонте алиментных обязательств: проблемы совершенствования законодательства и практики его применения // Социально-юридическая тетрадь. Научный журнал. Выпуск 8 / под ред. Н.Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 11–22.

11. Ильина О.Ю. Новые правила ответственности за уклонение от уплаты алиментов: конгруэнтность семейно-правовых и уголовно-правовых норм // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2016. № 3. С. 69–78.

12. Ильина О.Ю. О новых направлениях формирования судебной практики по делам о взыскании алиментов в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 182–188.

13. Максимович Л.Б. Алиментное соглашение: проблемы законодательства и правоприменения // Семейное и жилищное право. 2020. № 3 (63). С. 11–12.

14. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=j4GYewSnMRTNCKc1&casheid=96E70F7AA2F1ECA03D4FF21AC2C5A6FE&mode=splus&base=LAW&n=179609&rnd=38D51EB29FE26942B9B873F3D7FC4FE6#bULYewSWCBLFVtup> (дата обращения: 06.02.2022).

Об авторе:

ТАРАСОВ Никита Игоревич – аспирант, кафедра гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Nikita.tara@yandex.ru

AGREEMENT ON THE PAYMENT OF ALIMONY FOR MINOR CHILDREN: SOME THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS

N.I. Tarasov

Tver State University, Tver

The author analyzes the norms of the current legislation and some problems of application of the agreement on the payment of alimony as a tool for regulating relations for the maintenance of minor children. The author places special emphasis on the problem of the balance between the interests of the state and parents in ensuring the maintenance of a minor child.

Keywords: *family law, maintenance obligations, private and public interests, maintenance of minors, alimony agreement.*

About author:

Tarasov Nikita – graduate student, Department of Civil Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: Nikita.tara@yandex.ru

Тарасов Н.И. Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей: некоторые теоретические и практические проблемы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 238–243.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 1 (69), 2022

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 16.03.2022. Выход в свет 22.03.2022.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,35.

Тираж 500 экз. Заказ № 59.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в Издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: (4822) 35-60-63. Цена свободная.